

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 11-12 2017
Литературно-художественный журнал

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ТАТЬЯНЫ ПЕЛЕХ

«Лев»

«Жар-птица»

XXI ВЕК

ВОЛГА

11-12 2017

Литературно-художественный журнал

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2017

11-12
2017

СОДЕРЖАНИЕ

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Михаил МУЛЛИН. **Жека-Воробей и Воробьиный Царь** 4

ПОЭТОГРАД

Ирина ДРУЖАЕВА. **Вдоль по Африке пешком** 42

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Валерий ШАМРАТОВ. **Большая сказка про маленькую девочку,
которая очень любила бананы.** 48

ПОЭТОГРАД

Михаил МУЛЛИН. **О необычных именах** 78

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Ирина ДРУЖАЕВА. **Невероятная рождественская история** 82

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Надежда АВРАМЕНКО. **Волк не может есть морковку...** 101

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Владимир КАНТОР. **Чур (Начало)** 105

СОБЫТИЕ

Ольга ПРОКОФЬЕВА. **Знакомый «незнакомец» Корней Чуковский** 155

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Алексей ГЕРАСИМОВ. **Радио и телевидение в моей жизни** 162

МУЗЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Светлана КЛИМЕНКО. **Путешествие в прошлое.** 171

СОБЫТИЕ

Елизавета МАРТЫНОВА. **Чернышевский и театр** 179

В МИРЕ ИСКУССТВА

Елизавета МАРТЫНОВА. **Полёт фантазии** 183

РЕЦЕНЗИИ

Михаил ЦАРТ. **Чудеса в жёлтой сумке** 184

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Александр КИРСАНОВ. **Дневник** 185

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В этом году исполняется десять лет с того времени, как журнал «Волга–XXI век» начал выпускать ежегодные специальные номера для детей. С тех пор в журнале были опубликованы произведения известных московских авторов: Сергея Михалкова, Андрея Усачёва, Тамары Крюковой, Михаила Есеновского, Александра Блинова, Елены Фельдман; стихи, сказки и рассказы писателей из других регионов: Олега Корниенко, Виталия Лозовича, Светланы Голубевой, Екатерины Бадыло и многих других. Были напечатаны и произведения саратовских авторов: Михаила Каришнева-Лубоцкого, Михаила Муллина, Евгения Грачёва, Михаила Кольяшкина, Кселены Литвиновой. В дебютной рубрике постоянно публиковались стихи и проза саратовских школьников – победителей различных литературных конкурсов.

Так получилось, что в 11–12 номере 2017 года преобладают сказки. Это неслучайно, ведь номер новогодний, рождественский. В нём есть и «Невероятная рождественская история» Ирины Дружаевой, и волшебные сказки с превращениями – Михаила Муллина и Валерия Шамратова, и даже сказочная повесть «Чур», принадлежащая перу известного писателя и философа Владимира Карловича Кантора.

Поэтами номера стали Михаил Муллин, Ирина Дружаева и Надежда Авраменко, участник литературной студии «Вдохновение» (г. Энгельс), дебютировавшая в толстом литературном журнале.

В помощь учителям и школьникам опубликованы литературоведческие и краеведческие материалы. Это статья Ольги Прокофьевой о жизни и творчестве Корнея Чуковского, очерк Алексея Николаевича Герасимова о саратовских радио и телевидении, «Музейные истории» Светланы Клименко, дневник Александра Кирсанова, опубликованный к юбилею замечательного саратовского краеведа Дмитрия Ивановича Худякова, и многое другое.

Последний в этом году номер нашего журнала, посвящённый детям, украсили работы саратовской художницы Татьяны Пелех, выдержанные в сказочном, «наивном» стиле и отвечающие общей тональности номера. Иллюстраторами «детского» выпуска стали Наталья Шиндина, Наталья Григорян, Максим Светланов.

Будем надеяться, что десятый, юбилейный выпуск журнала с произведениями для детей окажется интересен и любителям сказочного жанра, и ценителям детских стихов, и людям, интересующимся историей своего края.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

Михаил
Муллин

ЖЕКА-ВОРОБЕЙ И ВОРОБЬИНЫЙ ЦАРЬ

**В СЫРЕ НЕ ЕСТЬ МОЖНО ТОЛЬКО ДЫРКИ,
ИЛИ СКАЗКА ПРО МЫШИНЫЙ ГОРОШЕК**

**Не было бы счастья, да несчастье помогло,
или Волшебные слова**

Не было бы счастья, да несчастье помогло! Мальчику Мише Журавлёву от одного несчастья даже два счастья привалило. Заболел он однажды, да потом не только выздоровел, а ещё и **такое** увидел, чего до него никто не видывал! А главное, увиденное ему на пользу пошло, на всю жизнь пригодилось.

А заболел Миша, потому что простыл. И потом долго кашлял – не помогали лекарства. А болеть, сами понимаете, как плохо: ни тебе в детский садик, ни на улицу выйти нельзя!

Ну да теперь о счастьях. Первое счастье: к больному мальчику немедленно бабушка приехала.

– Ну что, князь Мышкин? – спросила она внука, присев к его постели и положив заботливую ладонь на его лоб. – Не так плохо – температура нормальная.

– Кашляет он, – пожаловалась Мишина мама.

– Эту напасть мы в два счёта урезоним! – успокоила бабушка. – Сейчас только настой из Мышиного Горошка изготовим.

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссъ» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

Миша очень любил и охотно слушал её сказки – и подумал, что бабушка и сейчас какую-то сказку затевает.

– Да разве есть на свете Мышиный Горошек? – удивился он.

– А как же! – подтвердила бабушка. – Мыши для тебя его специально посеяли. Как только я к тебе ехать собралась, они мне целую вязанку и принесли: «Передай, – говорят, – Ольга Владимировна, внучку своему Мишеньке! Пускай здорoveет, сил набирается!»

– Бабушка! А почему ты меня «князь Мышкин» называешь? Я ведь Миша Журавлёв...

– Потому что ты мой любимый внук и зовут тебя Мишка, а князь Мышкин – мой любимый герой. И мой любимый писатель Достоевский про него книгу написал.

Достала бабушка из холщовой кошёлки пучок травы. Мышиный Горошек – трава хорошая, с красивыми, весёлыми, розово-фиолетовыми цветами – очень Мише понравился. А ещё интересно ему, что **сами мыши** о Мише позаботились, радостно, что бабушка с травой приехала. Мише только от одного этого уже легче стало!

– Какой красивый этот Мышиный Горошек! – сказал он. – Смотреть на него – радость и... счастье!

– Красивые, весёлые цветки, – согласилась бабушка. – Их ещё иногда называют Чина или Журавлиный Горошек.

– Нет, – сказал Миша, – **этот** не Журавлиный, раз его мыши прислали...

– Конечно! – согласилась бабушка. – Этот – точно **Мышиный** Горошек.

– А почему же журавли не дали тебе горошка? Им бы как раз и полагалось – ведь я же как раз Журавлёв?

– Просто они мне не встретились. Далеко от села живут – за болотом. А мыши-то – рядом.

Скоро сказка сказывается, а дело у бабушки Оли ещё быстрее делается.

Попробовал Миша бабушкин настой – а он и не горький вовсе! И даже не кислый на вкус, а вполне приятный. Но, главное, о-о-очень полезный! Уже на другой день кашель у Миши ослаб, а потом и вовсе прошёл. Вот какую хорошую траву с весёлыми цветами прислали деревенские мыши мальчику!

И как только Миша Журавлёв стал здоровым, у него тут же появился хороший аппетит. Он сразу пирожное съел. Правда, от супа отказался, потому что не любил его. И кусочек сыра есть не захотел, как мама его ни спрашивала. А потом, чтобы маму не расстраивать, схитрил – немножко съел, а остальное разломал на мелкие крошки, будто так и было. Ведь крошки со стола его есть не заставят!

– И вот так всегда! – развела руками мама. – Ни сыра, ни супа не доедает!

– А знаешь что, сын, – обратилась она уже к Мише, – к изготовлению сыра о-о-очень многие приложили усилия: овцы давали фермент, коровы – молоко, и люди много-много поработали. Надо же уважать чужой труд! И вообще сорить крошками некультурно!

– Я уважаю! – возмутился Миша. – И я уже его съел... Я съел все его дырки! А их вон как много!

– Ну, значит, пока ещё не совсем здоров Мишенька, – посокрушалась бабушка Оля. – Запросы у него нездоровые! Но ничего, жизнь его сама правильно есть научит.

А тут из садика позвонили и сказали, чтобы Мишу туда не привозили, потому что в садике на неделю объявлен карантин. Вот тут-то и сказала бабушка Оля:

– Не было бы счастья, да несчастье помогло! Едем, внук, со мной в деревню – дедушка тоже по тебе соскучился.

А в деревне – красота: ягоды, грибы, свежее молоко и... много-много Мышиного Горошка!

Вспомнил тут Миша, как ему мыши помогли, и захотел их отблагодарить. Спросил он у дедушки:

– А у вас где мыши живут? Под полом, что ли?

– Может, и под полом, – ответил дедушка. – Я-то их не видал, но в кладовке, в уголке, вроде, щёлочка появилась – не они ли прогрызли? Завтра я её, щёлочку-то, клинышком заделаю да замазкой уплотню!

– А пока не заделал, можно мне с ними наедине поговорить?

– Попробуй, – ответил дедушка.

– А как с ними надо разговаривать – по-русски?

– Думаю, кумекают они и по-русски. Только, чтобы они появились, сначала надо волшебные слова сказать.

– Какие? – заинтересовался Миша.

– Волшебные слова? – уточнил дедушка. – Простые: «Маус, Маус, ком хераус!»

Дедушка думал, что внук таких слов не запомнит, но Миша-то не так прост – он же этих волшебных слов из сказок уже много слышал! Поэтому и дедушкины слова легко запомнил.

Миша Журавлёв уходит в подполье

Дедушка как в воду глядел: под полом дома действительно жили подпольные мыши. Целая семья: папа по имени Маус, мама Грыз и их маленькая дочка Мими, которая как раз в это время тоже заболела.

Позвали к ней из соседнего дома учёного мышиного доктора – господина с серьёзным именем Пи Нцетик Ус. Тот измерил у Мими температуру и сказал её родителям:

– Пока не знаю причины, но дочка ваша очень больна – следует поддержать её силы. Молодому растущему организму требуется очень хорошее белковое питание...

– Что вы имеете в виду, уважаемый господин Пи Нцетик Ус? – уточнила встревоженная мама Грыз.

– Это средство есть только у людей, – ответил мышиный доктор. – И называется оно сыр! Вам, уважаемый господин Маус, придётся попросить у людей хотя бы небольшой кусочек сыру!

– Тысяча котов! – страшно выругался господин Маус. – Да разве у нынешних людей что-нибудь выпросишь?!

Очень удивился идее мышиноного доктора папа Мими:

– Да пусть пропадут все мои запасы зерна, если я не прав! Совсем не знаете вы людей!

– Ты уж постарайся выпросить! – возразила мама Мими – добродушная Грыз.

Между тем ничего этого не знавший Миша Журавлёв дождался, когда в доме не оказалось ни бабушки, ни дедушки, и пошёл к щёлочке в углу кладовки, чтобы сказать мышам своё спасибо за их заботу о нём. Слегка нагнувшись, он произнёс волшебные слова:

– Маус, Маус, ком хераус!

Сначала мыши на волшебные слова никак не ответили, и Миша ещё раз сказал:

– Маус, Маус, ком хераус!

Но и на этот раз ответа из подполья не последовало. А ведь вся мышинная семья слова эти слышала! И Грыз потребовала у нерешительного Мауса:

– Это же знак свыше! Разве ты не слышишь, Маус, что тебя зовут?

Но Маус всё ещё пребывал в нерешительности.

Но тут мальчик Миша Журавлёв вспомнил, что заклинания необходимо произносить трижды – и в третий раз уже не сказал, а громко крикнул:

– Маус, Маус, ком хераус!

И увидел, что волшебные слова сработали: из щёлочки показались серенький носик и два настороженных чёрных глаза-бусинки.

– Ты меня зовёшь, о, маленький мальчик?! – спросил тот, чьими были нос и крохотные блестящие глаза.

– А... вы – мышь? – уточнил во избежание недоразумений Миша.

– Да пусть поймает меня хозяйская кошка, если я не мышь по имени Маус! – страшной клятвой поклялся глава мышинной семьи.

– Тогда почему бы вам не выбраться ко мне из подполья? – спросил мальчик. – Я хочу поблагодарить вас за любезную помощь, оказанную мне...

– Что ты имеешь в виду? – несколько растерянно уточнил Маус.

– Да я же тот самый мальчик Миша Журавлёв, которому вы послали траву с красивыми весёлыми цветками – Чину, или, если справедливо назвать, Мышинный Горошек.

Маус сначала удивился такому сообщению, но тут же сообразил, что жена его Грыз была права – это знак свыше. «Тысяча котов! – подумал он. – Да ведь этим же можно воспользоваться! И помочь дочурке...»

– Мы весьма рады, что ты рад нашему букету цветов...

– Ещё бы не радоваться! – воскликнул Миша Журавлёв. – Выпив настой вашего Горошка, я выздоровел и теперь нисколько не кашляю... Уважаемый господин Маус! Я хотел бы вас отблагодарить. Что я для вас могу сделать?

– Чтоб меня съел ёж, если ты не самый благородный и добрый мальчик на земле! И ты легко можешь нас отблагодарить... Видишь ли... недавно заболела моя маленькая дочка Мими. Она такая маленькая, что иногда мы её даже называем не Мышка, а Мушка! Или

Принцесса Мушка. И доктор Пи Нцетик Ус (он, как видно по словам «Пи» и «Ус», происходит из древнейшей мышиной фамилии!) сказал, что силы ей может вернуть только одно средство, которое делают только одни существа – люди. Именно в нём, по мнению высокочтимого господина учёного доктора, много белка, который очень нужен растущему организму. Но, думаю, он ошибается: белок нужен не какому-то неизвестному мне организму, а моей ненаглядной доченьке Мими.

«Сыр! – обрадовался Миша Журавлёв. – Маленькой мышке нужен сыр! Какое счастье! Ведь чем больше сыра я отдам ей, тем меньше мне его придётся есть!»

– Я вам сейчас же принесу, господин Маус, целый килограмм сыра!

– Ни в коем случае! – отказался Маус. – Кусок сыра весом в целый килограмм не пролезет в эту щёлку! Да ведь моей милой дочке столько и не нужно. Принеси кусочек, чтобы ты смог его протиснуть под пол...

Миша немедленно отрезал от головки сыра небольшой кусок, принёс его к щёлчке в углу кладовки – и вдруг у него возникло ещё одно желание.

– Господин Маус, – обратился он к главе мышиной семьи, – а нельзя ли мне попасть в подполье, увидеть, как вы там живёте, и лично убедиться в выздоровлении вашей дочери? Ведь может обнаружиться, что я ещё чем-то смогу ей и всем вам помочь.

– Гм, – задумался господин Маус, – визит человека может не понравиться господину учёному мышиному доктору, но ты такой благородный мальчик, что... пожалуй, можно. Только как тебе, такому большому, пролезть сквозь эту маленькую щёлочку? Впрочем, у мышей есть одно заклинание, такие волшебные слова... Грыз, – позвал он жену, – напости-ка мне волшебные мышинные слова, которые могут сделать человека маленьким, чтобы этот благородный мальчик смог протиснуться сквозь маленькую щёлочку!

Грыз, которая, оказывается, во время всего этого разговора стояла за спиной своего мужа, ответила:

– Разумеется, я помню эти слова. Только ведь мышинные волшебные слова действуют не более двадцати минут. Если за это время мальчик не вернётся обратно в кладовку, он прямо в подполье станет большим, не сможет пролезть в щёлочку и навсегда останется под полом! Это очень опасные для человека слова.

– Сто двадцать котов! – возразил господин Маус. – Чтоб мне никогда не попробовать свежей крупы, если я не найду выхода из такой беды! Да если этот благородный мальчик в подполье снова станет большим, то... мы просто **прогрызём** в полу большую дыру!

– Не придётся этого делать, – ответил Миша, – я, чтобы выбраться, просто... оторву доску пола! А если это не удастся, попрошу своего дедушку помочь.

– Да это же гениальная мысль! – восхитился Маус и снова обратился к жене: – Произнеси же волшебные мышинные слова!

– Но я должна ещё предупредить доброго мальчика, что мышинные волшебные слова обычно оказывают на человека... побочное действие.

Через некоторое время обычно всякий человек засыпает и спит с пол-часа, даже если сияет самый светлый день...

– Ну, так что ж с того? Ведь сон же не вреден?

– Нисколько. Я только потому предупреждаю, чтобы мальчик потом некоторое время не выходил из дому...

– Спасибо за заботу! – поблагодарил Миша Журавлёв. – А теперь произносите свои мышинные волшебные слова!

Мордочка Мауса исчезла из щёлки. Зато в ней возникла мордочка Грыз. Глядя на Мишу Журавлёва, Грыз произнесла:

– Воллен аллес гроссе Швайнен дize Кнабе махен кляйнен!

И Миша Журавлёв в тот же миг стал маленьким, как мышонок. Он сначала протолкнул под пол кладовки кусочек сыра, а потом легко пролез сквозь щёлочку и сам.

Первое, что удивило мальчика: в пространстве подполья оказалось довольно светло.

– Это часть действия наших волшебных слов, – пояснила мышь Грыз, – от них человек не только становится маленьким, но и начинает видеть в темноте, как мыши или, не к ночи будь помянуты, кошки...

Второй раз Миша удивился в подполье оттого, что в «мышинной норке» на самом деле, как оказалось, располагалась маленькая, но вполне удобная трёхкомнатная квартира. В одной из комнат на диване перед телевизором накрытая до горла стёганым одеялом лежала больная дочка Мауса и Грыз – Мими.

– Вот наша болящая мышка – она же маленькая Принцесса Мушка, – указал на неё папа Маус.

– Поздоровайся с человеком, – сказала дочке мама Грыз.

– С человеком?! – ужаснулась Мими – и со страху тут же с головой накрылась одеялом.

– Не бойся, душа моя, – успокоил дочку заботливый папа Маус, – хоть этот человек, разумеется, многожды сильнее любого кота, он не опасен. Наоборот, он принёс тебе кусок сыру. В соответствии с рецептом уважаемого господина Пи Нцетик Уса! Как только ты съешь его (я имею в виду, съешь не господина доктора и не благородного мальчика, а именно сыр), то сразу станешь совершенно здоровой! Мышки ведь выздоравливают гораздо быстрее, чем люди.

Маус придвинул к дивану стол. Грыз накрыла его скатертью, поставила на стол самовар с сахарницей, ложечкой и чашечкой. Положила на одну тарелку пирожное, а на другую – принесённый Мишей Журавлёвым кусочек сыра. Потом подала дочке Мими вилку и столовый нож.

Мими сначала неохотно села за стол, но, увидев пирожное, сразу повеселела и немедленно начала его есть.

– Мими, – напомнил дочке папа Маус, – ты бы всё-таки сначала попробовала сыру...

– Вот ещё! – возразила Мими. – Детям нравится питаться пирожными!

– Но тогда дети не смогут быть здоровыми! – напомнила мама Грыз.

– Главное для здоровья – это счастье! – заявила Мими. – А какое счастье вместо пирожного есть сыр? Особенно когда есть пирожное?!

– Ну, сделай одолжение! – попросила мама Грыз.

– Ну, хорошо! – согласилась мышка Мими. – Так и быть, поем его...

Она отрезала ножом маленькую-маленькую крошечку сыра, подцепила её вилкой, пожевала и поморщилась:

– Это гораздо хуже пирожного!

– И всё-таки, – начала снова упрашивать Мими её мама, – ради своего и нашего здоровья и нашего спокойствия...

В ответ Мими (точно так же, как когда-то Миша Журавлёв!) раскрошила весь сыр на мелкие кусочки и рассыпала их по скатерти! И этим показала, что, мол, не собирать же бедному больному ребёнку крошки со стола!

Но тут в дверь трёхкомнатной норки кто-то постучал.

– Входите, если это не кот! – пригласил стучавшего папа Маус.

Вошёл учёный мышиный доктор Пи Нцетик Ус.

– Я счёл своим долгом проведать больную, – заявил он.

Но, увидев маленького человека, осёкся. А после минутного замешательства воскликнул:

– Се человек! Разве я не предостерегал вас, что незванный человек хуже кота?!

– Не волнуйтесь так, господин доктор! – сказал Маус. – Этот человек – **званный!** Именно этот юный благодетель принёс для Мими целебный сыр. В соответствии с вашим рецептом, драгоценнейший господин Пи Нцетик Ус.

– Если он признал мой рецепт, это в корне меняет дело! – обрадовался Пи Нцетик Ус. – И что же, больная уже приняла этот продукт?

– Не можем уговорить, – посетовал папа Маус.

– Раскрошила сыр и разбросала по столу! – возмутилась мама Грыз.

Пи Нцетик Ус взглянул на стол, увидел раскрошенный сыр и в третий раз подряд пришёл в ужас. Впрочем, кажется, он заодно пришёл и в возмущение:

– Да разве это допустимо?! – ужаснулся учёный доктор. – Сыр ведь – ценнейший продукт, который делают только люди!

– Не только люди! – неожиданно для себя включился в увещание Миша Журавлёв. – Очень многие приложили к этому свои усилия: овцы дали фермент, коровы – молоко, и люди много-много поработали!

– А мы с мальчиком, – гордо добавил Маус, – волокли этот тяжёлый кусок до норки. Надо же уважать чужой труд!

– И меня тоже нужно уважать! – возмутилась Принцесса Мушка – мышка Мими. – Меня нужно пожалеть – я же маленькая и болею!

– Да, ты действительно больна, – осуждающе произнёс мышиный доктор, – у тебя нездоровые претензии. Кабы ты была постарше, то я приписал бы тебе самое сильное средство, в медицинской науке называемое «дубиналис по спиналис». Но пока, увы, это недопустимо! И ты не выздоровеешь, если не станешь есть сыр!

– Не стану, потому что этот сыр испорченный, его уже кто-то ел, – возмутилась Мими, – видите: кто-то прогрыз в сыре дырки! Вон как их много!

– Чем больше в сыре дыр, тем лучше вкусом сыр! – возмутился уже мышиный доктор. – Твоя капризная отговорка даже и неумна!

– Я его съела! – капризно возразила мышка Мими. – Остались только крошки. Не есть же больному ребёнку крошки со стола!

– Вот именно их-то и необходимо доедать! – возразил мышиный доктор. – Тот, кто разбрасывается продуктами, морально нездоров. Запомни навсегда: в сыре можно не есть только дырки!

А далее на глазах Миши Журавлёва произошло ещё два чуда. Сначала устыжённая мышка Мими всё-таки начала одну за другой поедать разбросанные крошки.

– Вот! – обрадовался доктор Пи Нцетик Ус. – Морально ты уже почти здорова! И нездоровых претензий у тебя, кажется, не осталось!

А потом выполнившая просьбы взрослых маленькая мышка сразу совершенно выздоровела! Она тут же пустилась в пляс и даже потребовала покормить её ещё.

– Я всегда считал, что многие болезни начинаются с сознания! Сознание первично! – ликовал учёный мышиный доктор с древней фамилией. – Здоровые мысли, здоровое поведение и неиспорченные желания обязательно исцеляют тело!

– Спасибо тебе огромное! – вспомнили вдруг все мыши сразу Мишину заслугу.

– Не стоит благодарности, – скромно ответил Миша Журавлёв, – я рад что сумел помочь Мими, как прежде вы помогли мне. И я думаю, что двадцать минут скоро закончатся – мне следует поторопиться и, пока не поздно, пролезть сквозь щёлочку в полу кладовки, чтобы не остаться здесь навсегда. Или чтобы не беспокоить дедушку лишними просьбами. У него же и так множество дел!

– У тебя есть ещё пять минут, – возразил папа Маус, – и мы все просим тебя открыть нам своё славное имя. Как зовут тебя, о достойнейший мальчик?

– Миша... или даже Мишка, – ответил Миша Журавлёв.

– О! Это прекрасно звучит! – восхитился учёный доктор Пи Нцетик Ус. – «Мишка» – это же почти так же, как «мышка»! Нам нравится твоё имя.

– Ну, вообще-то Мишами зовут не мышей, а медведей, – смутился мальчик.

– Да-да, – согласился учёный Пи Нцетик Ус, – нам это известно. Но твоё имя, добрый мальчик, даже ещё славней, чем медвежье. Знаешь ли ты, как переводится оно?

– Не знаю... – растерялся Миша.

– «Михаил» в переводе на русский язык – «тот, кто равен Богу» или «тот, кто как Бог»!

– А ещё бабушка зовёт меня «князь Мышкин»! – не удержался Миша – сразу и похвалился, и сделал приятное мышкам. – Потому что я – любимый бабушки внук, а князь Мышкин – любимый бабушкин герой, и про него писатель Достоевский книгу написал.

– Как же, как же! – обрадовался доктор Пи Нцетик Ус. – Мы за это и любим Достоевского! Однако минут у тебя осталось... меньше одной!

– Да, пора мне уходить. Только, знаете, я должен вас предупредить, что больше вам в кладовку выбраться не удастся, – сказал Миша, – как ни жаль, мой дедушка завтра заделает щёлочку клином и замазкой...

– Так она же нам больше и не нужна! – успокоил мальчика Маус. – Я ведь её специально только вчера прогрыз, чтобы у людей сыру для заболевшей доченьки попросить. А раз Мими теперь здоровёшенька, то нам и щёлочка ни к чему!

– Прощайте! – крикнул обрадованный и слегка уже обеспокоенный Миша – и стремглав пустился к щёлочке в углу.

Окончательное выздоровление

Через несколько секунд Миша Журавлёв, всё ещё маленький, как мышонок, находился уже в кладовке. И очень вовремя, потому что тут же он увеличился в размерах, то есть стал ростом таким, как был до произнесения мышью Грыз волшебных мышиных слов.

А затем, согласно предсказанию предусмотрительной Грыз, Миша вдруг очень-очень захотел спать, лёг на кушетку – и сладко заснул.

Когда мальчик проснулся, он услышал, будто в углу комнаты мыши переговариваются. Он прислушался, но оказалось, что это не мыши. Это тихо-тихо, шёпотом разговаривали его бабушка и дедушка.

– Вот как целебен деревенский воздух! – радостно шептала бабушка. – Среди бела дня Мишенька заснул, а в городе его уложить в постель не удавалось, если не в садике.

– Тут у нас кислороду много, – отвечал дедушка, – и с непривычки это усыпляет городского ребёнка. Да это и кстати! Быстрее окончательно выздоровеет.

– Как поступить? – посоветовалась бабушка. – Я уж и обед приготовила, пирогов с луговыми опятами напекла. Будить ли внука, пока горячие?

– Думаю, ему теперь поспать важнее, чтобы уж выспаться всласть. А пироги ещё долго не остынут. Хотя, конечно, пироги да с настоящим деревенским свежим молоком!.. Суп-то, я думаю, Миша есть откажется...

– И сыром, пожалуй, докучать ему не стану, – добавила бабушка.

– А я уже давно не сплю! – громко объявил Миша. – И мне очень хочется пирогов с опятами!

– Тогда бегом умывайся – и за стол! – обрадовалась бабушка.

Попробовал Миша пироги с грибами и сказал:

– Никакие пирожные с ними по вкусу не сравнятся!

– Истинная правда! – согласилась бабушка. – А суп я тебе не буду предлагать...

– Нет, почему же? – не согласился Миша. – Налей!

К радости бабушки и дедушки, он съел небольшую тарелку супа.

– Всю? До конца?! – глазам своим не поверила бабушка и услышала от внука в ответ загадочные, но твёрдо произнесённые им слова:

– В сыре не есть можно только дырки!

– Изрядно сказано! – одобрил дедушка. – Может, тогда уж и сыру отведаешь?

Миша съел немного и сыра. И ещё раз с твёрдым убеждением произнёс:

– **В сыре не есть можно только дырки!**

– Совсем и полностью здоров внук! – обрадовался дедушка. – А эту умную фразу... то есть, как говорят специалисты, образный афоризм про сыр и дырки в нём... ты это с чего сказал?

– Да я же недавно под полом у мышей побывал... – признался Миша. – Пошёл их за Мышиный Горошек поблагодарить да заодно немножко и ума набрался! И научился чужой труд уважать... И не капризничать...

– Какой хороший сон тебе приснился! На свежем-то воздухе! – одобрила бабушка, решившая, что внук всё это увидел во сне. – Совсем ты теперь здоров!

– Да, – ответил Миша Журавлёв. – Если сознание здоровое и претензии небольшие, то и тело будет здоровым.

ЖЕКА-ВОРОБЕЙ И ВОРОБЬИНЫЙ ЦАРЬ

Безобратские отношения (Вместо предисловия)

Мальчика Женю все любили и в шутку звали Жекой.

– Наверно потому, что в Англии был знаменитый разбойник Джек Воробей, а наш Женя – тоже маленький разбойник, – сказал старший Жекин брат.

Но Жека на это не обиделся, а только рассмеялся.

Жил да и сейчас живёт он в Саратове, на улице Соколовой, в доме номер 44/62. Поэтому я часто встречал его во дворе дома. Я мог бы и номер квартиры этой семьи назвать, но... пожалуй, не сделаю этого. Чтобы разные чрезмерно любопытные не приставали к мальчику с расспросами.

Сначала Жека Шилин считал, что у него лучшая в мире семья и самый лучший друг. Мальчик очень любил узнавать что-то новое, а мама-учительница знала всё обо всём на свете. Папа – учёный, когда бывал свободен, мог сообщить сыну ещё больше. Старший брат Ваня окончил уже три класса – и, стало быть, тоже был очень учёным! Он с удовольствием играл с маленьким Жекой, читал ему книжки про приключения, про охотников-индейцев и о том, как устроен мир. При этом употреблял удивительно умные слова, которые Жека сразу же запоминал, потому что они очень нравились ему.

Кроме обычной гимназии брат учился ещё в воскресной школе при храме, откуда тоже приносил замечательные и красивые слова, которых на улице не услышишь.

– Ваня в нашей семье теперь самый образованный, – говорил по этому поводу папа.

Но вот однажды брат, по мнению Жеки, «испортился». Произошло это после того, как он начитался книг про охрану природы и любовь к животным. Тогда брат прекратил читать Жеке книги про охотников, сам перестал стрелять из рогатки и Жеке запретил это делать. А вместо этого он из большой пластиковой бутылки смастерил кормушку для птиц, повесил её на дерево во дворе и, как знатный птицевод, стал каждый день насыпать в неё семечек.

Жека не был против кормушки, но чтобы у него за здорово живёшь отняли рогатку!.. И это после рассказов про индейцев, у которых, правда, были не рогатки, а луки! Но дело-то, как иногда говорил папа, не в форме, а в содержании!

Обиделся брат на брата, стал себя вести прямо наоборот, то есть делал всё не так, как Ваня требовал. И даже перестал называть его по имени, а звал только «старший брат», произнося это так, чтобы можно было подумать что он говорит «страшный брат». И общаться почти перестал. Бывало, спросит мама:

– Женя, где брат твой Ваня?

А Жека плечами пожмёт, дескать, знать его не знаю и видеть не хочу.

Ваня тоже обиделся – и прекратил читать вслух книжки про природу, чтобы Жека не слышал. И картинки не показывал!

Папа, заметив это, встревожился и попытался пристыдить детей:

– У вас отношения должны быть братскими, а они у вас... безобразные!

Но у Жеки же был друг Тимка! Тимка жил в соседнем подъезде и, хотя уже перешёл во второй класс, с Жекой общался охотно. Тем более что он разделял его взгляды.

Вышел Жека из подъезда, встретил своего надёжного друга и сразу сказал:

– Как хорошо, что ты есть и рядом живёшь, а то у меня брат испортился и отношения у нас с ним совсем плохие...

– Какие у вас отношения? – уточнил польщённый Тимка.

– Безо... братские! – ответил Жека.

Он и не думал шутить, просто ещё не вполне запомнил новое трудное слово.

Охота пуще неволи

Жека Шилин к охоте готовился серьёзно. С трудом рогатку у старшего брата стащил. У того-то всё равно три рогатки, а он, жадина, не даёт. И ладно бы сам стрелял, так ведь нет! Начитался вредных книжек – и заявил:

– Конец милитаризму – весь арсенал под замок!

Жека видел этот «арсенал» – кроме рогаток в нём было ещё два маленьких лука со стрелами на липучках и топор-томагавк, и пистолеты, которые водой стреляют. Вот бы Жеке такие богатства! Но брат (брат, называется!) упёрся.

– А чего ж тогда ты всё это не выкинул из окна, если уж такой мирный стал? – спросил Жека.

– Я бы выбросил, – ответил брат, – да ведь ты же и подберёшь! И уж тогда покою никому не будет! Вот скоро я из Саратова на недельку к тётке в деревню поеду, тогда возьму «всё это хозяйство» с собой – и в костре сожгу!

– Ты что? – возмутился Жека. – Костёр детям разжигать нельзя. Спички – не игрушки!

– Таким, как ты, нельзя, а я уже почти взрослый – в четвёртый класс как-никак перешёл. А костёр – не для оружия, мы же там картошку печь будем. Ты вот печёной картошки не пробовал, а я пробовал.

– Вкусная?

– Ничего вкуснее печёной картошки на свете нет!

Жека от тётки ответа слюну проглотил и задал ещё вопрос:

– А что, тётя Таня меня не приглашала?

– Она-то не против твоего приезда, да мама боится тебя к ней отпускать. Там же речка. Боится, что утонешь! Я ведь за тобой не услежу – у меня там, в деревне, дел вон сколько! А тётя на работе весь день.

– А ты за мной не следи, а просто плавать научи – вот и все дела!

– Разве что на следующий год! – возразил брат. – Пока ты ещё маленький и глупый.

Вот и обиделся Жека на брата. А брат действительно уехал к тётке – мама с Жекой его сами до автобуса проводили.

Уехать-то он уехал, да только наблюдательный Жека заметил, что брат в спешке забыл в рюкзак рогатки, луки и другой «арсенал» положить!

Хоть и маленький Жека, а вон какой умный! Да и не такой он уж и маленький! Вчера же папа так и сказал:

– Ты теперь большой – осенью в школу пойдёшь.

– В гимназию, – уточнила мама.

Ходил-ходил Жека вокруг братова стола с драгоценностями, а открыть ящик не мог – ключ от замочка как сквозь землю провалился! Но Жека же не маленький! Стал он рассуждать – думу думать: где бы брат ключ мог хранить? И додумался: конечно же, в другом ящике, под тетрадами!

Ну а дальше-то всё совсем легко пошло. Жека дома был один. Он без помех открыл ящик братова стола, долго любовался спрятанным там богатством, но вытащить всё не счёл нужным. Луки, по причине прилипающих стрел, мальчик совсем забраковал – какая от них польза?! Даже если и долетит она до зверя, то даже и не ранит его – добыча с ней и убежит! А водяные пистолеты тоже ни к чему – ими зверьё только смешить! Зато из трёх рогаток одна очень мальчику понравилась – крепкая, отшлифованная, и резинка на ней не из маминых, предназначенных для шитья одежды, а **настоящая** – из велосипедной камеры. Брат ею и сам когда-то очень гордился.

Но брат теперь испортился, заявил, что охота – дело... Жека забыл, какое слово тут употребил брат, но, кажется, слово «без... нравственное» а ещё «бес... культурное» и «жестокое».

С чего это вдруг именно «без... нравственное»? Индейцы же все охотниками были! И Робинзон Крузо, про которого даже кино показывали.

А почему «бес... культурное»? Брат сам же ему вслух читал книжку писателя Тургенева «Записки охотника»... Не может быть, чтобы Тургенев был бес... культурным!

После таких умных (а ведь это уже третий раз за день!) рассуждений Женя, или Жека Шилин, положил оружие в карман. Поколебавшись, он достал и вторую, очень маленькую, почти игрушечную («На мух, что ли, с такой охотиться?!» – подумал мальчик) рогатку – для своего дружка Тимки. Тимка тоже мечтал об охоте, а ведь Жека – не какой-нибудь жадина-говядина! «Пусть и Тимка постреляет вволю», – заботливо решил мальчик.

Потом Жека запер ящик стола на замок, а ключ положил туда же, где его и взял. Не теряя драгоценного времени, он позвонил другу – и Тимка немедленно явился – не запыхавшись. Оружие взял, но тут же вернулся домой – дела у него там были.

Мальчик знал, что рядом с домом ремонтируют дорогу, и, значит, там много-много щебня. Там он и набил карманы мелкими, подходящими для стрельбы острыми камешками. А потом задумался: на кого бы отправиться поохотиться? Справедливо решив, что львов ему в городе встретить не удастся, зайцев, пожалуй, тоже, а в медведей, если бы их встретил, он стрелять бы не стал, потому что очень любил, насмотревшись на этих умников в цирке и в мультфильмах «Маша и Медведь».

Итак, охотиться оставалось только на птиц. Однако ни во дворе, ни рядом с домом (а дальше уходить ему мама запретила) не водилось ни уток, ни диких гусей. Правда, в небе с громким свистом проносились стрижи, но Жека знал, что они – самые быстрые птицы на свете, и потому очень их уважал и гордился, что живёт с ними в одном доме.

«Непедагогичный» старичок

– А вороны слишком умные и близко к себе не подпускают, – вслух подумал мальчик. – Остаётся охотиться на воробьёв.

А его разумные рассуждения (уже четвёртые подряд!) услышал странный старичок в круглых очках и с аккуратно подстриженной бородкой. На нём были красивый галстук и значок с изображением птицы и с какой-то надписью. В руке он зачем-то держал длинный гибкий прутик. Старичок был небольшого роста и сам чем-то походил на птицу. Сходство это усиливали круглые очки и остренький нос. Когда-то мальчик уже видел этого старичка и слышал, как его называли доктором. А сейчас этот, вроде бы доктор, похожий на птицу, вдруг спросил:

– Жека, а тебе не жаль воробьёв? Добро, если промажешь, а вдруг да попадётся?

– А чего их жалеть? – удивился Жека. – Я же охотник. А их вон сколько много! А вы откуда знает, как меня звать? И... что написано на вашем значке?

Любопытный торопыга Жека задал сразу два вопроса.

– На значке этом написано: «Партия защиты воробьёв», а про тебя я всё знаю, – ответил старичок в очках. – Я даже знаю, что с тобой дальше произойдёт! Потому что я – волшебник. А ещё я Воробьиный Царь и воробьям защитник.

– Воробьиный Царь! – рассмеялся Жека, подумав, что старичок так с ним пошутил. – Воробьиный Царь не может быть человеком! Он должен быть птицей!

– А я и есть птица. Только для беседы с тобой на время превратился в человека. Сам подумай... если бы к тебе подлетел воробей и заговорил человеческим голосом, ты бы в это поверил?

– Нет, конечно! – сказал Жека Шилин. – И вообще... стал бы я с воробьями разговаривать! Я бы такого воробья поймал в ловушку, посадил в клетку и показывал всем – как умного попугая.

– Фу, какая нехорошая мысль! – возмутился старичок, хотя самому Жеке мысль показалась очень хорошей, почти гениальной, как сказал бы «страшный брат», который любил вставлять в свою речь разные красивые слова.

– И наверно, вы шутите, что превратились в человека из воробья?.. А обратно вы можете превратиться? А других воробьёв можете в людей превратить? – Жека из желания много узнать сразу задал три вопроса.

– Могу. И воробьёв – в человека, и человека – в воробья. Но только если уж о-о-очень надо! Злоупотреблять ни волшебством по отношению к тем, кто им не владеет, ни силою – по отношению к тому, кто слабее, неэтично.

– Не... что? – заинтересовался незнакомым словом Жека Шилин. – Не... антично?

– Не-э-тич-но, нехорошо, то есть, некультурно, безнравственно!

– «Безнравственно» – это мне мой старший брат говорил. А сам мне даже рогатку не дал!

– Ну вот ты и украл у брата рогатку...

– Вы что, на самом деле волшебник? Откуда это знаете? Да вовсе и не украл я... Я потом верну её, положу на место.

– Брать без спроса, да ещё и если тебе это запретили – тоже нехорошо!

– Да верну я её, положу в братов ящик – пусть подавится!

– И говорить так нехорошо.

– А чего он жадничает? – после этого вопроса Жека Шилин вытащил камешек из кармана, «зарядил» им рогатку и выстрелил наугад в стайку воробьёв, деловито искавших что-то в траве у дома. Стайка как будто порох взорвалась – с отчаянным чириканьем взлетели птички, сначала в разные стороны, а потом, как будто по команде, все взлетели на высокий каштан.

– Жаль, что добычи нет! – пожаловался мальчик Воробьиному Царю, то есть старичку в круглых очках, с острым носом и прутиком в руках.

– Это я постарался, чтобы ты ни одной птички не убил и не покалечил...

– Как? Вы же меня под руку не толкали...

– Я же волшебник!

- Жека однако не скрыл своего недоверия:
- Вы, наверное, это в шутку сказали? Волшебников в очках и... со значками «Партия защиты воробьёв» не бывает...
 - А какие бывают?
 - Ну... в халатах и с длинными бородами...
 - Не люблю я халатов, – запротестовал старичок, – и не по сезону они сейчас, и не по климату. Да и не по стране... В России волшебник должен быть в галстуке и с партийным значком! Пожалуй, и с прутиком в руке.
 - Что-то друг мой Тимка задержался, – вспомнил вдруг Жека Шилин, – вдвоём бы интереснее охотиться!
 - Он бы давно пришёл, – разъяснил Воробьиный Царь, – да я его задержал: внушил полезную мысль его маме, чтобы заставила с младшей сестрёнкой поиграть, пока сама мама обед готовит.
 - Вы к ним в квартиру заходили, что ли?
 - Это обязательно. Я и на расстоянии умею внушать, полезные мысли вызывать. Но только тем людям, которые со мной согласны. То есть я не подменяю их мыслей, а только помогаю им думать. Я ведь тебе уже говорил, что я волшебник.
 - Ну, хорошо, а чем вам Тимка-то помешал?
 - Ну, во-первых, я его приучаю помогать старшим и заботиться о младших, а во-вторых, я **без него** хотел с тобой поговорить. Если ты заметил, то вообще... не показалось ли тебе странным, что во дворе не только твоего друга, но и вообще ни одного человека, кроме тебя, нет...
 - Но вы-то есть!
 - Я не совсем человек. Я – Воробьиный Царь, то есть воробей.
 - А почему именно со мной вы встретиться решили?
 - Мысли твои узнал. Как Воробьиный Царь я обязан отслеживать такие настроения. Тимка – так себе, его увлечения недолговечны, а ты человек опасный. Увлекающийся. А такие страсти до добра не доведут. Сейчас ты птиц можешь пострелять, а после об этом горько сожалеть станешь, переживать. Так что я не только воробьёв, я и тебя хочу спасти.
 - От кого?
 - От тебя.
 - От меня спасать не надо. Вы меня лучше от брата моего спасите, чтобы он перестал быть таким жадным.
 - Он не жадный, он – добрый и щедрый. О тебе заботится. Хочет, чтобы ты хорошим человеком вырос...
 - А может, я охотником и следопытом стать мечтаю? Индейцы же охотились. А разве они нехорошие люди? И Робинзон Крузо...
 - Так ведь индейцы охотились не ради забавы, а чтобы пищу добывать. А ты утром кашу с маслом и котлету разве в джунглях добывал?
 - Нет, меня мама накормила. Но охотиться – это же всё равно интересно! Жаль, конечно, что в Саратове львы не водятся. Зато птиц много.
 - А наказания за стрельбу не боишься?
 - Вы, что ли, накажете? Физически?

– Пожалуй, и я, раз больше некому. Пожалуй, и физически, – ответил Воробьиный Царь, для убедительности приподняв свой прутик.

– Детей наказывать нельзя, – не согласился Жека Шилин, – это непедагогично!

– Ну, на волшебников это сомнительное правило не распространяется.

– Я сам по телеку слышал, как один умный академик рассказывал о вредности наказания детей розгами, – продолжал упорствовать Жека, с опаской поглядев на прутик в руке старичка, всё ещё поднятый.

– В древности жил ещё более умный человек, – возразил на это старичок, похожий на птицу, – он считался самым мудрым. Звали его царь Соломон. Так вот он сказал: «Если ты жалеешь розги для сына своего, значит, ты не жалеешь сына своего!»

– Да я же вам не сын!

– Ну, хорошо – наказывать буду не розгой, не прутиком. Только, предупреждаю: тебе же хуже будет... Но, может быть, договоримся? Больше не будешь в птиц стрелять?

– Вот ещё! – ответил Жека и второй раз выстрелил – в воробья на ветке каштана, сбил с дерева несколько листьев, но воробьям снова удалось вспорхнуть невредимыми.

– Опять промазал! – с досадой пожаловался мальчик. – И, обратившись к старичку, спросил: – А если не прутиком, то как вы меня накажете? Ну, не превратите же вы меня в воробья! А если и превратите, то... тоже хорошо – вот тогда я уж налетаюсь! Вволю! Только где уж вам!

– Такое наказание заслужить надо! – возразил старичок. – Впрочем... тебе уже немного осталось стараться. Два глупых выстрела ты уже сделал! И, кажется, не поумнел...

– Я и третий раз выстрелю! Вот в эту **воображаю** – будет знать, как у нашей двери мяукать! – ответил Жека Шилин и, выбрав камешек побольше, выстрелил в пробегавшую мимо соседскую кошку Матильду.

Кошка издала страшный даже для храброго Жеки звук – и, поджав одну лапу, на трёх убежала за угол дома в Трудовом переулке.

– Ну, это уж перешло все границы! – возмутился старичок, хотя Матильда ни за какую границу не переходила. – Так полетай же ты... воробьём!

Старичок прикоснулся прутиком к Жекиному плечу – и Жеке показалось, что он упал, потому что земля вдруг оказалась совсем рядом с его глазами. К тому же это была уже какая-то другая земля. Наверное, другая планета, потому что вместо маленькой травы она поросла высоченными деревьями размером во много раз выше самого Жеки. Жека с удивлением поднял глаза выше – и обнаружил вообще необыкновенной толщины дерево, каких на Земле уж точно не бывает. Подняв глаза ещё выше, Жека поразился высотой дерева и, к удивлению своему, вдруг понял, что это же тот самый каштан, с которого он недавно сбил листочек. Жека повернул голову и упёрся взглядом в громадные башмаки. Должно быть, башмаки Гулливера, в котором узнал... старичка в круглых очках – Воробьиного Царя!

– Сбылась твоя мечта, – с огромной высоты подтвердил Воробьиный Царь. – Полетай теперь вволю. Порадуйся птичьей жизни.

И Воробьиный Царь тут же исчез, будто в воздухе растаял.

Перепуганный и удивлённый, Жека взглянул вниз и увидел под собою вместо своих ног слабые воробьиные лапки с коготкам. Он взмахнул руками, но... оказалось, что это и не руки уже, а крылышки, и Жека легко взлетел. Сначала у него то ли с непривычки, то ли от охватившей радости полёта закружилась голова, но вскоре это прошло – и летать Жеке очень понравилось.

– Вот сейчас полетаю вдосталь, в деревню махну, тётю Таню пораду, «страшного» брата удивлю, а к вечеру вернусь домой – мама, должно быть, оладушек напечёт со сметаной!

Несолоно хлебавши

То ли вообще воробьиные крылышки далеко летать не могут, то ли Жека был ещё слишком неумелым воробьём, но, хоть до тёткиной деревни недалёко было, пришлось Жеке Шилину несколько раз прилечь на веточки, чтобы отдохнуть.

В лугах, уже около самой деревни, увидел он несколько кустов лозняка, присел на один из них, чтобы сил набраться, и увидел, что прямо под ним его старший братец с другими ребятами картошку из карманов вытряхивают – запечь её собираются. А брат здесь за главного! Команды отдаёт, как дома Жеке.

– Теперь, ребята, айда по кустам – сушняку для костра наломать надо. Или нарубить, если топорики у кого-нибудь есть.

– А ты, Петя, – обратился он к рыжему мальчишке, – спички захватить не забыл?

– Как можно! – ответил рыжий, достал коробок из нагрудного кармана, потряс им, чтобы все слышали, как спички внутри гремят.

– Положи их возле картошки, – скомандовал Жекин брат, – а то не дай Бог выронишь, когда нагибаться за дровами станешь.

Рыжий послушно положил коробок на землю. И даже, чтобы все убедились, что спички в нём есть, почти полностью раскрыл коробок.

После этого все мальчишки разошлись в разные стороны. Причём у троих в руках оказались небольшие топорики для рубки сухих веток или валежин.

– Вот ты мне и попался! – сказал Жека. – Будешь знать, как меня воспитывать! Педагог липовый. Жадина! Рогатку родному брату дать пожалел. Воробьи ему дороже брата! Щас ты у меня напечёшь картошки! Как же! А несолоно хлебавши не хочешь в деревню топтать?

Жека задумал схватить коробок со спичками и унести его куда подальше. «Пускай огонь, как индейцы, добывают, – мстительно подумал он, – трением дерева! Только ведь это у них не получится – здесь крупных деревьев нет...»

Жека и в самом деле ловко слетел с куста, схватил коготками коробок, но... взлететь с ним не сумел. Оказалось, у воробья, которым Жека теперь стал, недостаточно сил, чтобы поднять такую тяжесть, как обыкновенный спичечный коробок.

Тогда сообразительный Жека схватил коробок с одного конца, приподнял его – и часть спичек высыпалась на землю.

«Отлично!» – обрадовался Жека и, захватывая по несколько спичек, разбросал их между кустами в высокую траву, чтобы уж никто не смог найти. Потом он ещё раз перевернул раскрытый коробок, растащил спички и даже сумел (хватило сил у воробья!) унести метров на сто (так ему показалось) сам коробок. Только вот «ящичек» от коробка он спрятать не успел – вернулись с дровами, то есть с хворостом для костра сразу трое мальчиков. Жека, ставший воробьём, вынужден был взлететь на ветку ближайшего кустика и прикинуться, что он-то ни в чём не виноват. По понятным причинам ему это вполне удалось.

Жекин брат быстро сложил сухие ветки маленьким шалашиком, натолкал под него бумаги и берёсты и приказал рыжему другу:

– Огонь! Пли! Поджигай!

Рыжий Петя поднял найденный «ящичек» от спичечного коробка, виновато показал его Жекиному брату и развёл руками. Ребята обескураженно переглянулись – никто из них спичек не прятал.

– Угостились печёной картошкой, называется! – возмутился Жекин брат. – Но всё-таки кто-то же их украл? Не воробей же! – добавил он, заметив на ветке Жеку.

Жека хотел сказать, что напрасно «страшный» брат на это надеется, но вовремя прикусил язык – ведь от этих рассерженных мальчишек можно ждать чего угодно. Так что лучше уж промолчать.

– Ну, что, – спросил рыжий, как золото, Петя, – попробуем получить огонь трением или попытаемся поискать спички? Не бежать же снова в деревню.

Жека-Воробей ликовал. Ему хотелось сразу петь и чирикать – проучил, так проучил брата!

А брат между тем произнёс:

– Следствие по делу об исчезновении бесценных спичек продолжим после, а сейчас... Ба! Да вот же в траве лежит одна спичка! Думаю, умеючи и с одной спички костёр развести можно!

К удивлению Жеки-Воробья, он чиркнул спичкой о свои жёсткие брюки – и действительно спичка загорелась, а от неё брат зажёл бумагу и берёсту под «шалашиком», сложенным из веток. А потом и костёр разгорелся.

«Однако, прошляпил я! – расстроился Жека-Воробей. – Недосмотрел! Кабы я не превратился в воробья, то уж эту спичку точно заметил бы! А при моём теперешнем-то росте где же за травинкой её разглядеть? Ну да ладно. Может, оно и к лучшему – зато стащу у них картошечку, когда она готова будет! Не зря же брат говорил, что вкуснее печёной картошки ничего на свете нет.

Только просчитался Жека. Мальчишки («Будто сто лет не ели!» – возмутился он) выхватывали клубни из золы, обжигались, перекатывая их в руках, очищали от мундира, посыпали солью и, взвизгивая от восторга, все до одной съели!

Грустно стало Жеке, и он с укоризной сказал с ветки:

– Дорвались, голодные! Бедному воробью ни крошки не оставили!

– Чего-чего?! – спросил «страшный» брат, с удивлением поглядев на Жеку-Воробья.

Но Жека снова догадался замолчать. И на всякий случай перелетел с кустика на деревце повыше.

– Конечно, говорящих воробьёв не бывает, – с сомнением произнёс брат, – но надо же выяснить, кто скрывается за кустами. А может быть, среди нас чревоушатель появился?

– А кто такой чревоушатель? – заинтересовался рыжий мальчик Петя.

– Это тот, кто умеет говорить животом, – пояснил учёный Жекин брат.

Ребята подумали, он так пошутил – и расхохотались, а Жека вдруг почувствовал, что и в самом деле в его животе бурчание появляется – от голода, и улетел от непредсказуемой компании подальше.

Издали он видел, что все мальчишки, довольные поглаживая свои сытые животы, весело отправились в деревню. А у Жеки живот был как раз несатытым. Есть хотелось невтерпёж! «Прямо кишка кишке бьёт по башке!» – оценил своё тяжкое состояние Жека-Воробей.

«Чего бы перехватить? – задумался он. – Хоть бы чуть-чуть червячка заморить!» И вспомнил, что ведь воробьи и на самом деле с удовольствием едят мошек и червячков – «сельскохозяйственных вредителей». А на ветках ивы его зорким глазам как раз и представили эти сельскохозяйственные вредители! Припрыгал Жека-Воробей к одному такому извивающемуся червяку (или, может быть, это была гусеница), уже и клюв разинул, да противно ему вдруг стало извивающегося червячка глотать! Да ведь и неизвестно, что это за «животное» такое – а вдруг не только противное, но и ядовитое? Отравиться же можно. Впрочем, Жека-Воробей, похоже, от одной только мысли съесть «червяка» уже отравился: тошнить начало, и в животе стало нехорошо.

Мошек вокруг тоже летало множество, но не есть же мальчику (хоть и бывшему!) всякую непотребную гадость! Ведь они, эти мошки, может быть, на какой-нибудь самой грязной куче сидели, а лапки не помыли!

«Поищу лучше зёрнышек», – решил Мальчик-Воробей. Полетел на поле, но зёрнышек там не обнаружил – и вернулся к месту, где только что был костёр. Ему повезло: кто-то из ребят не начисто обглодал клубни, на некоторых «шкурках» мундира находились небольшие (но огромные для воробья) кусочки печёной картошки. Ключнул Жека-Воробей – и правда: оказалось, что ничего на свете нет вкуснее, чем печёная картошка! А ведь Жека ел её ещё и без соли! Так сказать, несолоно хлебал.

Неволя хуже охоты, или «Поговоришь у меня!»

Вкусен кусок, однако оказалось, что и воробей (а ведь именно воробьём теперь был мальчик Жека) им не насытился. И вдруг –

какое везение! – перед голодными глазами Жеки предстала почти половина картофелины – в самый раз для бывшего мальчика, готового уже съесть слона.

Прыг-скок – и Мальчик-Воробей уже у дивно пахнущего обеде-ния. Клынул раз – и на Жеку будто само небо свалилось! И потемне-ло, и ни вправо, ни влево не прыгнуть и вверх не вспорхнуть. И так страшно стало Жеке-Воробью, а тут ещё – топ-топ – услышал он тяжёлые и грозные шаги Гулливера в свою сторону. Душа у Жеки ушла в пятки, причём, что особо обидно, в воробьиные пятки. А великан схватил свалившееся на Жеку небо, а вместе с ним и самого Мальчика-Воробья за бока. «Хорошо если Гулливер, – успел подумать Жека, – а вдруг зверь какой-нибудь – так слопаёт ведь и не подавится!» А великан поднял всё небо с зажмурившим от ужаса глаза бывшим мальчиком (уж не съесть ли собирается?), повернул к себе – и Жека Шилин увидел, что это не Гулливер и не зверь, а его родной брат! А небо оказалось его, брата, бейсболкой.

– Ах, попалась, птичка, стой! – противно пропел брат прямо в клюв (или в глаза?) Мальчику-Воробью. – Что на этот раз запоёшь-скажешь?

– Отпусти меня, не сжимай так больно! – возмутился Жека. – Или не видишь: это же я – брат твой!

– Эк врать-то горазд! – ответил на это признание брат. – Я, конечно, понимаю: мы с тобой одной крови. Но брат мой, хоть и непутё-вый, да всё же не воробей! Хоть и глупый, а человек. Но он поум-неет! Я за это отвечаю. А вот что ты воробей особенный, я сразу сообразил. Поэтому перед уходом в деревню и соорудил для тебя ловушку из веточек и бейсболки и полкартошки тебе оставил. Гово-рящая птица, да ещё и не попугай – это, братец ты мой, находка для орнитолога! Вот я тебя открыл – и вдруг тебя моим именем назовут?! Представляешь, как зазвучит: «Воробей имени Вани Шилина!» Нет, не так – просто: «редкая птица семейства воробьиных, Воробей Вани Шилина». Это же не хуже, чем... чем «лошадь Пржевальского», тем более что лошадь Пржевальского разговаривать не умеет.

– Из всех глупостей, что ты, Ваня, сейчас намолод, – ответил Жека, ставший воробьём, – умно только одно: «братец ты мой». Да, я твой братец! Меня в нашем дворе один старичок – злой волшеб-ник Воробьиный Царь – из-за тебя же в птицу превратил! Сначала ни за что хворостиной выпороть пообещал, а потом вот этой же хво-ростиной воробьём сделал.

– Ну вот, мало того, что ты чуши наговорил, так ещё и волшебни-ка придумал, и какого-то Воробьиного Царя! Ну давай, ври дальше: за что он тебя птичкой сделал?

Собрался было Жека всё честно рассказать, да испугался сооб-щить про то, как рогатки украл. И ответил так:

– Я с ним о педагогике поспорил...

– Со старичком?! Невежливо и глупо со старшими спорить...

– А что, мне уж своего мнения нельзя иметь? Раз я, сам видишь, такой умный...

– С чего умный-то?

– Ну... ты часто встречаешь воробья, который впопад разговаривает? Вот! Значит, я соображаю...

– Уметь болтать, языком молотить – не означает соображать! – решительно не согласился брат. – Однако я вот специально от ребят ушёл, чтобы поймать тебя для науки.

– А ты, знаешь что, – предложил Жека-Воробей, – если не веришь мне, отнеси-ка меня к тёте Тане, она, небось, поумнее тебя. Я ей расскажу, как она к нам недавно, две недели назад, приезжала – и ей ничего не останется, как признать во мне родного племянника...

– Ну, не-э-эт! – твёрдо не согласился брат. – Тёте Тане я тебя не покажу. А то она подумает, что кто-то из нас троих сошёл с ума. Или она, раз с говорящим воробьём беседует, либо я, раз птицу к ней с объяснениями приволок, либо ты, воробей, свихнулся, раз по-человечески говорить стал. Нет-нет! К тёте Тане я тебя не потащу – у неё своих стрессов хватает. А я с тобой, пожалуй, вот что сделаю...

– Что? – испугался Жека-Воробей.

– Конечно, можно тебя в музей сдать или в зоопарк, чтобы людей удивлять болтающей птицей. На тебя народ ещё как повалит! И большие деньги зверинцу на тебе можно заработать. Можно учёным отдать, как собаку Павлова – пушай на тебе опыты проделывают. Можно тебя и дома держать в клетке. Забот-то о тебе мало – зернышек и крошек раз в день подсыпать – вот ты и доволен!

– Да не доволен я! – возмутился Жека. – Я снова человеком хочу стать, мне же в школу скоро надо идти, наукам учиться.

– Воробьёв в школу не принимают, – сказал брат. – А я вот что подумал: тебя же обязательно в природе надо сохранить. Может быть, Бог решил через тебя новую марку... то есть новую **породу** птиц создать. С тебя, может быть, начнётся новая разновидность воробьёв – говорящих!

– Не Бог, а волшебник – я-то знаю!

– Тот, кто волшебник, всего лишь орудие Бога, Который, может быть, через тебя решил такую эволюцию устроить. Нам подарок сделать.

– В чём подарок-то? – возмутился воробей, получившийся из Жеки.

– А в том! – разъяснил свою мысль брат. – Скажем, вся Африка полна попугаев, а русский человек выйдет на городскую улицу – а ему и поговорить не с кем! А теперь от тебя произойдут глупые говоруны! Как-никак забавно же с пичужкой словом переброситься! Так что, получается, рисковать эволюцией я не могу – ответственность перед человечеством большая. Я тебя сейчас просто на свободу выпущу – эволюционируй дальше!

И брат разжал пальцы и подбросил вверх Жеку-Воробья.

Затрепыхал Жека крылышками, удержался в воздухе. А потом перелетел на ближайший куст и взмолился:

– Ты бы лучше меня домой отвёз. Мама скоро оладий напечёт. А от голода у меня лететь сил нет. Пока сюда летел, раз шесть для отдыха присаживался! Не долечу до Саратова – совсем из сил выбился!

– Какой голод может быть у воробышка, который только что полкартошки склевал? А уж мою маму и вообще не вспоминай! Твоя мама – какая-то воробыха. Ещё раз такую глупость скажешь, я тебе голову оторву! – совсем грозным голосом попугал брат, хотя, разумеется, вреда никакой птичке ни за что бы не сделал. Сказал, чтобы образумить воробья. – Поговоришь у меня!

В «дружеском» плену

Жека и в самом деле очень перепугался. Голову потерять и воробью не хочется! Наоборот, очень хотелось мальчику жить. Даже и в виде воробья. И потом Жека надеялся, что волшебство Воробьиного Царя не навсегда – когда-нибудь снова удастся стать мальчиком и в школу пойти.

Голодным и чуть ли не смертельно уставшим добрался Жека-Воробей до родного двора в городе Саратове. Последний участок пути он даже и не летел, а на крыше троллейбуса ехал – обессиленный, догадался на неё свалиться. Без билета ехал – зайцем, то есть, получается, воробьём. Однако совесть его не мучила: во-первых, по малости лет с него кондукторы и контролёры и раньше билетов не требовали; во-вторых, где же воробью денег взять, если у него даже и карманов нет? В-третьих, он же не внутри троллейбуса со всеми удобствами ехал, а снаружи. Он знал, что это очень опасно, что за это штраф полагается, но... должны же быть у измученного воробья какие-то льготы!

Зато совершенно не боялся Жека, что его на крыше троллейбуса током может ударить: он хорошо знал, что током бьёт только мальчишек, а воробьи – они вон даже сидят на голых электрических проводах под напряжением.

И не в квартиру свою он бросился (как же воробью дверь открыть или хотя бы кнопку звонка нажать и тем более кнопку домофона?), а к птичьей кормушке. Он-то знал, что старший брат её недавно повесил, а многие люди каждый день насыпают в неё подсолнечных семечек и хлебных крошек. Ой как Жека хотел сейчас наклеваться семечек!

И семечек в кормушке оказалось много, целая гора. Гора, конечно, по сравнению с размерами воробья, которым сейчас Жека и был. Но... почти у самой кормушки на ветке каштана сидела соседская кошка Матильда, та самая, которой Жека утром из рогатки лапу ушиб. Рана, видимо, оказалась неглубокой – и Матильда совсем выздоровела, зато... она явно мечтала схватить у кормушки зазевавшегося воробья и немедленно съесть его. У Жеки, представившего это, мороз пробежал по коже. Или, может быть, по пёрышкам? Или вообще непонятно, почему именно у Жеки, ставшего воробьём, пробежал мороз, но от него бывший мальчик чуть ли не до смерти замёрз! «А вдруг кошка узнала меня, что я – тот, кто в неё стрелял, – забеспокоился он, – тогда её желание понять можно».

«Выходит, не такая уж простая и весёлая жизнь у птичек, – возникла у Жеки другая мысль. – И, выходит, лучше уж на самом деле

замёрзнуть, чем в звериных кошковых зубах живому оказаться!» И задумался он, как бы Матильду с дерева согнать.

И тут бывшему мальчику повезло: лучший друг его Тимка вышел из подъезда, возмущен кошковым поведением и без предупреждения выстрелил в неё из рогатки. Он промазал, но умная Матильда сообразила, что с Тимкой шутки плохи, соскочила с дерева и пустилась наутёк.

«Оказывается, у кошек жизнь тоже не сахар!» – подумал Мальчик-Воробей.

Зато теперь путь к кормушке был свободен, но осторожный Жека уловил в глазах своего лучшего дружка нехороший блеск и не в кормушку залетел, а сел на ветку в метре от неё.

– Ну, чего тут расселся? – недовольно сказал Тимка. – Зажрался? Червяками брюхо набил? Семечками брезгуешь? Тогда я тебя щас из рогатки укокошу!

Он действительно поднял своё ужасное оружие и начал заряжать его камешком.

Жека хотел сказать другу, что стрелять не надо, потому что перед ним вовсе и не воробей, а его лучший друг Жека. Но, вспомнив, как плохо кончился его разговор со старшим братом, счёл за благо прикинуться воробьём, то есть промолчать. Он только перелетел на другую сторону дерева, чтобы Тимка сдуру не сшиб его камешком на землю, причём бездыханного.

Тимка обошёл каштан, встал с другой стороны и снова стал целиться в Жеку-Воробья. Но у Жеки-то ушки на макушке – он немедленно перелетел на другую сторону дерева, чтобы Тимка ни за что не смог его подстрелить.

– Какой-то ненормально умный воробей! – удивился Тимка.

Он дважды выстрелил в крону. И оба раза попал в дерево, причём именно в то место, где находился Жека, только с противоположной стороны.

– Эх! – раздосадованно сказал Тимка. – Был бы сейчас здесь друг мой Жека, мы бы с двух сторон стали дерево обстреливать – тогда бы уж ты не уцелел, глупый воробей!

И ушёл домой. Точнее, сделал вид, что ушёл, а сам просто ненадолго спрятался за дверь подъезда.

Но Жека-Воробей этого не знал. Зато он знал, что с голоду просто может с ветки на землю свалиться. Поэтому, как только исчез с глаз Тимка, стремглав кинулся в кормушку, то есть большую пластмассовую бутылку с вырезанным в ней отверстием, и с жадностью начал клевать вкусные подсолнечные семечки. С голодухи он иногда даже, как настоящий воробей, забывал их очистить и глотал целиком вместе с шелухой, а точнее, с лузгой. Однако, несмотря на это, Жека услышал лёгкий щелчок снаружи кормушки и почувствовал лёгкое её (кормушки) сотрясение. Поэтому, почти не думая (он ведь к тому времени уже стал пуганой птицей!), мальчик, то есть теперь уже воробей, рванулся к вырезанному в бутылке отверстию – дверце, но... больно ударился о что-то твёрдое – отверстие было надёжно закрыто чем-то

прозрачным. Затем он увидел, что его друг, довольно ухмыляясь, подходит к каштану.

– Ну, вот, – торжествовал Тимка, – на этом вся твоя мудрость и кончилась! А то повадился прятаться за дерево... А я, между прочим, догадался, каким образом кормушку усовершенствовать. Взял вторую бутылку чуть пошире, надел её на первую, а потом нитку через верхнюю ветку перебросил, поднял ниткой новую, наружную-то бутылку и к стволу привязал. Как только ты, дурья твоя голова, забрался в кормушку – я нитку-то и отпустил. Отличная ловушка получилась! Не ты первый в неё угодил! Щас табуретку вынесу, выну тебя, домой принесу – там сам познакомишься с новыми друзьями!

Тимка так и сделал – и вскоре оказался Жека-Воробей в клетке вместе с другими обманутыми Тимкой воробьями. Клетка стояла на Тимкином столе, а вокруг неё ходил престрашный Тимкин кот по кличке Кромвель. А ходил он потому, что уже устал от попыток просунуть между прутьями морду или хотя бы лапу, чтобы вытащить кого-нибудь из воробьёв, сбившихся в середине клетки.

– Волнуешься, Кромвель? – спросил кота Тимка. – Не переживай, щас я тебя ими кормить буду. Я хороший охотник-птицелов – вон сколько дичи для тебя припас! А ты хоть и Кромвель, но зверь хороший – заслужил живой крови!

У Жеки от таких слов кровь в жилах застыла. «Хорошо им, – позавидовал Мальчик-Воробей настоящим воробьям, – они не понимают Тимкиных слов!» И он понял: пора раскрыться перед другом. Поэтому человеческим голосом, только очень дрожащим, обратился к другу:

– Тимка! Что ты делаешь? Разве можно этому зверю бедных птичек на растерзание отдавать?

Тимка тут просто рот разинул. А потом спросил:

– Кто тут из вас, – обратился он сразу ко всем воробьям в клетке, – это вякнул-брякнул?

– Ну я! – ответил Жека и немного подпрыгнул к дверце железной клетки.

– Та-а-ак, – задумчиво произнёс Тимка, – получается, с перепугу человек дар речи теряет, а воробей с перепугу может заговорить! Однако странно, что ты, болтун в перьях, имя моё знаешь...

– Да как же мне не знать, если я – твой друг лучший!

– Чего-чего? – грозно нахмурился Тимка. – Ты говори, да не заговаривайся! Стану я с какими-то воробьями дружбу водить! Мой лучший друг – это человек, мальчик Жека из соседнего подъезда!

– Так я и есть Жека! – пояснил Жека.

– О-о-очень похож! – рассмеялся Тимка и даже от смеха руками за бока схватился. – Как говорится, «похожа свинья на быка, токо шерсть не така»!

– И Жека, и я сейчас в твоей дурацкой клетке. И, главное, Жека и я – это одно и то же лицо!

Опять расхохотался Тимка:

– Ну, и где у тебя лицо? Один клювик с глазами да пёрышки!

– Тимка, выпусти меня... и всех других... пленников, которых ты обманом захватил, будь человеком!

– Я-то – человек! А вот ты кто? Новый вид попугая? Я, значит, обманом захватил, а ты – честный? Поэтому и врёшь, что ты – мой друг Жека? Да я бы тебе за Жеку щас голову отвинтил, тока жалко. Я тебя лучше в цирке стану показывать.

– Вот я там тогда людям про тебя всю правду и расскажу! – пригрозил Жека-Воробей. – Про то, что ты в птиц стрелял и что у своей родной бабушки очки спрятал, чтобы она твои двойки в дневнике не увидела.

– Не расскажешь!

– Почему?

– Потому что, как только варезжку разинешь, я тебе как дам по башке! Будешь говорить то, что я тебе разрешу. Как миленький!

– А тогда, а тогда... – начал придумывать спасение Жека, – хочешь, я тебе из каштана марку достану, которую у тебя через окошко сквозняком выдуло? Она же там в трещинке застряла. Ты же из-за неё уговаривал папу своего каштан спилить, да он не согласился, сказал: как ни дорога марка, а живое дерево всё равно дороже.

– Марку, говоришь? – загорелся Тимка. – А достанешь?

– Так человек туда забраться не может, а я же воробьём стал, мне взлететь – раз плюнуть. Клювиком её подцеплю, пока ветер не унёс, – и тебе прямо в руки!

– А вдруг надуешь?

– Честное соседское слово даю!

– А может, для верности нитку к твоей лапке привязать, чтоб не удрал?

– Ну, нет! – решительно не согласился Жека. – Нитка и тяжёлая, и может за ветки зацепиться. Тогда я летать не смогу – повисну на дереве, да ещё и вверх ногами.

– Ещё какие условия выдвигаешь? – Тимка вёл переговоры основательно, не абы как.

– Всех воробьёв из клетки выпустишь на волю!

– Эх хватил! – возмутился, было, Тимка, но вдруг согласился: – Отпущу! Этих глупых птиц я же потом снова сколько душе угодно наловлю. Чего мне стоит?!

– Извини, приятель, – обратился он затем к коту Кромвелю, – сам видишь, обстоятельства сильнее нас! Но... не горюй: Тимка сказал – Тимка сделает! Наловлю тебе дичи позднее. А пока и на котлетах не похудеешь!

Тимка вынес клетку во двор и открыл её дверцу – все воробьи, хоть и бестолково натолкавшись, вылетели на волю.

Умный и воспитанный Жека, ставший воробьём, толкаться с ними не стал, выбрался из клетки не спеша, последним.

Подумал он, было, и в самом деле надуть Тимку за его плохое обращение с воробьями и кошками (кроме своего любимого Кромвеля, правда), однако сказал сам себе: «Данное слово всегда нужно выполнять. Я больше никогда не стану обманывать».

Он вспорхнул к трещине в коре каштана и сказал Тимке:

– А ты вот что... кепчонку свою на скамеечку положи, а сам отойди шагов на двадцать. Я марку, пожалуй, в кепку положу...

– Так ты же обещал марочку прямо в руки...

– В руки и возьмёшь, только **из кепки**.

Тимка понял, что спорить с распоясавшимся воробьём бесполезно, а марка ему о-о-очень нужна – и принял условия.

После этого нерушимое честное соседское слово было исполнено. Марку, к счастью, ни ветром не унесло, ни дождём не размочило. Жека-Воробей аккуратно положил её в Тимкину кепку.

Трижды отрёкса

Как ни странно, после этого Жека почему-то почувствовал себя счастливым! Он даже на время забыл, что стал воробьём и что, стало быть, ни оладий маминых со сметаной не поест, ни в школу осенью не пойдёт. Что даже и ночевать ему придётся не в своей постели, а... А вообще, где ночуют воробьи? Он сообразил, что это он узнает, понаблюдав за настоящими воробьями. Ведь не погибают же они без одежды и подушки!

Радовался и рассуждал Жека-Воробей, удобно сидя на телевизионной антенне, с которой ему многое было видно. А сама антенна располагалась на крыше его дома.

«Дело плохо, – легко подумал он, – мало того, что человеком мне не стать, так ещё и любая кошка меня слопать может, любой глупый мальчишка подстрелить или поймать. Да и пернатый хищник... Правда, пернатые хищники в нашем городе не живут. Всё плохо, а мне, наоборот, как будто даже хорошо! Уж не от новых ли открытий, от возможности полетать? Нет, летать, конечно, здорово, но хорошо-то мне стало после того, как я марку противному Тимке вернул. Нет, даже и раньше – когда твёрдо решил, что данное слово всегда надо выполнять и что врать я больше никогда не стану!»

И тут на него как будто приятным ветерком подуло и будто внутри Мальчика-Воробья прекрасный свет включился – и стало ему, несмотря на то, что он в воробьином теле, очень радостно.

Он взглянул вниз. Во дворе на скамейке рядышком сидели его друг Тимка и... старичок в круглых очках и со значком «Партия защиты воробьёв». И опять... кроме старичка и Тимки, во дворе не было ни одного человека! Не считая, конечно, Жеки, который, впрочем, был как бы не вполне человеком и не совсем во дворе.

«Воробьиный Царь! – испугался Жека. – Это его штучки! Но всё-таки интересно, узнает ли он меня среди других воробьёв? И о чём они могут беседовать с Тимкой?»

Жека-Воробей немедленно сорвался с антенны и опустился шагах в двадцати от скамейки, рядом с другими воробьями, деловито выклевывавшими мелкие семена травы. Жека вдруг осознал, что он уже очень любит всех этих весёлых птичек, несмотря на их кажущуюся бестолковость и неорганизованность. «Да ведь они и не бестолковые, а скорее уж слишком доверчивые и, как бы Жекина мама сказала, *непосредственные*». И ещё мальчик заметил, что он начал понимать

язык воробьёв. «Совсем я **оворобьился**», – одновременно со страхом и с радостью подумал он.

Однако гораздо больше Жеку интересовала тогда, конечно, не воробьиная, а человеческая речь, то есть беседа Воробьиного Царя и Тимки. Он посмотрел на волшебника в круглых очках и в галстук – и тот хитро подмигнул Жеке – легко узнал его, значит!

– А по-моему, их слишком много развелось. И все они разбойники и воры – не зря же их так зовут: «воробей» – это значит «вора бей», – говорил между тем Тимка, обращаясь, видимо, к своему собеседнику. – Воробьём больше, воробьём меньше – в мире ничего не изменится.

– Как сказать! – возразил ему волшебник в очках и в галстук. – А если, скажем, вдруг появится на свете какой-нибудь гениальный воробей?

– Который, что ли, человеческим голосом говорить умеет? – уточнил Тимка. – Такие, конечно, есть – я с таким сам разговаривал...

– Ну, не обязательно говорить, ведь у птиц, как и у людей, может быть множество самых разных талантов...

– Тогда... всех талантливых следует отлавливать и в цирке показывать! – убеждённо сказал Тимка.

– Так ты полагаешь, отрок, что всех талантливых нужно лишать свободы?

– Ну, тогда... – заколебался «отрок», – им надо документы выдавать, чтобы их не трогали... – не слишком уже уверенно продолжил свою линию Тимка.

– И куда же воробей может положить такой документ? – развёл руками Воробьиный Царь. – В гнездо? А в чём носить станет, чтобы в случае чего тебе или мне предъявить?

– Ну, надо что-то придумать...

– Давно уже придумано! – возразил старичок. – Просто нельзя ни ловить, ни обижать ни одного воробья!

– Так уж ни одного? Вы же сначала лишь о талантливых говорили...

– Так ведь неталантливых на белом свете вообще не бывает. У каждого свой дар. Просто мы не всегда понимаем, в чём именно чей-то талант. Так что нельзя обижать воробьёв!

– А человеков? – от несогласия Жека даже начал неправильно говорить.

– И «челоуеков» нельзя обижать. Ни одного! И нельзя лишать свободы, если они не преступники. Тех – можно. Я вот недавно даже одного мальчика, совершившего преступление, заключил...

– В тюрьму?! – испугался Тимка.

– Вроде того, – печально ответил волшебник, – в летающую тюрьму! Главное ведь не наказать, а лишить человека возможности делать что-то нехорошее другим людям, кошкам, воробьям... А наказание ради наказания – глупость. Это выглядит как недостойная месть. Недостойная и бессмысленная!

– Вы, конечно, умно говорите, – признал Тимка, – даже умнее, чем Жекин брат Ваня, а только охота на животных и птиц никогда плохим делом не считалась! Поэтому я вот сейчас стрельну в эту стайку

воробышков! Причём, для верности, сразу несколькими камешками – как шрапнелью!

С ужасом представив, чем такой выстрел обернётся для ничего не подозревающих птичек, Жека закричал по-воробьиному:

– Спасайтесь! Смертельная опасность!

И все воробьи мгновенно разлетелись, будто их взрывом раскидало. Один только Жека остался на месте.

– Что это с ними? – удивился Тимка. – Будто почувствовали что!

– Какой же ты молодец! – на воробьином же языке похвалил Жеку Воробьиный Царь.

Жека между тем заметил, что «стрельнуть» Тимка не сможет, так как рогатка из его кармана выпала и лежит под скамейкой. Но, конечно, скоро он непременно обнаружит это и поднимет с земли оружие.

И тут Жеке так жалко стало воробьёв, что он, рискуя жизнью, перепорхнул под скамейку, схватил рогатку не слабым своим клювиком, а когтями – и перед самым Тимкиным носом взлетел вместе с нею на крышу дома и повесил оружие на телевизионную антенну.

– Вот, вот! – закричал Тимка. – Я же говорил, что все воробьи преступники и воры! Этот пернатый нахал мою рогатку украл! Как это, по-вашему?

– По-моему, этот воробей талантлив. У него талант справедливости. И ещё – смелости. Он же собственной жизнью рисковал, спасая от тебя своих собратьев.

Сердце Жеки-Воробья бешено колотилось в его крохотной груди, казалось, оно готово выпрыгнуть наружу. То ли от перегрузки (с таким грузом взлететь!), то ли от страха (ведь Тимка мог бы прихлопнуть Жеку), то ли от счастья – удалось избавить многих славных и не виновных ни в чём существ от ужасной опасности!

Посидел Жека на антенне, пока сердце не успокоилось. И сам себе слово дал, или, если хотите, клятву: «С этой минуты я больше никогда не стану стрелять ни в воробьёв, ни в кошек!» И второй раз на него будто приятным ветерком подудло, будто опять внутри него включился прекрасный свет – и теперь его уж точно охватило ощущение счастья.

Правда, потом ему на секунду стало страшно: а вдруг он теперь навсегда птицей останется, без мамы, папы и брата будет жить, но ощущение счастья победило – и Жека подумал: «Ну, пусть воробьём останусь, зато я успел много других воробьёв от Тимкиных угроз избавить! А всё-таки, если напрячь весь ум, вдруг можно придумать способ в человеческий облик вернуться?»

– Может быть, и обретёшь человеческий вид, если душой человеком станешь... – сказал кто-то слева.

Повернул Жека-Воробей голову – а там старичок в круглых очках и галстук – Воробьиный Царь. Не успел Мальчик-Воробей рта (то есть, клюва, конечно!) раскрыть от удивления, как волшебник продолжил:

– Некоторые люди только вид имеют человеческий... А теряют человеческий облик после повреждения внутри сердца. Стало быть, и превращение в человека надо начинать с сердца. Кстати, ты, отрок, большую часть пути уже прошёл. Надеюсь, что станешь ты челове-

ком. Сердце у тебя доброе, но не всегда умное. Ум твой – умный. Но этого мало.

– А что же надо ещё? – спросил Жека-Воробей.

– Надо, чтобы сердце стало умным, а ум – добрым. Это, во-первых. А во-вторых... я сюда, на крышу, поднялся, чтобы ты не стал человеком прежде времени...

– Ка-а-ак?! Вы хотите, чтобы я ещё оставался воробьём?!

– Да! Совершенно верно! Тут ведь надо технику безопасности соблюсти...

– Как? Что вы имеете в виду?

– Сам подумай, торопыга, вот если ты сейчас превратишься в мальчика, то как ты с крыши девятиэтажки на землю спустишься? Придётся специалистов МЧС – спасателей вызывать. Ведь с крыши на ваш чердак люков нет – я уже сам это проверил. Да и чердачные люки по глупости заколочены – выходит, даже и с чердака на лестницу девятого этажа не спуститься...

А потом... как, по-твоему, ты объяснишь спасателям и родителям, каким образом на крыше оказался?

– Да можно же просто сказать правду...

– И кто тебе поверит? Что есть какой-то волшебник, умеющий детей в воробьёв превращать? Что ты, мальчик, на самом деле на время становился воробьём? И что ты на самом деле на крыльшках взлетел на крышу девятиэтажного дома?

– Но этому же доказательства есть!

– Какие?

– Вот же рогатка на антенне висит. Не сама же она летать выучилась! И Тимка подтвердит, что я (то есть какой-то воробей) стащил у него из-под носа рогатку.

– Никто тебе, увы, не поверит, – вздохнул Воробьиный Царь и развёл руками. – Если какой-то воробей действительно поднял на крышу рогатку, то почему это был именно ты? Кстати, какой бы лёгкой она ни казалась, воробью её так высоко ни за что не поднять. Тут уж опять я постарался – волшебным образом прибавил тебе силы. Так что, пока у тебя крылья есть, давай-ка в прямом смысле спустимся с небес на землю. Вот там уж – как хочешь: хоть воробьём оставайся, хоть мальчиком становись, если получится. С земли упасть нельзя!

– А вы? – спросил Жека.

– И я спущусь – не век же мне по крышам рассиживаться! Я всё-таки не Карлсон, который мог бы тут жить!

Сказав это, Воробьиный Царь взмахнул руками как крыльями – и они в самом деле превратились у него в крылья, и волшебник легко вспорхнул. А затем плавно перелетел с крыши на ту же самую скамейку во дворе, на которой с Тимкой беседовал. А крылья его тут же снова руками стали.

Восхищённый такими чудесами, Жека повторил перелёт старичка и уселся на спинку скамейки.

– Нет, ты уж не на спинку, а на положенное место садись! – потребовал Воробьиный Царь. – Запомни на всю жизнь: тем мальчиш-

кам, которые на спинку скамеек садятся, ну о-о-очень трудно стать человеком!

Мальчик-Воробей выполнил требование и спросил:

– Сейчас вы меня в самом деле в мальчика превратите?

– Нет, это сделать можешь только ты сам. Никто никого не может превратить в человека, кроме самого этого человека.

– И никто не может ему помочь?

– Ну, помогать как раз все обязаны! Да вот ведь и тебе все помогали: мама, папа и брат Ваня, на которого ты же за это и обиделся. Я вот, по-твоему, чем с тобой всё время занимаюсь, как не помощью?

– Вы? – удивился и даже возмутился Жека и язвительно, с «подковыркой» добавил: – С каких это пор вы помогаете мне стать человеком? Уж не с той ли минуты, когда превратили меня в воробья?

– Именно! – подтвердил волшебник. – Для того и превратил, чтобы ты человеком стал. С очень многими именно так и происходит. Если б ты знал! Некоторые люди сначала волками становятся, некоторые свиньями, а кто и змеей. Преодолев в себе звериное, они как раз и становятся людьми.

– Ни за что не поверю! Что, и моя мама кем-то была? Каким-нибудь животным?

– Ну, твоя мама легко отделалась. Она минула эту стадию. Она просто сначала побывала учительницей, а потом довольно легко стала человеком.

– Но ведь учительницы – все всегда люди...

– Не скажи! Понимаешь, у всех людей бывают те или иные заблуждения, ошибки... Ты, скажем, сегодня пытался стрелять в живые цели. Но... ты ведь и решил, что больше этого никогда не станешь делать. Ты обманывал, но сам пришёл к выводу, что врать нехорошо, и сам себе слово дал не делать этого. А ещё ты же сегодня совершил кражу...

– Так же же сами одобрили, что я у Тимки рогатку спёр!

– У Тимки – одобрил. Это была не кража, а разоружение опасного человека. Но ведь ты же и у брата Вани рогатки украл!

Покраснел Жека-Воробей. Даже сквозь пёрышки воробьиные видно стало, что покраснел:

– Я уже пожалел об этом. Кабы не эта кража, не случилось бы многих других несчастий.

– Вот именно! Правильно, что сожалеешь...

– Сожалею и обещаю себе и... вот вам: больше никогда чужих вещей брать не стану!

И в третий раз за этот день на Жеку будто приятным ветерком подуло, словно снова в третий раз внутри него зажётся ясный, прекрасный свет – и нахлынуло ощущение полного счастья.

– Урра-а! – закричал он и хотел затрепетать крылышками, но... не смог! Потому что вместо крылышек у него появились руки! А взглянув вниз, он увидел свои грудь, живот и ноги.

«Как хорошо, что добрый волшебник уговорил меня слететь со спинки скамейки! Ведь с неё я сейчас мог бы свалиться и ушибы заработать!» – обрадовался Жека.

Чистая наука

– Урра-а-а! Спасибо! Вы, Воробьиный Царь, всё-таки превратили меня в мальчика! – сказал он волшебнику.

– Не я, а ты. И в воробья тебя не я превращал, а тоже ты сам.

– Как это?

– Просто. Ты же сегодня трижды отрёкся от Правды и Справедливости – вот поэтому и потерял лицо, утратил человеческий облик. Хорошо ещё, что в воробья превратился, а не в крокодила! А побывав в воробьиной шкуре, ну, то есть в перьях, узнал, как воробьям непросто жить: то тебе кошки, то мальчишки, то тебе камешком по башке, то в клетку, то еды не достать...

– Ну, в воробья – понятно. А обратно как сам же превратился? Как человеком стал?

– Так же. Правда, не так же просто. Но всё-таки ты сумел трижды отречься от дел нехороших, как сказал бы твой замечательный брат Ваня, от греха отрёкся. Потому-то и стал человеком! А в воробьином виде ты прошёл учение. Для своей же пользы. И я рад, что наука пошла тебе впрок.

– А можно вас ещё спросить?..

– Спрашивай, коли интересно.

– Вы – Воробьиный Царь, а зачем же заботитесь и о кошках?..

– По совместительству. Я, да будет тебе известно, не только Воробьиный Царь, но и Король Всех Кошек и Маркиз всех... да мало ли кого! Настоящим волшебником может быть только тот, кто о всех живущих печётся.

– И ещё... Вы сейчас слово «грех» вспомнили. Но ведь вы же волшебник, а Ваня говорил, что волшебство – это тоже грех?..

– Ты, мой юный друг, мальчик Жека, как я вижу, уже довольно образован! И это замечательно...

– Так вы не боитесь, что Бог вас накажет... когда-нибудь?

– Может, и накажет... Всех есть за что наказать. Только никакого колдовства я не творил...

– Но ведь превращение...

– И никакого превращения я не проводил, не превращал тебя... Всё это вовсе не волхование, не волшебство, а чистая наука. Психологический опыт и... гипноз!

– Брат Ваня говорил, что гипноз – это когда человека вводят в такое состояние, что он видит не то, что есть на самом деле...

– Именно, мой мудрый юный друг. И ты уж, пожалуйста, никому не рассказывай, что был воробьём, что летал в деревню, что знаком с волшебником Воробьиным Царём. Всё это был гипноз, то есть чистая наука.

– А рогатки братовы я из-под замка брал? Или и это мне показалось?

– Увы, рогатки брал. Верни их на место! Пусть умный брат Ваня сожжёт их.

– Как же вернуть, если одну, самую маленькую, я в спешке на крыше оставил – на антенне она висит?

– Ах да! Хорошо, что напомнил. Только, Женя, не висит она на антенне. Если бы ты понаблюдательнее был, то заметил бы, как я её в свой карман положил перед тем, как с крыши на скамейку перелететь. Да вот она! – И Воробьиный Царь (или волшебник, или гипнотизёр?) вынул из нагрудного кармана своего пиджака рогатку и положил её в руку мальчика – уже совсем не воробья.

– Так, значит, я вовсе не был воробьём... – задумчиво и как бы с сожалением сказал Женя. – Пусть не был, а только всё равно я стрелять из рогатки не стану!

Он повернулся к собеседнику, но увидел, что того нет на скамейке – как будто в воздухе растаял!

– Ну, растаял так растаял! – сказал Жека. – Чему тут удивляться? Человек исчез – эка невидаль! Может, тут вовсе и нет никакого волшебства – одна чистая наука!

Он пришёл домой.

– Мой руки и садись за стол, – сказала ему мама, – я как раз допекла оладьи, твои любимые – со сметаной.

Однако, как ни был голоден Жека, он сначала достал ключ из ящика Ванино стола, открыл с его помощью другой ящик, положил в него обе рогатки. И только потом отправился мыть руки, чтобы они стали чистыми.

Заключение, или Чем закончились злоключения

Через неделю вернулся из деревни загорелый, счастливый и довольный Жекин брат. Он **как-то особенно** посмотрел на Жеку и задал ему странный для посторонних вопрос:

– С тобою, брат Женя, ничего... удивительного на прошлой неделе не случилось? Ничего... этакое... волшебного?

Жека изобразил на лице своём удивление и изумление:

– Что волшебного может произойти с современным городским мальчиком? Последний такой случай произошёл с Волькой, который старика Хоттабыча из реки вытащил. Так меня мама купаться в Волге не отпускает. Да ты и сам отказался меня плавать научить!

– Плавать я тебя научу, – заверил брат, – потом... Тут, понимаешь... в деревне воробьи появились, говорящие человеческим голосом...

– Поверить не могу! – ответил Жека.

– И я не поверил бы, если бы сам своими глазами такого не видел да своими – вот этими самыми – ушами не слышал.

Жека поколебался: с одной стороны, он знал, обманывать нехорошо, и даже совсем недавно слово дал, что никогда больше врать не станет. А с другой... он ведь и сам уже не вполне знал, был ли он на самом деле воробьём или не был... Вот так вконец запутал его старичок в круглых очках!

– Ну, – сказал он наконец старшему брату, – появлялся тут в нашем дворе один старичок, назвавшийся Воробьиным Царём и волшебником...

– Вот и воробей в лугах мне то же самое рассказывал! – не удержался Ваня. – А дальше что было?

– Сначала старичок пошутил, что может мальчиков в воробьёв превращать, а потом признался, что просто действует на них гипнозом – им и мерещатся всякие чудеса.

– А-а-а, – обрадовался брат, – раз гипноз, то всё понятно! Гипноз – это не волшебство, а чистая наука!

– Думаю, что наука, Ваня!

После этого разговора Ваня на глазах у Жеки достал тайный ключ, открыл ящик стола, вытащил из него весь рогаточный и прочий арсенал и сказал:

– Пойду во двор, сожгу. Не хочешь поглядеть?

– Во дворе костры разжигать не положено! – не согласился Жека. – Спички детям не игрушки!

– Не надо разжигать, – успокоил старший брат, – там строители-ремонтники по всем безопасным правилам битум разогревают...

Братья выбежали во двор своего дома и спросили ремонтников:

– А можно в ваш огонь оружие бросить?

– Рогатки? – удивился ремонтник. – А не жалко?

– Нисколько, – заверил Жека.

– Значит, прощай, оружие?! – одобрил рабочий. – Тогда – ради Бога! Давно пора детям разоружаться. Это дело хорошее.

Довольные сделанным, вернулись братья домой.

– Пора ужинать, – донёсся из кухни мамин голос. – Жека, где брат твой Ваня?

– Брат Ваня в ванной руки отмывает! – ответил Женя.

– Замечательно! – одобрила мама.

А папа добавил:

– Ещё более замечательно, что ты брата по имени назвал. Это значит, что наконец-то у вас отношения... братские!

КАК МАЛЬЧИК ВАНЯ ЧУДО-ЮДО ПРОГНАЛ

Мальчику Ване пять лет было, а жил он в деревне. И был он таким заботливым да ответственным, что родители иногда его дома за старшего оставляли. Чтобы хозяйством занимался и избу стерёг.

Вот однажды папа с мамой в поле уехали, а Ване сказали:

– Ты, сын, человек надёжный и ничего не боишься. Мы часа через четыре вернёмся, а ты дома хозяином оставайся – за сестрёнкой пригляди, чтобы в пруду не утонула; козлёнка паси да гусят от коршуна береги. Пусть они в пруду купаются, а ты им погода корму вынеси. Справишься?

– А то! – ответил Ваня. – Дело привычное. Козлёнка, чтобы в лес не убежал, к колышку длинной бечёвкой привяжу и про гусят не забуду. А с Алёнки-сестры глаз не спущу!

– Вот и молодец! – похвалил папа.

– А коли гости-путники в деревне появятся, – добавила мама, – ты их приветь да угости. Так у добрых людей принято.

Ваня всё так и сделал. Колышек на лужке возле избы забил и к нему привязал козлёнка. Гусят со двора на пруд выпустил.

А Алёнке-сестрёнке помог шнурки на кроссовках завязать и стал объяснять, чем незабудки на лужке от цветка цикория у дороги отличаются. Интересно сестрёнке, глаза синие широко раскрыла, внимательно слушает старшего брата. Ума набирается.

Весело и Ване. И совсем не страшно человеку, когда он при деле. А у мальчика дел-то сразу вон сколько!

Да ведь и нечего ему бояться: и сам не один, и защититься от напасти есть чем – папа же ему из хорошей кленовой доски меч изготовил! С виду меч деревянный, да Ваня-то знает: волшебный он – настоящий меч-кладенец. Из чистого булата!

Но вдруг потемнело небо и земля задрожала. Взглянул мальчик на небо, а там Чудо-Юдо о трёх головах крыльями кожаными-мохнатыми машет. Увидело Чудо-Юдо Ваню – и плюх на землю! Поглядело на козлёнка шестью змеиными глазами, облизнулось всеми тремя языками (а они – все три – раздвоенные!) и говорит:

– Я – Чудо-Юдо трёхголовое, а тебя, карапуз, как звать-величать?

Мальчик меч в руки взял и ответил незваному гостю:

– Я не карапуз, а я Ваня, дома за хозяина остался.

– «Ваня» – это очень плохо, – как бы само себе недовольно проворчало Чудо-Юдо правой головой. – Знавало я и прежде этих Вань... Это же русская уловка, чтобы нас в заблуждение ввести: Ваня... на самом деле – это же Иван! – И, обратившись к мальчику, продолжило: – Всегда от вас неприятности: то Иван-Царевич, то Иван – крестьянский сын. Все вы негостеприимны. Как только такое имя услышу, у меня сразу шея чесаться начинает. Одна, а то и сразу все три!

– Шею мыть надо, – подсказал Ваня, – чтобы не чесалась.

– Моются только лентяи, – возразило Чудо-Юдо. – Моется тот, кому чесаться лень.

– Ну, если тебе, Чудо-Юдо, мыться лень, – ответил мальчик, – я помочь готов. Давай я тебе шею намылю!

Чудо-Юдо от таких слов даже назад отпрянуло:

– Опять эти русские подвохи да иносказания! Варварский обман, одним словом. Сколько раз я на Русь прилетало, а так ничему вас и не научило! Точнее, вы не научились. Не в коня корм, то бишь... уроки не впрок. Необучаемые вы...

– Первый раз вижу учителя с тремя головами! – удивился Ваня. – Всё-то у вас не как у людей. Зачем тебе столько?

– Голова – хорошо, а три – лучше, – пояснило правой головой Чудо-Юдо, – есть можно быстрее. Всё-таки, как-никак, ем я в три горла!

– Вот у тебя одна голова, – включилась в разговор левая голова Чуда-Юда, – это значит, ведёшь ты себя неправильно: что хочу, то и ворочу, а у нас – коллективное мнение, полная демократия!

Тут потёрло Чудо-Юдо когтистой лапой среднюю шею, будто она заболела сильно, с опаской поглядело на меч и на мальчика и спросило средней же головой:

– А ты, Ваня, не Иван ли Царевич будешь?

– Нет! – скромно отказался Ваня от такой чести. – Я не царевич.

– Тогда, может быть, ты Иван – крестьянский сын?

– Опять нет – я папин и мамин сын.

– То-то, папин да мамин. А папа твой кто, где работает? Чем занимается? Может быть, он-то как раз крестьянин? И тогда, выходит, ты и есть крестьянский сын!

– Он фермер. И сейчас работает в поле.

– Ну вот, так и есть! – возмутилось Чудо-Юдо левой головой. – Опять русский хитрый обман. Фермер – это и есть крестьянин. Получается, ты Иван – крестьянский сын. И, стало быть, человек очень для меня опасный.

– Ну, если тебе всё у нас не нравится, так зачем на Русь прилетело?

– А ты не догадываешься? – возмутилось Чудо-Юдо и хвостом по земле ударило – гул пошёл. – Не видишь, странник устал? С долгой голодухи сил лететь у меня не осталось. Совершил вынужденную посадку точно в заранее заданном районе. А ты, неприветливый мальчик, не замечаешь, что я вот-вот сдохну и, можно сказать, околею. Тебе это надо? Вижу, Ваня, смерти ты моей хочешь...

– Не хочу я, чтобы ты, хоть и мёртвое, на нашем лугу осталось! Улетай, счастливого пути!

– Да ведь от голода я ослабло, взлететь нету сил, – пожаловалось Чудо-Юдо. – Пожалей ослабевшего странника – отдай мне хоть гусят подкрепиться чуток, жадина-говядина!

– Не жадина я! – обиделся мальчик. – Раз уж сил у тебя не осталось, съешь гусят, так и быть... Мне мама приказала прохожих угощать, как у добрых людей принято.

В три пасти стало Чудо-Юдо хватать гусят, в три горла глотать. Засветились его шесть глаз довольством. Погладило Чудо-Юдо себя по животу и сказало правой головой:

– Ты очень умный и хороший, Ваня. Молодец, что маму слушаешься. Мне сильно полегчало, прямо как от живой воды! Теперь отдохну с минуточку – и улечу.

Однако через минуточку передумало Чудо-Юдо и говорит:

– Взлететь от такого перекуса смогу, а до границы русской мне не долететь. Отдай мне, Ваня, ещё и твоего козлёночка...

Жалко Ване козлёнка. С ним играть можно, прыгать вместе. И ещё бодался козлёнок забавно – рожками в Ванину руку упрётся, а ножками в землю – и толкает! Жалко отдавать, но вспомнил мальчик наказ материнский гостей угощать и отдал Чуду-Юду козлёнка.

Тут Чудо-Юдо сперва немножко растерялось, три его головы между собой ругаться и даже кусаться начали – каждой казалось, что именно ей по справедливости счастье выпало козлёнка нежёванным проглотить. Но только левая голова, самая хитрая, уловку придумала и говорит:

– Я своим умом думаю, козлёнка надо средней головой съесть.

– Почему именно средней? – возмутилась правая голова.

– Ну тогда, – ответила левая голова, – справедливо будет правой головой козлёнка проглотить!

– Почему это правой? – обиделась и возмутилась средняя голова.

– Ну тогда, – говорит левая голова, – поиграйте в гляделки. Какая голова переглядит, той и козлёнка глотать!

Тут правая и средняя головы уставились глазами друг на друга – ни одна уступить не желает. А левая голова в это время и проглотила козлёнка!

А когда средняя голова пересмотрела правую, а правая признала себя побеждённой и обе взглянули было на козлёнка, то, конечно, не обнаружили его. И, как ни глупы были, обе головы сразу догадались, что левая голова их нагло обхитрила.

– Это ты козлёнка слопала? – одновременно спросили они левую. – Это же нечестно!

– Так ведь у меня выбора не оставалось, – оправдалась левая голова. – Пока вы в гляделки играли, козлёнок бечёвку перегрыз и сбежать собрался! Ну, не могла же я этого допустить. А то бы наш общий желудок остался пустым!

– Тогда конечно! – согласились средняя и правая головы.

– Тогда ты правильно поступила, – одобрила правая голова.

– Умная ты! – восхитилась средняя. – Молодец!

– Ну, теперь улететь сможешь? – поторопил Ваня незваного гостя.

– Вроде, чуток получше стало, – ответило Чудо-Юдо всеми тремя головами одновременно. – Настроение у меня поднялось, а вот топлива, еды то есть, на полёт, думаю, не хватит. Ты вот что, добрый мальчик Ваня, отдай-ка теперь мне на десерт ещё и твою сестру. Вот тогда я уж совсем довольна буду.

Тут уж возмутился Ваня:

– Где это видано, где слыхано, чтобы позволялось живых людей есть?! В твоём царстве это, может быть, и принято, да только не в нашей деревне!

Обнял Ваня Алёнку левой рукой, а правой за свой меч-кладенец схватился.

С опаской покосилось Чудо-Юдо шестью змеиными глазами на меч Вани, отдернуло назад все три свои головы и сказала:

– Вот и выходит, что негостеприимный у вас в деревне живёт народ, а ты вообще жадина-говядина! Что хочешь делай, а взлететь у меня, голодного странника, никаких сил нету.

– Ну, тогда... ползи-уползай отсюда! – посоветовал Ваня. – Дорогу, небось, знаешь!

Облизнулось Чудо-Юдо змеиными раздвоенными языками, зубами поклацало, хотело было уже и разворачиваться, восвояси убираться, но левая, самая умная голова изрекла:

– Кажется мне, этот меч у Ивана – крестьянского сына кленовым деревом пахнет... Может, это и не кладенец?..

Но осторожная правая голова предположила:

– Дак мальчишка этот мечом по глупости лет, наверное, клён рубил – вот на кладенце запах дерева и остался.

– А всё-таки, может, попробовать схватить девчонку? – сказала, облизнувшись, средняя голова.

– Вот ты и попробуй! – посоветовала правая голова. – В случае чего мы и без тебя обойдёмся. И ты, – обратилась она к хитрой левой голове, – можешь попытаться. Я и одна улечу. Была бы голова на плечах, а отрубленные к нашему змеиному празднику снова вырастут!

– Нет уж, – возразили другие головы, – одна голова – хорошо, а три – лучше!

А тут вдруг Алёнка смелой стала:

– Где это видано, – вслед за братом повторила она, – чтобы Чудам-Юдам детей на закуску отдавали?! У тебя, Чудо-Юдо поганое, три головы, да все глупые! – И язык незваному гостю показала.

Обиделось Чудо-Юдо:

– Вовсе не глупые они, дерзкая девчонка!левой вот я диссертацию по математике защитило. Доказало теперь всему миру, что дважды два равно пяти. Да вы, тёмные дети, не знаете, наверное, что такое диссертация. Ну да ладно!

– Знаю я, что такое «десерт»! – возразил Ваня. – Мама нам с Алёнкой всегда сладкое даёт. И мама от нас эту «десертацию» никогда не защищает!

– «Диссертация» – это вам не сладкое блюдо, – заявило Чудо-Юдо, – это такое варево... то есть диссертация как раз о большем уме говорит. Средней головой я защитило диссертацию по литературе и русскому языку – доказало, что на свете ни одного русского слова нет – все заимствованные. Это, кстати, ваше новое слово «фермер» подтверждает. И правой головой – тоже диссертацию защитило. По истории. Тут уж я доказало всему свету, что ваш народ всегда очень агрессивным был: армию великого шведского короля – непобедимого Карла под номером...

– Под каким номером? – спросила правая голова у левой, с математическим уклоном.

– Двенадцать, – ответила левая голова.

– Ну вот, – продолжила речь правая голова, – ваш народ негостеприимный – войско Карла номер двенадцать разбил вдребезги, Наполеона – и то не пожалел, выгнал в шею. И ещё я в диссертации доказало, что Гитлера победили не вы, а совсем другая страна!

А Алёнка не унимается:

– Про Полеона я не знаю, а карлу с бородой Руслан победил и Людмилу от него освободил – я знаю точно. И про Гитлера мне дедушка рассказывал, как его победил. Не обманывай детей – нехорошо это! А головы у тебя, Чудо-Юдо, может быть, и не глупые, да сам ты дурак! Ишь чего удумало – меня съест! Небось подавишься!

Ване тут даже неудобно перед гостем стало за сестринскую невежливость.

– Ты уж на неё не обижайся, – примирительно сказал он Чудо-Юдо, – она же ещё совсем маленькая. Не знает, что со старшими спорить нельзя! Глупая совсем!

– Где ж ей с одной головой умной-то быть? – хихикнуло Чудо-Юдо. – У меня вот их – три. И языка три – я в три языка-то любой спор выиграю! И всегда так было.

Тут все три головы запели разом:

– Весело было нам – всё делили пополам!

– Эх ты, Чудо-Юдо, – сказал на это Ваня, – на троих пополам не делится! А ещё математику защищало... от кого-то. Опять обманываешь, потому что не походишь ты на защитника. Думаю, что диссертацию **от тебя** надо было защищать!

– Математикой я занимаюсь, – возразила левая голова, – а русским языком – средняя голова, с неё и спрос...

– Ну, да, – подтвердила средняя голова, – правильно говорить: «весело было нам – всё делили на троих! Ровно поровну!»

– Ага, видел я, как вы поровну делили... козлёнка...

И тут смотрит Ваня: как молния сверкнуло что-то в небе, просвистело, и прямо у его ног в землю новый меч воткнулся остриём! Ваня свой меч положил, а сверкающий правой рукой за рукоять взял – и меч этот удивительно лёгким оказался, прямо как пушинка!

Тут уж все три головы Чуда-Юда назад отпрынули, да и всё Чудо-Юдо попятилось.

– Этот меч – точно кладенец! – сказала самая умная голова.

– И в руках он точно у Ивана – крестьянского сына, – поддержала правая голова. – Тут уж не до шуток. Надо уносить ноги.

– Вместе с головами, – добавила средняя голова. И опять к Ване обратилась: – Чую, не долететь мне до дому, если сестру мне не отдашь...

– Тогда доползёшь... – успокоил мальчик.

– Ты бы, Ваня, со мною хоть кусочком хлеба поделился...

– Хлеба для гостя мне не жалко, – ответил Ваня.

Достал он из кармана ломоть, посыпал его для вкуса солью и бросил Чуду-Юду.

Средняя голова хлеб в воздухе поймала и нежёванным целиком проглотила. А потом поворотилось Чудо-Юдо назад, но прежде чем восвояси поползти, хвостом, будто нечаянно, в одну сторону махнуло – и сарай сбило, потом, опять будто нечаянно, – банку Ваниной семьи развалило. Поползло Чудо-Юдо поганое, но от злобы у него сил прибавилось, и полетело оно восвояси.

И тут увидел Ваня, что по дороге от дубравы к нему всадник во весь опор скачет. А когда подскочил, узнал Ваня, что это сам Илья Муромец к нему на помощь пожаловал.

– Жив, Ваня! – обрадовался богатырь. – И сестрица Алёнка жива! А я увидел, что дело серьёзное и что доскакать вовремя не успею – и бросил тебе в помощь свой меч, супротив которого никакой враг не устоит.

– А почему, Илья Муромец, меч твой такой лёгкий?

– Потому что меч-кладенец добрым людям, защитникам справедливости сам силу даёт. А вот Чуду-Юду его ни за что не поднять!

И подумал тогда Ваня, что, может быть, не только от куска хлеба и от злобы у Чуда-Юда поганого силы появились, а и от того, что увидело оно, как Илья Муромец скачет. Ну и меча, конечно, испугалось!

– Спасибо тебе, Илья Муромец, – сказал мальчик. – А может быть, догнать тебе этого летуна по чужим деревьям?..

– Я бы хотел догнать, – признался Илья, – да ведь приказу не было! Мог бы я и меч так бросить, чтобы он не к ногам твоим упал, а головы у Чуда-Юда отрубил, но и на это не имел приказа.

И тут Илья Муромец руку козырьком к шлему своему поднёс, на Чудо-Юдо из-под руки поглядел и сказал:

– Однако, низко полетел! Должно, к дождю!

**Ирина
ДРУЖАЕВА**

ВДОЛЬ ПО АФРИКЕ ПЕШКОМ

СЛАВНО БЫТЬ ЖИРАФОМ

Ах, как трудно быть Жирафом,
Если ты с огромный дом,
Если дразнят серым шкафом,
Еслиходишь в дом
с трудом.

Ах, как славно быть Жирафом,
Сверху видно далеко,
Можешь пыль стереть со шкафа
И до звёзд достать
легко!

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ БЕГЕМОТА

Решил Бегемот,
Что скучно живёт,
Что в гости давно
Никто не зовёт.
Купил он варенья,
Конфет и печенья,
Позвал Бегемотов
На свой день рождения.
Так плясали, хлопали
Все, поев варенья,
Что потоп натопали
И землетрясенье!

-
- Ирина Дружаева – член Союза писателей России, член Товарищества детских и юношеских писателей России, член Международного объединения детских авторов (МТО ДА). Лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого, конкурса сценариев Московского Международного кинофестиваля «Лучезарный Ангел», литературной премии «Золотое перо Руси» (2012, 2014), Приволжской литературной премии «NEWBOOK – Волга-2015», Международного литературного фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» (Крым), Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» (2016), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016).

ОСТОРОЖНЕЙ, БЕГЕМОТ!

Зевнул
Бегемот,
Вдохнул
Бегемот –
и во рту у Бегемота
оказалось всё болото,
вместе с тиной, серым илом,
черепахой, крокодилом!
Рот закрыл
Бегемот –
ничего
не поймёт:
вокруг Бегемота
исчезло болото!
Что за странное явление?
Рот открыл от удивленья!
А оттуда –
тина, ил,
злой зелёный Крокодил,
Черепаха.
Ну и ну!
Ничего себе – зевнул!
Так зевать неосторожно –
без жилья остаться можно!
Ведь дом Бегемота –
родное болото.

ЛВЁНОК ПАПУ ОГОРЧАЛ...

Лвьёнка Лев учил рычать.
Лвьёнок папу огорчал:
Он лычал, лычал, лычал...
Был он просто
Очень мал!
Лвьёнку надо подрасти,
Чтоб р-р-рычать
От р-р-радости!

НЕДОЛГАЯ ДРУЖБА

– С одной Антилопой по имени Гну
Жираф подружился однажды.
– Да ну?
– Но дружба недолго продлилась.
Гну часто на что-то сердилась:
– Видны у друга –
лишь бока.
И смотрит вечно
свысока!

БАОБАБОНОСОРОГ

Мыться очень не любил Носорог.
И не мыл он даже уши и рог.
Накопил он грязи пуд.
На спине теперь растут
Мох, трава и баобаб.
Преогромный
Бао-бао-
бао-бао-
бао-баб!
Те, кто мыться не хотят,
Пусть на это поглядят:
Ходит, ходит по саванне
Баобабоносорог!
Кто не моет рук и ног,
Зарастёт, как носорог:
Обрастёт он ёлками
С колкими иголками!

САМЫЙ НАРЯДНЫЙ

Жил в саванне серый Слон –
Уж таким родился он.
И от такого цвета
Грустил зимой и летом.
Шептали соседи:
– Какой неприглядный...
Жалели соседа:
– Совсем не нарядный!
Но приехал в гости к Львице
Сын – художник из столицы,
И столкнулся как-то днём
С грустным пепельным слоном.
Лев спросил:
– Для красоты
Нарисую я цветы
На твоих больших боках,
На ушах и на ногах?
Слон сказал:
– Да хоть... ужей!
Хуже – некуда уже...
Взял художник кисть и краски.
Слон расцвёл, как в дивной сказке.

И гуляет по саванне
Слон-улыбка, Слон-букет.
Все решили, что нарядней
Никого в саванне нет!

ПОЧЕМУ ЖИРАФ ПЯТНИСТ?

Малыш Жирафёнок
не слушался маму.
Испачкался грязью
прилипчивой самой.
А мыться совсем не хотел,
вероятно.
На солнце присохли к Жирафику
пятна.
Жирафика мыли и мама, и папа.
И Лев, как мочалкою, тёр его лапой.
Из срочной химчистки
позвали Мартышку
Помыть с ананасовым
соком малышку.
И душем из хоботов мыли Слоны.
Но пятна по-прежнему были видны.
Гепард удивился:
– В чём дело, ребята?
Пятнистый – красивее, чем полосатый!
Обиделась Зебра:
– А я не согласна!
Но спорить с гепардом не стала –
опасно...
Стал наш Жирафёночек
чистым,
Но всё же остался
пятнистым.
А вскоре пришли все к единому мнению:
Что пятна Жирафу идут, без сомнения.
Не моден стал цвет
однотонный и чистый,
В саванне теперь
все Жирафы – пятнисты!

НА КОГО ПОХОЖ ЖИРАФ?

Не похож Жираф на шкаф.
А на что похож Жираф?
На подъёмный кран немножко.
Но зачем же крану – рожки?
Шея длинная Жирафа,
Словно столб
для телеграфа.
Нет, не столб,
а телебашня!
Как ему вверху не страшно?
Жираф сказал:
– Всё это ложь!
На папу с мамой я похож!

ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦА МОДЫ

Страусиха в магазине
Выбирала шляпу.
Расшвыряла весь товар
На прилавке лапой.
– Эта мне великовата,
Эта цветом бледновата.
Я примерила штук сто,
Вид у шляп такой простой...
Продавец сказал устало:
– А с пером бы лучше стало...
Страусиха прицепила
К шляпе перья из хвоста...
Своего!
Сказала:
– Мило!
Ах, какая красота!
Хоть капризна, как погода,
Легкомысленная мода,
Но на перья страусиные
Оказалась мода длиною...

Виновата Страусиха,
Страусиха-щеголиха.
Ходят Страусы с оглядкой –
Берегут свои хвосты:
Могут выщипать украдкой
Ради чьей-то красоты!

ЦАРЬ

Обучала сына Львица:
Как красиво поклониться,
Как учтиво промолчать,
Как победно зарычать.
– Ты же Лев!
Ты – царь саванны!
Царь пускал кораблик в ванне
И хотел играть, резвиться.
Улыбнулась мама Львица:
– Ты совсем ещё котёнок!
– Мяу-мур! – ответил Львёнок.

ЛЮБОПЫТНОЕ СОЛНЫШКО

Серый, серый, серый Слон
Видел серый, серый сон.
А проснулся – серый день.
Серой тенью ходит лень,
Тоже серая-пресерая,
Настроенье серым делаю.
Вдруг Мартышка
Вприпрыжку
Подбегает к Слону:
– Ну и ну!
Ты чего грустишь с утра,
Словно серая гора!
Я к тебе с кусочком Солнца пришла.
Угадай, что в узелке принесла?

Слоно любопытно,
И Солнышку тоже –
Солнечных зайцев
Пускает в прохожих.

Надоели Солнцу прятки,
В небе делает зарядку.
Смеётся:
– А что в узелочке, Мартышка?
– А там – апельсин
И про Солнышко книжка!

**Валерий
ШАМРАТОВ**

БОЛЬШАЯ СКАЗКА ПРО МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛА БАНАНЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВЕЛИКИЙ КОЛДУН МИША

Глава первая Бесплатные бананы

Жила-была девочка, которая очень любила бананы. И поэтому она ела бананы каждый день. Она вообще ничего, кроме бананов, не ела. Она ела их на завтрак, на обед и на ужин. Вы спросите, как такое может быть? А очень просто: по утрам она пила банановый чай с бананами, в обед ела сладкий банановый суп на первое и жареные бананы на второе, запивая всё это банановым компотом, а на ужин пила банановый сок и ела банановые бутерброды – ну это, сами понимаете, когда на свежий банан мажут банановое варенье.

Но однажды на завтрак вместо чая с бананами мама подала ей чай с хлебом, сливочным маслом и яичницей.

– Хочу банан! – капризно скривила губы девочка.

– Нет бананов, Маша.

– А я хочу, чтоб были!

– У меня зарплата только через два дня. А у папы через три. А бананы в этом месяце не такие уж и дешёвые... Потерпи три дня.

– Но я не хочу терпеть! – топнула ножкой девочка. – Если у тебя нет денег на бананы, купи мне бесплатный банан!

– Но бесплатных бананов не бывает, – сказала мама.

– Бывает! – крикнула девочка и стала реветь громко-громко-прегромко, чтобы все соседи услышали и пожалели её, а маму поругали: вот, мол, какая мамочка нехорошая – банана ей для дочки жалко!

Мама послушала-послушала – и сказала:

– Ладно. Если хочешь реветь – реви. Но только громко и с выражением. А я пока по делам отправлюсь. А ты в наказание дома одна останешься. И гулять не пойдёшь. Я тебя дома запрю.

И мама ушла.

А девочка – вы уже поняли, что её звали Маша – поревела-поревела и успокоилась. Потому что нельзя же реветь, если при этом тебя никто не видит и не слышит. Это же совсем не интересно. Для того, чтобы реветь громко и с выражением, нужны зрители и слушатели. Ну или хотя бы один зритель и слушатель...

Поэтому Маша замолчала.

И наступила тишина.

И тут в балконную дверь кто-то вежливо постучал.

Маша испугалась: кто бы это мог постучаться снаружи в закрытую балконную дверь, если балкон на четвёртом этаже, а дома никого нет?

Она подошла к балконной двери и прижалась носом к стеклу.

На балконе никого не было.

А между тем в балконную дверь снова вежливо постучали.

– Что ли дверь сама по себе стучит? – подумала вслух девочка. – Что ли барабашки в доме завелись? Вот бы здорово было!

И она открыла балконную дверь.

За дверью стоял маленький-премаленький старичок – такой маленький, что его запросто могла бы унести в зубах кошка, если бы он был не старичком, а котёнком.

– Здравствуйте, – сказал старичок.

– Ты кто? Барабашка? – спросила Маша.

– Нет. Бери выше: я – Балконный! – с гордостью ответил старичок.

– А разве такие бывают?

– Не знаю... Но я-то уж точно есть. А раз я есть, значит, бывают.

– Как ты сюда попал? И откуда ты?

– У-у, это длинная история...

– А ты покороче её сделай!

– Хорошо. Слушай покороче. Я в этих местах когда-то Домовым работал. Сто или двести лет назад. Тут тогда деревня стояла, а города ещё не было. А когда здесь город начал строиться, я и перешёл из Домовых в Балконные. И мне это нравится. Знаешь, как это весело – все ночи напролёт скакать и прыгать по балконам!

– И ты ни разу не упал?

«Маша с Балконным».
Художник
Наталья Шиндина

– Нет. Падать я не умею, я умею только скакать. Я даже через девятиэтажный дом легко перескакиваю. Вот уже лет двести так скачу.

– Двести лет... – изумлённо прошептала Маша.

– Или триста, – сказал Балконный. – Я точно не помню.

– А сколько же тебе сейчас лет?

– Ну, не знаю, – ответил Балконный. – Может, четыреста. А может, и миллион. Я же не считал.

– А ты не врёшь?

– Запомни, девочка: Балконные никогда не врут. Твой балкон на четвёртом этаже находится, но я же на него запрыгнул, так?

– Так, – согласилась Маша. – Вот здорово! Маме расскажу – не поверит!

– А вот маме рассказывать не надо.

– А разве нельзя?

– Можно. Но только после этого ты больше никогда меня не увидишь. Так уж все Балконные устроены.

– Ладно-ладно. Только ты не уходи. Но если ты такой старый, то, наверное, видел много?

– Да уж, повидал. Это точно.

– И знаешь много?

– Не без этого, – скромно ответил Балконный.

– И пишешь без ошибок?

– Как тебе сказать... Писать я умею, но ошибки иногда делаю. Я же в школе не учился. Когда я был маленьким, на земле вообще никаких школ не было. Были только звери и первобытные люди с дубинками. А я тогда назывался Пещерным. Потому что люди в пещерах жили.

– Про пещеры ты мне потом обязательно расскажешь. А вот скажи мне, только, чур, не ври: бесплатные бананы на свете бывают? – спросила девочка.

– Конечно, бывают, – ответил Балконный.

– Ах, как бы я хотела попасть туда, где есть бесплатные бананы!

– Ну и глупо. Я бы тебе не советовал.

– Ха! Подумаешь, советчик какой нашёлся. Что толку в твоих советах или несоветах, если я тут, а бананы – там? Знать бы только, как туда попасть...

– Ну, попасть-то туда нетрудно. Я мог бы тебе в этом помочь, но не хочу. Тебе это счастья не добавило бы.

– Добавило бы! Хочу бесплатных бананов! Хочу! А-а-а! – снова стала реветь девочка.

Балконный заткнул уши и отвернулся.

Тогда Маша наклонилась, осторожно развернула Балконного лицом к себе, взяла его на руки и поднесла поближе к своему рту, чтобы он мог лучше слышать. Потом вдохнула побольше воздуха – и изо всех сил закричала громко и с выражением:

– А-а-а-а-а!

У неё перехватило в горле: закончился воздух. Она вдохнула и снова приготовилась кричать, но Балконный сказал:

– Не надо кричать. Ладно. Так и быть. Ты попадёшь туда, где много бесплатных бананов. Только больше, пожалуйста, не реви.

– Не буду! – сказала обрадованная Маша. – Скорее, скорее попадай меня туда!

От радости Маша даже не успела сообразить, что так говорить неграмотно: «попадай меня туда».

Балконный спрыгнул на пол и произнёс волшебное заклинание:

– Топ-топ. Шлёп-шлёп. Шмяк-шмяк. Бряк-бряк. Тяп-ляп!

И вмиг всё исчезло.

А через секунду Маша снова появилась... Но теперь она была не в комнате у балконной двери. Теперь она сидела на самой верхушке высокой-превысокой пальмы, а рядом, только чуть пониже, висели огромные гроздья бананов. Маша было раскрыла рот, чтобы закричать «Ура!» – но не смогла. Не получилось. Потом она посмотрела на свои руки, ноги... Ощупала рукой голову... Ей очень захотелось заплакать и позвать маму, но теперь она не могла сделать даже этого. Потому что она превратилась в маленькую обезьянку, сидящую на самой вершине высокой банановой пальмы.

Глава вторая Дядя Миша

Да-а-а... Бананов на пальме было много, даже очень много! Но есть их теперь почему-то не хотелось.

Маша посмотрела вниз, и ей стало страшно. У неё закружилась голова...

И тут Маша почувствовала, что снизу её кто-то толкает. Обезьянка Маша – увы, теперь она была уже не девочкой, а обезьянкой! – в ужасе отпрыгнула со своего места, едва не свалившись при этом с пальмы. Оказывается, когда Балконный своими заклинаниями перемещал её из комнаты на эту пальму, он нечаянно усадил её почти на голову другой обезьянке...

– У-у-у! У-у-у-у, – сказала обезьянка, строя при этом уморительные рожицы и размахивая передними лапками, очень похожими на человеческие руки.

Но, как ни странно, Маша её поняла. Оказалось, что Маша отлично понимает обезьяний язык, но сама разговаривать на нём не может. Обезьяний язык состоял в основном из ужимок и жестов и отдалённо напоминал язык глухонемых, которых Маша один раз видела в троллейбусе. Разница была только в том, что глухонемые махали руками, быстро двигали пальцами, но при этом не кривлялись и совсем ничего не произносили. Маша поняла, что обезьянка удивлена и спрашивает, как она, то есть Маша, смогла так высоко запрыгнуть. Но ответить Маша не смогла – не умела.

«Обезьянка».

Художник

Наталья Шиндина

– У-у-у! Чи-чи-ка, у-у, оу? – спросила обезьянка, что в переводе с обезьяньего языка на русский означало: «Меня зовут Чика, а тебя как?»

Маша пожала плечами. А что она ещё могла сделать?

Чика сорвала банан и протянула его Маше:

– У-у-ао! (Это тебе!)

Маша взяла банан и в два укуса съела его.

Чика стала спускаться, Маша за ней... Чика наверх – и Маша наверх... Так они и провели весь день, играя и гоняясь друг за другом, пока не устали. А потом Чика привела Машу в посёлок, где жили люди. И тут произошло то, чего Маша меньше всего ожидала: к ним подошёл человек с белой кожей и на чистейшем русском языке сказал:

– О, Чика, да у тебя подруга появилась!

Маша от удивления разинула пасть и уставилась на Чику. И Чика затараторила на своём обезьяньем языке, размахивая лапами и хвостом, строя гримасы и шевеля ушами, изредка вставляя разные звуки:

– Не бойся, это Миша, он русский. Тут русские геологи работают, а Миша у них переводчик. Только он плохой переводчик, потому что обезьяньего языка совсем не понимает, он даже глупее тебя. Ты вот говорить не умеешь, зато понимаешь, а он и не говорит, и не понимает. Он только людей понимает. Но он хороший. В своё свободное время он работает дрессировщиком, меня дрессирует. И когда я дрессируюсь, он кормит меня бананами. Он и тебя будет кормить, потому что ты умная и легко научишься дрессироваться. Ведь иногда лень забираться на пальму за бананами, вот и приходится делать вид, что ты дрессированная. Конечно, всё время быть дрессированной – это ужасно скучно. Но для разнообразия стоит попробовать. Это не больно.

Маша кивнула. Этот жест и на обезьяньем языке означал то же, что и на человеческом: да, я тебя поняла. Конечно, Маше было неприятно, что её приняли за животное и собирались дрессировать, но что было делать? Надо же было как-то выбираться из этой Африки домой! И тут Миша мог пригодиться. К тому же Маша поняла, что за бананами надо лезть на пальму... А если она всё будет делать правильно, то и лезть никуда не надо будет! Её и так будут кормить бананами! Бесплатными бананами! А заодно будет время подумать, как выбраться отсюда домой...

А Миша тем временем повёл обезьянок к себе, чтобы накормить Чику, если она захочет есть, а заодно проверить умственные способности новой обезьяны. А пока он ведёт их к себе, я немного расскажу вам о нём.

В этом районе Африки всегда было очень засушливо. Воды не хватало ни людям, ни животным, ни банановым пальмам. Собственно, банановые пальмы тут раньше из-за засухи вообще не росли. И однажды сюда приехали геологи из России, чтобы искать воду. Геологи ведь не только нефть или золото ищут. Иногда и вода бывает дороже золота.

А вместе с геологами, как вы уже догадались, приехал и Миша. Миша в совершенстве знал два иностранных языка – английский

и французский, поэтому его и взяли в качестве переводчика, так как французский язык был в этой стране одним из государственных, а по-английски, хотя бы немного, умеют говорить чиновники в любой стране. Что же касается местного деревенского населения, то оно английского языка совсем не понимало, а французский знало настолько плохо, что поговорить с простыми людьми без чиновников не удавалось. Местные деревенские жители говорили на суахили – одном из самых распространённых языков Африки. Однако Миша был человеком способным (тут, как мы видим, Чика сильно ошибалась, считая Мишу глупым) и за полгода выучился говорить на суахили, за что все местные жители стали сильно его уважать... За год геологи сумели найти воду, оборудовать скважину и спроектировать каналы (проектировщик у них тоже был), но работы ещё было много, и геологам предстояло провести здесь ещё целый год.

Но вернёмся к нашей Маше.

Миша дал Чике банан, погладил её по голове и отпустил, а Машу взял за лапку и повёл в дом. Он поставил перед ней заварочный чайник, налил из термоса в кувшин горячей воды. Потом принёс чашку, ложку и сахарницу. Взял тряпочку, наложил её на ручку кувшина, налил в чашку немного воды. Затем он взял заварочный чайник и проделал всё то же самое. Потом поддел ложечкой сахар, насыпал в чашку, размешал. И долил в чашку заварку.

– Понятно? – спросил Миша. Спросил просто так, по привычке.

Маша кивнула, и это сильно удивило Мишу. Он внимательно посмотрел на обезьянку и сказал:

– Надо же, умная какая... Ну, раз понятно, то повтори всё, что я сделал.

И Маша всё в точности повторила.

Миша удивился ещё больше:

– Да ты никак русский язык понимаешь? Из цирка сбежала, да? Постой-постой! Да ведь ты не просто из цирка – ты из российского цирка, да? Да или нет?

Но тут Маша спохватилась и сделала вид, что ничего не поняла. Она испугалась, что ей всё равно не поверят и уж домой-то точно не отправят. Тут надо было действовать осторожно, без спешки. И наверняка.

А Миша достал целую связку бананов и дал Маше. Схватив бананы, Маша выскочила из дома и в несколько секунд забралась на крышу, чтобы поесть в спокойной обстановке.

Новую обезьянку Миша решил назвать по-русски – Мусей. И не успела Маша – теперь уже Муся – доесть бананы, как Миша побежал созывать всех своих друзей-геологов, чтобы они тоже любовались необыкновенно умной обезьяной. Друзья, конечно, ему не поверили, но поглядеть на Мусю всё же пришли.

Маша тем временем доела последний банан и спустилась с крыши. Она слышала, как Миша всю расхваливал её ум и её способности, и ей это было приятно. В школе Машу никогда так не хвалили... От радости она даже забыла об осторожности: Миша вообще не успел сказать ей ни одного слова, как она вбежала в дом, вынесла

термос с кипятком и кувшин и поставила их на крыльцо. Затем снова вбежала в дом и вышла с чашкой, ложкой, сахарницей и заварочным чайником. Конечно, нормальная девочка всё это удержать не смогла бы, но ведь Маша всё же была обезьянкой... Потом она налила в чашку горячую воду, добавила заварку, положила сахар и размешала. И торжественно подала чай Мише. При этом она слегка присела и сделала реверанс, которому научилась в школьном танцевальном кружке. Уж очень ей было приятно находиться в центре такого повышенного внимания. Маша сияла от счастья и чувствовала себя самой великой артисткой в мире.

А геологи так и застыли с разинутыми ртами.

Глава третья Психопаты

Мама открыла дверь ключом и сразу с порога позвала Машу:
– Эй! Ты всё ещё дуешься? Иди скорее сюда! Один банан я тебе всё-таки купила! Выходи, где ты там прячешься?

Ответом ей была полная тишина.

– Ты где? Выходи, хватит дуться!

Снова тишина.

«Наверное, уснула», – подумала мама.

Мама разулась, надела тапочки и прошла в комнату.

Дочки там не было.

Не было её и в других комнатах.

Поначалу мама даже не испугалась. Она решила, что Маша где-нибудь нарочно спряталась. Увидев, что балконная дверь приоткрыта, мама вышла на балкон.

Но и там Маши не было.

Мама ещё раз заглянула во все комнаты. Ни под столами, ни под кроватями, ни под диваном Маши не было тоже.

– Ага! – радостно засмеялась мама. – Я всё поняла! Ты у нас теперь невидимка!

С этими словами мама на цыпочках подошла к шкафу с одеждой и резко открыла дверцу:

– Выходи!

Но из шкафа никто не вышел.

Мама перетрогала все костюмы и все платья, но в шкафу, кроме одежды, ничего не было.

Уже не понимая, что делает, мама дрожащими руками открыла холодильник.

И там нет!

А мама, как заведённая, продолжала искать. Она заглянула в стиральную машину. Она заглянула во все кастрюли, даже самые маленькие. Она заглянула даже в чайник...

Потом она немного подумала – и ахнула про себя: «Зонтик! Маша всегда говорила, что все зонтики похожи на парашюты!» Но все зон-

тики оказались на месте. К тому же мама догадалась, что её дочка вряд ли рискнула бы прыгнуть с зонтиком с четвёртого этажа.

И тут страшная догадка мелькнула в маминой голове: «А что если она упала с балкона? И без зонтика?»

Мама выбежала на балкон и посмотрела вниз.

Внизу Маши не было. Ни на асфальте, ни на газоне, ни в мусорных баках, ни под деревьями.

И тут она улыбнулась счастливой улыбкой: «Как же это я сразу не догадалась? Ну конечно же! Муж с работы забежал – ну и взял её с собой! Ведь она могла позвонить ему и пожаловаться. Вечно он её балует. Ну ничего, я им обоим сейчас покажу!..»

И она позвонила мужу на работу.

– Привет, это я. Ты сегодня домой не забегал?

– Нет, а что случилось?

Ответить мама не успела: кто-то невидимый и очень сильный вырвал у неё из рук телефонную трубку и положил на место.

– Не надо никому звонить и не надо никого пугать, – раздался чей-то голос.

– Так, – сказала мама, – это уже слуховые галлюцинации у меня начались. Кажется, я начинаю сходить с ума по-настоящему.

– А вот и не угадала, – сказал чей-то голос. – Ум у тебя в голове, а не на полу, поэтому сойти с него ты никак не могла.

– Кто это говорит?

– Кто, кто... Балконный в пальто, вот кто!

– Ага, понимаю. Какой-то конь в пальто. Мне сейчас только коня не хватало. Чтобы на коне по квартире скакать. Хотя нет: он вроде бы сказал не «конь в пальто», а «конный в пальто», а это уже совсем другое дело..

– Не Конный, а Балконный, – недовольно и обиженно пробурчал всё тот же голос. – Вечно эти взрослые обзываются. Терпеть их за это не могу. Хотя бы со своих детей пример брали, что ли..

Мама наконец посмотрела вниз и увидела Балконного – маленького старичка ростом с котёнка.

И тут маме стало плохо.

И тогда Балконный на время решил стать невидимым. Он что-то прошептал – и исчез. Ему было очень обидно: почему все маленькие дети разговаривают с ним как нормальные, разумные люди, а все так называемые взрослые ведут себя так, словно они очень маленькие и очень глупые – всё время дразнятся, а если не дразнятся, то обязательно падают в обморок или от страха теряют сознание?

В это время мама приоткрыла глаза, и Балконный понял, что ничего страшного не случилось. Но на всякий случай решил пока оставаться невидимым.

Мама открыла глаза, села и огляделась. Никакого Балконного, или как он там называется, не было. И она окончательно уверилась в том, что у неё начались галлюцинации на нервной почве. Мама сняла телефонную трубку и набрала номер «Скорой помощи».

– Алло, это «Скорая помощь»? Поскорее пришлите ко мне бригаду психопатов. Но только очень опытных, постарше. Мне срочно нужен опытный психопат, вы меня поняли?

– Может, всё-таки психиатр, а не психопат? – спросили в телефонной трубке.

– А, сама не знаю. Может, и психиатр, какая разница.

– Разница очень большая!

– Послушайте, мне всё равно, как называются ваши психопаты! Главное, чтобы они были опытными и приехали побыстрее! Мне очень плохо! Мне всё время чудятся видения и мерещатся голоса! У меня дочка улетела с балкона, а зонтик дома забыла – представляете? А по квартире разгуливает конь в пальто! Это же с ума можно сойти, вы меня понимаете?

– Ну-ну, успокойтесь, – сказали в трубке. – Вот теперь-то мы вас поняли. Бригада к вам обязательно приедет, ждите. А к коню не подходите, может лягнуть. Вы слышите?

– Да-да, слышу. Я даже смотреть на этого коня не буду.

– Вот и замечательно. Адрес свой продиктовать сможете?

– Конечно, смогу.

И мама продиктовала адрес.

– А вот это ты зря. Не надо было вызывать психопатов, – недовольно пробурчал всё тот же голос.

Но на этот раз мама даже не испугалась – просто у неё уже не было никаких сил пугаться. Она демонстративно, не обращая внимания на голос, который по-прежнему продолжал тихо ворчать, поправила причёску, прошла в прихожую и отомкнула защёлку на входной двери. Потом вернулась в комнату, села за стол и стала ждать. А ещё через десять минут в дверь позвонили, мама громко крикнула: «Открыто!» – и в комнату вошла женщина в белом халате. В руках у неё был небольшой чемоданчик. Следом за ней вошли два здоровенных санитаров с носилками.

– Так, – сказала врач, – что тут у нас случилось?

И мама обо всём ей подробно рассказала.

– Ну что ж, мне всё понятно, – сказала врач. – Собирайтесь. Вас надо срочно обследовать. Поедете со мной в больницу.

– А как же моя дочь? – спросила мама.

– Об этом не беспокойтесь. Ваша дочь уже у нас. В соседней палате. А в коридоре конь стоит. И пальто его на вешалке рядом висит. Вы не волнуйтесь, приедете – всё сами увидите. У нас очень хорошая больница, к нам даже иностранцев водят. Своя химчистка есть – на случай, если у коня пальто запачкалось. Своё ателье имеется – на тот случай, если у коня пальто сильно порвалось, мы ему новое сошьём за умеренную плату. У нас даже больничная кузница есть, если коня подковать надо будет.

...Только тут до мамы дошло, что её хотят увезти в психушку. То есть в больницу для сумасшедших. И она решительно заявила:

– Нет! Я никуда не поеду! Лечите меня здесь!

Два здоровенных санитаров сделали шаг вперёд.

– Не-е-ет! – закричала мама изо всех сил.

И тут случилось то, чего никто не ожидал – ни врач, ни мама, ни санитары: оба санитара как подкошенные рухнули на пол. Сверху на санитаров упали носилки и какие-то верёвки. Рядом с ними прямо из воздуха возник Балконный. Он довольно потирал руки.

– Ещё не родились такие санитары, которые смогли бы побороть Балконного, – с гордостью сообщил он маме. – Ну говорил же я тебе: не надо вызывать психопатов!

Врач тихонько охнула, опустилась на пол и тоненько завывала от страха. Рядом продолжали барахтаться санитары, запутавшиеся в собственных длиннопольных халатах и по-прежнему накрытые носилками.

– Вам, мадам, лучше уйти по-хорошему, – сказал Балконный врачу. – А не то я на вас зелёных человечков напущу, а это, поверьте мне, очень страшная штука. Мало не покажется.

Санитары, тихонько ругаясь нехорошими словами, вылезли из-под носилок и поднялись с пола. На Балконного они глядели со страхом.

В этот момент в кармане одного из санитаров зазвонил мобильный телефон. Санитар вынул телефон из кармана, посмотрел на экран, нажал на кнопку и приложил телефон к уху:

– Чего звонишь, Федя? Соскучился, что ли?

В трубке что-то сильно заорало так громко, что все вздрогнули, но слов при этом было не разобрать. У санитара, державшего телефон возле уха, вытянулось лицо.

– Что с Фёдором? – спросила женщина-врач, успевшая к тому времени подняться с пола.

– Федька требует, чтобы мы побыстрее спускались к нему. Он говорит, что ему одному в кабине очень страшно и что по всей кабине бегают маленькие зелёные человечки... Выпил, наверное, с утра.

И он громко сказал в трубку:

– Федя, ты там не дури! Прекрати истерику, понял? Мы сейчас спустимся, вот только пациента уговорим, понял?

В ответ в трубке заорало ещё громче.

– Тут это... – растерянно сказал санитар. – Фёдор говорит, что он ни секунды ждать не может и что в машине очень сильно воняет...

– Врёт ваш водитель, – солидно заявил Балконный. – От зелёных человечков вонять не может. От зелёных человечков ничего, кроме страха, не бывает. Это ваш Федя от страха врёт. От страха всё может показаться.

– Алё, Федя! – крикнул в трубку санитар. – Ты там от страха не ври! Тут говорят, что от зелёных человечков вонять не может, понял?

Некоторое время санитар слушал ответ водителя санитарной машины Фёдора, а потом вдруг громко захохотал диким смехом, больше похожим не на смех, а на лошадиное ржание. Про такой смех обычно так и говорят: «заржал». Он ржал целую минуту без остановки, а это не так-то и просто сделать. Попробуй засесть время и дико хохотать без остановки целую минуту, тогда поймёшь, много это или мало. Дико хохотать целую минуту без малейшего перерыва – такое вообще мало у кого получится. А у санитара получилось.

Но через минуту санитар вдруг резко оборвал смех и побледнел. И очень тихим голосом сказал:

– Вы не поверите: Федька говорит, что он... что он... обо... обо... обкакался... Поэтому я так смеялся... А потом... я сам... ну это... это... ну, короче, если выражаться культурно, тоже...

И санитар пулей вылетел из квартиры.

А Балконный присел, резко оттолкнулся от пола и запрыгнул на стол:

– Меня все видят?

Все дружно закивали.

– А теперь слушайте меня внимательно. Это было моё последнее предупреждение. Если вы все сейчас же не уберётесь из квартиры этой уважаемой дамы, то это будет с вами случаться три раза в день в течение трёх лет. Ясно?

– Так точно, ясно, – по-военному чётко ответил второй санитар, отдал честь, щёлкнул каблуками, схватил носилки и выскочил в прихожую, а оттуда – на лестничную площадку. За ним поспешила последовать женщина-врач.

Мама уже ничему не удивлялась.

– Они что, все обкакались? – спросила она Балконного.

– Не все. Только водитель «Скорой помощи» и один санитар. А за Машу не беспокойся. Жива она...

И Балконный исчез.

А в соседней комнате вдруг сам собой включился компьютер, да ещё и странный звуковой сигнал подал. И мама рванулась к компьютеру.

На экране монитора светился текст:

Ваша обезьянка Муся жива и здорова она ест бананы и дрессируется с вами говорил вирус конец связи

Глава четвёртая Великий колдун Миша

Вскоре слух о необыкновенном русском дрессировщике Мише и его на редкость талантливой обезьяне облетел все окрестные селения. И не только окрестные. Люди стали приезжать издалека. Иногда даже приезжали из деревень, расположенных в сотне километров от посёлка геологов. Люди шли пешком, ехали на повозках, запряжённых маленькими горбатыми быками, ехали в кузовах стареньких грузовиков, ехали в обшарпанных полуразбитых автобусах без стёкол и дверей...

И однажды геологи взмолились.

– Михаил, – сказали они, – мы тоже восхищаемся твоим искусством, но так же нельзя. Твои концерты становятся слишком частыми и очень шумными. В такой обстановке невозможно ни работать, ни отдыхать. Ты знаешь местный язык – вот и объясни это людям так, чтобы они не обиделись.

Миша согласился. Он и сам уже начал уставать от бесконечных концертов. Зрители приходили без предупреждения и почти каждый день. И когда к посёлку геологов в очередной раз пришла огромная толпа зрителей, Миша попытался объяснить людям, что так часто концерты проходить не могут.

В толпе возникло движение. Люди расступились, и вперёд вышел пожилой человек в ярких одеждах. Миша, который разбирался теперь не только в местном языке, но и в местных костюмах, понял: перед ним – не просто вождь, а очень знатный вождь. Может быть даже, король. И Миша вежливо поклонился, что очень понравилось всей толпе.

– Великий Миша! – сказал старик. – Я – король самой большой деревни во всей округе.

– О, Мбвана, великий вождь и мудрый король! – закричали при этом две сотни человек и воздели к небу руки.

– Мбвана – это моё имя, – скромно сказал король и улыбнулся.

– О, Мбвана, великий вождь и мудрый король! – снова радостно закричала вся толпа.

А Миша сильно удивился: вообще-то слово «мбвана» на языке суахили означало «господин», но чтобы это слово было именем человека... Однако Миша знал, как себя вести, и ничем не выдал своего удивления. Миша только кивнул и снова поклонился.

Мбвана тоже улыбнулся. Приосанился. И продолжил:

– Великий Миша! Ты сам видишь: мой народ хочет видеть твоё колдовство.

– Да, это правда! – подтвердила толпа.

– Я понимаю, – продолжал король, – колдовать каждый день очень трудно. Но не согласился бы ты колдовать один раз в неделю, когда ваши геологи не работают? Скажем, пусть это будет воскресенье, а?

– Я должен посоветоваться с начальником партии, – сказал Миша.

– Эта партия – демократическая? – спросил король.

– Эта партия – геологическая, – ответил Миша, – но она очень близка к демократической. А что?

– Это хорошо, – сказал король. – Я и сам очень большой демократ. И если мой народ хочет видеть русского колдуна, я должен помочь моему народу. Потому что я – демократический король. Я должен договориться с тобой и твоей партией, великий Миша.

– Да не называйте вы меня великим! – взмолился Миша. – Никакой я не колдун, и вовсе не великий. Просто Миша, вот и всё.

Король усмехнулся и покачал головой. Потом сделал полуоборот к толпе и громко спросил:

– Разве «просто Миша», как ты говоришь, смог бы за полгода так хорошо выучить наш язык?

– Нет! – дружно выдохнула толпа.

– Разве «просто Миша» смог бы колдовать так, чтобы обезьяны вели себя как люди?

– Нет! – снова выдохнула толпа.

– Если бы ты, – торжественно закончил король, – жил в моей деревне, то королём был бы ты, а не я. Народ выбрал бы тебя.

– Да! – громко прокричали зрители.

– Ты слышал, – улыбнулся король.

– А что, разве у вас королей народ выбирает? – удивился Миша.

– Конечно, – ответил Мбвана. – Я же тебе сказал, что я – демократический король. Меня выбрали, потому что я хороший охотник и лучше всех понимаю следы зверей.

Миша почесал затылок.

– Да ладно, Михаил, соглашайся, чего уж там! Против воскресенья никто возражать не будет, – тихонько сказал один из геологов, стоявших поодаль. (Этот геолог немного понимал язык суахили.)

– Ладно, Мбвана, – сказал Миша, – я согласен. Один раз в неделю. В воскресенье. Перед заходом солнца.

– Лучше в полдень, – сказал Мбвана. – Некоторые люди добираются издалека. Это уже не мой народ, но ведь и они люди. А ведь им до ночи ещё и домой вернуться надо. Поэтому лучше в полдень.

– В полдень жарко, – сказал Миша.

– Мой народ построит навесы, – сказал король. – И ещё мои люди будут приносить тебе мясо копчёных змей и фрукты.

– Змей не надо, – тихо сказал по-русски тот же геолог.

– Змей не надо, – повторил на суахили Миша. – Русские колдуны не едят змей. А на фрукты я согласен.

При этих словах толпа радостно загудела, люди стали усаживаться на землю. А Миша стал готовиться к концерту. Люди-то издалека пришли, не возвращаться же им обратно ни с чем.

Король поднял руку, и все стихли. Зрители вытянули шеи и стали ждать, когда великий Миша начнёт показывать своё колдовство. Но теперь они смотрели не на Мишу, а на обезьянку Мусю, которая к тому времени уже успела слезть с пальмы.

Муся из всего языка суахили понимала только само слово «суахили» – ещё в первый день знакомства Чика сказала, что так называется язык местных людей. Но главное Маша-Муся всё же уловила: люди жаждали увидеть её выступление. Мусю просто распирало от радости и гордости... И в то же время было очень обидно. Муся слышала, как один геолог переводил за спиной Миши остальным геологам почти всё, что говорилось на суахили... Мусю возмущало, что местные жители считают Мишу колдуном. Это было несправедливо! Потому что никакого колдовства не было! А была только она одна – великая артистка Муся!

И Муся решила придумать что-нибудь такое, чтобы все эти глупые люди поняли, что Миша вовсе никакой не колдун и вовсе не великий, потому что по-настоящему великая здесь только она одна, Муся. А если по-правильному, то Маша. Поэтому, когда Миша попросил её сплясать – попросил сначала на русском языке, а потом на суахили, чтобы было понятно и геологам, и зрителям, – Муся плясать не стала, а убежала в дом, схватила большой лист белой ватманской бумаги и открытую банку с томатной пастой, потом со всем этим вернулась к зрителям. Она положила лист бумаги на землю, обмакнула указательный палец правой верхней лапки в томатную пасту и стала рисовать, мысленно приговаривая: «Точка, точка, запятая, минус – рожица кривая. Палка, палка, огуречик – получился человечек. Ушки-ушки, ножки-ножки. По-бе-жали по дорожке!»

Нарисовав человечка, Маша-Муся с торжествующим видом показала рисунок публике, ожидая криков восторга и грома аплодисментов.

Но не тут-то было.

У Миши, конечно, от удивления отвисла нижняя челюсть, когда он увидел всё это. Но зрители не заметили его растерянности, потому что у них челюсти отвисли ещё ниже.

Несколько секунд стояла мёртвая тишина.

Затем король подошёл к Мише и медленно опустился перед ним на колени.

– Прости меня, великий Миша. Я не виноват, потому что я не знал всей правды. Я называл тебя колдуном, и это была ошибка. Ты не колдун. Ты – великий колдун! Ты – тот, который сотворил людей. Теперь я знаю это.

Король встал и с поклоном попятился.

Зрители сделали то же самое: молча встали, поклонились и попятись.

Через десять минут поляна опустела.

Глава пятая **Миша думает, что совершил** **открытие,** **а Маша пишет письмо папе и маме**

Зрители ушли, а Миша вместе с друзьями-геологами продолжал разглядывать рисунок Муси.

– Ты, Мишка, зря скромничаешь. Пожалуй, ты и в самом деле великий колдун, это что-то вроде бога по-ихнему. Как тебе это удалось?

– Да, расскажи, как? Это же гениальный номер! – заговорили наперебой остальные.

С минуту Миша молчал. Он бы и сам хотел знать, как ему это удалось. Но какое-то шестое чувство ему подсказывало: не время делать выводы и не время признаваться, что он тут ни при чём. Что-то тут было не так. И Миша хотел разобраться сам, без криков и восторгов друзей. Тут пахло великим открытием, за которое могли запросто дать даже Нобелевскую премию – самую знаменитую премию в мире... И он сказал:

– Ничего особенного. Обыкновенная дрессировка по системе Станиславского. Я на её обучение три литра томатной пасты извёл – правда, Муся?

Маша-Муся от такого наглого вранья даже слегка подавилась бананом, поперхнулась и дёрнула головой. Но со стороны это выглядело так, словно она хотела что-то сказать, но не смогла, и кивнула в знак согласия.

Геологи оторопели.

– Но система Станиславского, насколько я помню, создана для театра, а не для зверей? – спросил кто-то из геологов.

– Верно, – не растерялся Миша. – Но по-настоящему дрессированные звери должны выступать как актёры. А настоящие актёры должны работать как звери. Или я не прав?

И все согласились, что Миша прав.

– Вернёмся в Россию – поступай работать в цирк! Весь мир объездишь! Уникальный номер! Тебе же цены нет! – наперебой загалдели геологи, но Миша только махнул рукой, подхватил обезьянку и зашагал к своему домику.

– Ребята, извините, но мне отдохнуть надо, – обернувшись, сказал он. – Сами попробуйте давать такие концерты – ещё не так устанете.

Геологи понимающе кивнули и разошлись.

А Миша вошёл в свой домик и запер дверь на ключ. Он усадил Мусю на стол, сам сел на табуретку и стал внимательно разглядывать обезьянку.

– Что-то тут не так, – сказал Миша.

Маша кивнула. Ещё бы! Тут всё было не так!

– Ты что, понимаешь русский язык?

Маша снова кивнула.

– А язык суахили ты тоже понимаешь? – этот вопрос Миша задал на суахили.

Маша-Муся из всего вопроса поняла только слово «суахили», которое, как уже было сказано, знала от Чики. И на всякий случай отрицательно покачала головой.

– Ты что, издеваешься, макака? – возмутился Миша. – Ведь если ты поняла мой вопрос, значит, ты понимаешь и суахили, ведь так?

«Ну что за бестолочь этот Миша», – подумала Маша. И тут её вдруг осенило: она спрыгнула со стола, схватила с тумбочки лист бумаги, взяла с полки банку с томатной пастой и, обмакнув в пасту палец, написала большими печатными буквами:

«ТВАЁ СУАХИЛИ Я НИПАНИМАЮ САВСЕМ».

Миша обалдело глядел на листок.

– Кто-то из нас двоих сошёл с ума, – тихо сказал он. – Потому что так не бывает. Неужели это я сошёл с ума? Ну не обезьяна же?

И тогда Маша-Муся взяла новый лист и написала:

«КАНЕШНА ТЫ. И НИ КАКОЙ ТЫ НИ ДРИСИРОФЩИК».

И тут Мишу осенило тоже.

Он понял, что с этой удивительной обезьянкой можно общаться! Более того – тут вообще пахло великим открытием в области зоологии! Открытием, за которое реально могли дать Нобелевскую премию!

Он положил перед обезьянкой кипу офисной бумаги, карандаш, шариковую ручку и поставил банку с томатной пастой.

– Чем тебе удобнее писать? – спросил он.

Маша попыталась было взять шариковую ручку, но обезьяньи пальчики держали её очень неумело и неудобно. Ничего не получилось и с карандашом. Тогда она обмакнула указательный палец правой лапки в томатную пасту и написала:

«ПАЛЬЦОМ».

– Хорошо, – сказал Миша. – Я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь писать свои ответы пальцем, идёт?

«ИДИЁТ», – написала Маша.

– Кто идиот? Я идиот? – возмутился Миша. – Ну ты, обезьяна, смотри у меня, не заговаривайся! То есть не записывайся! Тьфу, что я говорю! И, главное, с кем...

И Миша обхватил голову руками.

Маша внимательно посмотрела на свою последнюю запись, немного подумала – и зачеркнула вторую букву «И». Получилось слово «ИДЁТ». И протянула лист Мише.

– А-а, теперь понял. Ты же у нас малограмотная. Ты же у нас прогуливала все уроки в своей макакской школе. Ты же у нас с ошибками пишешь... А кстати, где и у кого ты вообще научилась писать, да ещё по-русски?

«В САРАТОВЕ», – написала Маша.

– Да ну? Вот так совпадение! – радостно закричал Миша. – Так ведь и я в Саратове живу! А на какой улице ты в Саратове жила?

«НА ЧИПАЕВА», – написала Маша.

– Вот это да! Ещё одно совпадение! Так ведь и я на улице Чапаева живу! О-о! Я всё понял! На улице Чапаева цирк находится! Теперь мне всё ясно! Так ты, значит, из Саратовского цирка? Тебя какой дрессировщик учил? Фамилию его помнишь?

«ЭТО ТЫ ИС ЦЫРКА», – написала Маша. – А МИНЯ СНАЧАЛО ПАПА УЧИЛ ПОТОМ В САДЕКЕ ПОТОМ В ПЕРВОМ КЛАССЕ».

– Да ну? – расхохотался Миша. – А твой папа – он кто? Тоже обезьяна?

«САМ ТЫ АБИЗЬЯН! МОЙ ПАПА ИНЖЫНЕР ПО КОМПЬЮТОРАМ!»

– Та-ак... – сказал Миша. – Грубишь, макака. Не только нагло врёшь, но ещё и оскорбляешь... Запомни: будешь оскорблять – бананов не получишь!

Маша кивнула. Ей захотелось плакать от обиды и бессилия, но она сдержалась. И в знак протеста перестала отвечать на Мишины вопросы.

А ночью, когда Миша уснул, Маша тихонько встала, осмотрелась в темноте и тихонько прокралась к Мишиному компьютеру. Она, хоть и была малограмотной, в компьютерах всё же кое-что понимала: во-первых, дома у папы был точно такой же компьютер, с которым папа не только разрешал ей играть, но показывал и более сложные вещи, а во-вторых, в школе, где училась Маша, был компьютерный кружок, в который учительница информатики Елена Дмитриевна пускала даже первоклашек и терпеливо их обучала. Что Мишин компьютер подключён к интернету, Маша поняла в первый же день. Электронный адрес домашнего компьютера Маша помнила. И даже не один, а целых два. Совсем недавно, когда она играла с папой в компьютерную игру, она придумала очень смешной электронный адрес, имэйл, и папа ввёл его в компьютер. Именно через этот смешной адрес Маша и вошла в домашний компьютер. Этот адрес знали всего два человека во всём мире – Маша и её папа, и Маша здраво рассудила, что сообщению по этому адресу папа поверит...

Вот какой текст отправила Маша:

«ПАПА И МАМА Я В АФРЕКЕ И ХАЧЮ ДАМОЙ ПАПРАСИТЕ БАЛКОНАВА ЧТО БЫ ОН ЗАБРАЛ МЕНЯ АТ СЮДА В САРАТОВ Я БОЛЬШЕ НЕБУДУ ХАТЕТЬ БЕС ПЛАТНЫХ БОНАНОВ ВАША МАША».

Глава шестая

Папа принимает меры

Машу искали уже целую неделю. Папа и мама обратились в полицию, и, когда после исчезновения Маши прошло три дня, полиция объявила розыск. Фотографию Маши показали по местному телевидению и расклеили на досках объявлений у всех отделений полиции.

Папа во всём обвинял маму.

– Это ты во всём виновата, – говорил он. – Ты же наверняка забыла запереть дверь на ключ. А Машка потом вышла, а дверь сама захлопнулась и закрылась.

– Да я же сама, когда уходила, дверь захлопнула! – в сотый раз оправдывалась мама.

– А я тебе ещё раз повторяю: ты не захлопнула дверь, а только хлопнула ею. Улови разницу. А замок стоял на предохранителе, вот дверь и не захлопнулась, неужели не ясно?

– Ну почему, почему ты мне не веришь?

– Подумай сама. Машки нет. Четвёртый этаж. Зонтик на месте. Верёвка к перилам не привязана. Упасть она тоже не могла, иначе её под балконом бы нашли. Замок у нас такой, что, если закрыть его как полагается, Машка его изнутри открыть бы не смогла. Ты же говоришь, что закрыла его как следует? А Машки всё равно нет. И что прикажешь мне думать? И чему мне теперь верить – тебе или собственной логике?

– А может, это Балконный её украл?

– Ну вот, ты опять за своё. Ты мне ещё про вирус повтори. Чушь какая-то.

– И не чушь! Вирус был! Он письмо написал, что Маша в Африке! Только имя Маши переврал, Мусей её назвал. И ещё обезьянкой.

– В сотый раз тебе объясняю: вирусы письма не пишут – это раз. Вирус, в принципе, к нам попасть может, так как компьютер подключён к интернету, но сам по себе исчезнуть он не может – это два! Конечно, защита у нашего компьютера сильная и сама могла убрать вирус, но тогда бы всё равно следы от него остались бы! А я дважды всё протестировал – и никаких следов. Это, если ты умеешь считать, три!

– И всё равно вирус был. И Балконный был. Я с ума пока что не сошла.

– Вот именно: пока. Опять ты за своё? Да за одно только твоё утверждение о Балконном тебя в психушку отправят, неужели не понимаешь?

– Не отправят!

– Спорим?

– Спорим!

– Ладно. Если тебя всё же отправят в психушку, то я всё объясню, и тебя не отправят. Фу ты, опять я заговариваться стал... Короче, так: если я выигрываю спор, то ты больше никогда не будешь морочить мне голову каким-то Балконным, ясно?

– Ясно. Звони куда хочешь.

– И позвоню, и позвоню. Достала ты меня своим балконным вирусом...

И папа позвонил в «Скорую помощь».

– У меня заболела жена, – сказал он. – У неё сильнейшее психическое расстройство. У неё постоянный бред. Нужна бригада психиатров – врач и санитары.

– А почему вы решили, что она заболела? Вы что, врач?

– Нет. Но у неё очень сильный бред.

– Что за бред? В чём он выражается?

– У нас пропала дочь, а жена мне твердит, что её украл какой-то Балконный...

При этих словах женщина, разговаривающая с папой, громко завизжала и перешла на крик:

– Так это опять ваша квартира? Я сейчас полицию вам вызову, а не «Скорую помощь»! Хулиганьё! Неделю назад к вам уже выезжала бригада, и ваш Балконный избил двух санитаров и заставил их изойти фекалиями, если вы вообще понимаете нормальный интеллигентный язык! Моя подруга – врач-психиатр – лично при этом присутствовала! Сами разбирайтесь со своим Балконным! Развели в квартире всякую нечисть, а мы отвечаем, да?

– Не кричите так, пожалуйста. И никакую полицию вы не вызовете. Что вы полиции скажете – что у нас в квартире живёт нечистая сила?

На другом конце бросили трубку. Зазвучали короткие гудки.

– Ну? Убедился? – сказала мама.

– Ничего не понимаю, – ответил папа. – Хотя... Кажется, я нашёл зацепку. Надо принимать меры. Что мы имеем? Мы имеем кличку предполагаемого похитителя. Его видела ты. Его видели санитары и врач-психиатр. Значит, можно будет составить фоторобот. Да, кстати, а как он выглядел, этот твой Балконный? Ну хотя бы рост этого громилы ты, надеюсь, можешь вспомнить?

– Могу. Рост «этого громилы», как ты выразился, не больше десяти сантиметров. Два спичечных коробка. Ты что, с этим собираешься идти в полицию?

Ответить папа не успел. Прозвучал звуковой сигнал включённого компьютера: пришла электронная почта.

Текст почему-то был набран сплошными заглавными буквами, но удивило не это. Удивил сам текст.

Текст был таким:

«ПАПА И МАМА Я В АФРЕКЕ И ХАЧЮ ДАМОЙ ПАПРАСИТЕ БАЛКОНАВА ЧТО БЫ ОН МЕНЯ ЗАБРАЛ АТ СЮДА В САРАТОВ Я БОЛЬШЕ НЕБУДУ ХАТЕТЬ БЕС ПЛАТНЫХ БОНАНОВ ВАША МАША».

– Эврика! – закричал папа.

В переводе с древнегреческого языка это означало «я нашёл». Папа, конечно же, древнегреческого языка не понимал, просто он много читал и это знаменитое слово знал.

– Что «эврика»? – спросила мама.

– Я всё понял! Машка жива! Это от неё письмо!

– Ты уверен, что от неё? – с надеждой спросила мама.

– Да! Ещё как уверен! Она вошла в компьютер по адресу, который во всём мире знают только два человека – я и Маша!

– Что ты мелешь! У нас же один адрес: улица Чапаева, дом...
– Это ты мелешь! Какой дом? Какого Чапаева? Я про электронный адрес говорю, а это может быть абсолютно любое слово или комбинация слов и даже цифр, введённых в компьютер! Постоянный-то электронный адрес у меня есть, его знают друзья и сослуживцы! А вот второй адрес – шуточный, очень смешной, мы с Машкой совсем недавно его придумали и решили, что это будет наша с ней тайна, поняла?

– Кажется, теперь поняла...

– И это ещё не всё! Я знаю, кто похититель!

– Кто?

– Болкунов.

– Какой ещё Болкунов?

– Здрасьте пожалуйста! Забыла, что ли? Приятель мой – теперь, конечно, бывший приятель. Журналистом который работает!

– Да с чего ты взяла, что это Болкунов?

– А ты читай внимательно, на экране всё написано: «Попроси Болкунова, чтобы он забрал меня отсюда».

– Но там совсем другое написано! Конечно, Машка наша с ошибками пишет, но уж фамилию не переврала бы – это раз. Во-вторых, это ты должен читать внимательно, а не я. Тут написано не «Болкунова», а «Балконава». То есть «Балконного». Понял? Ты ещё не успел забыть, что тебе только что из «Скорой помощи» по телефону ответили?

Папа молча опустил в кресло. Потом сказал:

– Ты сама себе противоречишь. Говоришь, Машка фамилии без ошибок пишет, а тут и в фамилии ошибка. Или в кличке, неважно. Хотя...

Папа вынул из кармана мобильный телефон и позвонил в редакцию газеты, в которой работал Болкунов.

– Здравствуйте. Извините, могу я поговорить с Болкуновым?

– А кто его спрашивает?

– Извините, забыл представиться. Сергей Сергеевич меня звать, я друг Болкунова ещё со школьной скамьи.

– Ваш друг уже две недели как в командировке. В Соединённых Штатах Америки, по приглашению с их стороны. Вернётся не скоро. Вы через месяц позвоните, хорошо?

– Хорошо, – сказал папа и отключил телефон.

– Что «хорошо»? – спросила мама. – Нашлась Маша?

– Да нет, это я с редакцией говорил.

– А почему с редакцией? У тебя что, нет номера мобильного телефона самого Болкунова?

– Да номер-то есть, не в этом дело. Самому-то Болкунову как раз звонить было нельзя, я ведь именно его подозревал. Я же улики хотел нащупать.

– И что?

– А ничего. Не он это. У него чистое алиби, как говорят в детективных сериалах. Так что он не виноват. А вот ты виновата: меньше надо было ребёнка разными бананами баловать.

– А тебе не мешало бы побольше зарабатывать. Ребёнку бананов купить не на что! Мужик называется..

– Так ведь это... мы же не в Америке живём! Ты что, забыла, сколько в нашей фирме платят инженерам?

– Ладно, инженер. Ты мне вот что скажи: если по компьютеру приходит письмо...

– Ну сколько раз тебе повторяют, что так говорить нельзя! Неграмотно это! «По компьютеру» письма не приходят!

– Ну хорошо, по интернету.

– Да не по интернету, а через интернет, пора бы и запомнить уже.

– Не придирайся. Пускай через интернет. Так вот скажи: если письмо пришло по компьютеру через интернет – можно узнать, откуда оно послано?

И папа второй раз за день закричал:

– Эврика! Как же я сразу не подумал!

И папа уткнулся в компьютер.

Потом откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Что? – спросила мама.

– С ума можно сойти, – сказал папа.

– Да не томи, говори! Узнал что-нибудь?

– Узнать-то узнал, да что толку... Видишь ли, какая штука получается... Машка-то наша и впрямь из самой Африки пишет... Ума не приложу, как она туда попала... Это же далеко... Туда же только самолётом можно... И билет больших денег стоит...

Мама тихонько охнула и прижала ладони к щекам.

Глава седьмая

Балконный предъявляет ультиматум

Отправив папе и маме письмо по электронной почте, Маша беззвучно заплакала. Беззвучно, потому что обезьяны громко плакать не умеют... Нет, она нисколько не сомневалась, что её письму папа поверит, потому что оно было отправлено по очень смешному электронному адресу, который Маша придумала вместе с папой и который знали всего два человека в целом мире: Маша и папа. И Маша очень живо представила сначала, как папа читает её послание и радуется.

Но почти сразу же Маша поняла, что не всё так просто и что радоваться пока рано. Ну хорошо, папа письмо прочитает и обрадуется.

А дальше что?

А далее папе надо было бы лететь в Африку!

А Африка большая!

Африка больше всей Саратовской области! И даже больше всей России! Но самое главное – папу могли в Африку и не отпустить! У него постоянно было много работы, и он иногда делал её по ночам дома на своём компьютере...

Да даже если и отпустят папу со службы, как очень хорошего работника, то ведь ненадолго... И, во-вторых, как он найдёт Машу? В посёлок геологов самолёты не летают. До ближайшего города – Маша это уже знала – от посёлка геологов было не меньше трёхсот километров... Почти такое же расстояние, как от Саратова до Волгограда, где жила бабушка Маши. Но в тот город, как и в посёлок, самолёты не летали, потому что там не было аэропорта. А спросить, как называется ближайший город с аэропортом и где он находится, было не у кого: Чика этого не знала, а геологи обезьяний язык не понимали. Конечно, можно было спросить Мишу, пользуясь бумагой и томатной пастой, но ведь Миша мог и обмануть, потому что он всё время дразнился – обзывал Машу то обезьяной, то макакой... Несмотря на то, что Маша теперь и в самом деле была обезьяной, она никак не могла привыкнуть к тому, что к ней обращаются как к обезьянке, а не как к человеку.

Да и не поверил бы ей Миша. Он же вообще ни одному её слову не верил, и Маша это видела...

Она тихонько проплакала полчаса и заснула.

И сразу же во сне увидела Балконного. Он стоял возле тюфячка, на котором она спала, и глядел на неё.

И он сказал:

– Ты должна проснуться и залезть на самую высокую пальму, если хочешь вернуться домой. Но тогда я предъявлю тебе очень страшный ультиматум. Просыпайся!

И Маша проснулась.

Никакого Балконного рядом не было. Вокруг была чёрная африканская ночь.

«Глупости какие-то, – подумала Маша. – Надо же, Балконный приснился. Да ещё и напугать хотел каким-то страшным ультиматумом... Ну, попадётся он мне когда-нибудь – ох и отшлёпаю я его! Чтобы не пугал маленьких во сне!»

И Маша снова заснула.

И почти сразу же ей снова приснился Балконный. И снова стал пугать её своим страшным ультиматумом. И тогда Маша его спросила:

– А твой ультиматум страшнее таракана?

Сказала – и только потом поняла, что она снова умеет говорить. И очень этому обрадовалась:

– Ой! Я, кажется, снова умею говорить по-человечески, да? Спасибо, Балкоша!

– Не радуйся, – ответил Балконный. – По-человечьи ты можешь говорить только во сне. А ты пока что ещё спишь. И если ты снова хочешь научиться разговаривать, то должна меня выслушать и сделать всё так, как я скажу. И если ты всё сделаешь правильно, то снова превратишься в девочку и попадёшь домой к маме и папе. Но только тогда я должен буду предъявить тебе страшный ультиматум. Ты меня спросила про тараканов. Так вот, тараканы по сравнению с ультиматумом совсем не страшные. По сравнению с моим ультиматумом они самые приятные и самые красивые существа на свете. И учти: в третий раз я тебе уже не приснюсь. Поэтому слушай внимательно

и запоминай. Ты должна выйти на улицу, отыскать высокую пальму, на которой ты оказалась, когда захотела бананов, и влезть на её верхушку. Я буду ждать тебя там. А теперь просыпайся.

При этих словах Балконный исчез, а Маша второй раз за эту ночь проснулась.

Она уселась на своём тюфячке и стала думать.

«Странный какой-то сон, – перво-наперво подумала она. – Два раза – почти один и тот же. Может, и вправду на пальму залезть? Вдруг Балконный и в самом деле там? Вдруг он и в самом деле меня домой отправит?»

Но о пальме только подумать было легко. На самом деле всё было не так-то просто...

Легко сказать – залезь на пальму!

А как?

Нет, днём, конечно, Маша легко бы отыскала эту пальму и в несколько секунд на неё бы взобралась. Но то – днём... Ночью даже на крыльцо выходить было страшно. А ведь Балконный ещё каким-то страшным ультиматумом пугал... Что такое «ультиматум», Маша не знала, и от этого само слово «ультиматум» казалось ещё страшнее. Но желание снова превратиться в девочку и оказаться дома было сильнее страха. И Маша тихонько вышла на крыльцо и отправилась искать ту самую пальму.

Неожиданно для себя пальму она отыскала быстро – благодаря чутью, которое у обезьян развито лучше, чем у людей. Это ведь только для людей все пальмы пахнут одинаково, а на самом деле всё совсем не так!

В считанные секунды Маша взобралась на вершину.

На пальме её уже ждал Балконный.

– Привет, – сказал он.

Маша хотела было ответить, но не получилось: теперь всё происходило не во сне, и поэтому говорить Маша не умела. Пришлось воспользоваться обезьяньим языком жестов, ужимок и вскриков:

«Привет. Ты чиво так долго ни приходил?»

– Ты не звала. А я прихожу только тогда, когда меня зовут или очень хотят видеть, поняла?

«Ни поняла! Я же тебя сто раз звала!»

– Плохо звала. Во-первых, ты думала только о бананах. Во-вторых, ты больше всего на свете хотела быть великой артисткой, и только потом хотела видеть меня и попасть к маме и папе. И вообще ты меня даже и не звала.

«Звала! Тыщу раз звала!»

– Ты звала меня с ошибками. А с ошибками не считается.

«Какими ашыбками?»

– Ты вызывала «Балконава». А я не «Балконый», а Балконный. С двумя «н». Тебе что, лишний раз хвостиком махнуть было лень, чтобы две буквы «н» получилось? Я бы сразу пришёл.

«Прасти, я ни знала».

– Теперь знаешь. Правда, тебе это знание больше не понадобится.

«Пачиму?»

– Ты ведь домой хочешь?

«Да».

– Но когда ты попадёшь домой и снова превратишься в девочку, ты сможешь разговаривать, как все люди – и зачем тебе тогда обезьяний язык? Говоришь-то ты по-русски без ошибок, ты только пишешь с ошибками. А на обезьяньем языке без ошибок могут говорить только те, которые и пишут без ошибок, поняла?

«Да».

– Я могу прямо сейчас отправить тебя домой, но в таком случае сначала должен предъявить тебе страшный ультиматум.

«Какой ультиматум?»

– Не «ультиматум», а ультиматум. Ты в этом слове неправильно скорчила рожу. И ещё спасибо скажи, что я в темноте отлично вижу... Так вот: ультиматум – это такое требование, которое нарушать нельзя. Ты вернёшься домой. Ты снова увидишь маму и папу. Ты снова станешь девочкой. Но ты больше никогда-никогда не увидишь меня. Не увидишь, даже если обрвёшься. Это и есть мой ультиматум. Ты ведь домой хочешь?

– Да! – вырвалось вдруг у Маши человеческое слово. – Ой! Значит, я теперь не только во сне умею разговаривать по-человечески?

– Да, – сказал Балконный. – Потому что ты приняла мой ультиматум.

– Но я так не хочу! Я хочу, чтобы ты приходил хотя бы иногда!

– Не получится, – ответил Балконный. – Я прихожу только к тем, кто этого очень хочет, и к тем, кому это очень надо. Но только не после ультиматума.

– А без ультиматума нельзя?

– Нельзя. Тогда ты бы навсегда осталась обезьянкой, и тебе было бы ещё хуже.

– Но ведь когда ты пришёл ко мне в первый раз, я же тебя не звала? Я даже не знала, что ты вообще есть! Но ведь ты же тогда пришёл?

– Тебе в тот день было очень плохо. Мама оставила тебя одну в квартире, закрыла на ключ и ушла. И тебе захотелось, чтобы хоть кто-нибудь пришёл. А когда зовут хоть кого-нибудь, то прихожу я. Поэтому я и пришёл. Потом ты захотела бананов и оказалась в Африке, но всё время звала меня с ошибками. Я бы пришёл, если бы ты очень-очень сильно обо мне подумала, но ты в первую очередь думала о другом – то о бананах, то о славе великой артистки.

– Тогда почему ты пришёл сегодня?

– Ты заплакала. И думала о маме, папе и обо мне. Только об этом. И больше ни о чём. И, конечно же, думала без ошибок. Люди часто думают без ошибок, даже если пишут с ошибками. Теперь поняла?

– Кажется, поняла... Но... Ты бы мог напоследок выполнить одну мою просьбу?

– Смотря какую. Может, да, а может, и нет. Что за просьба?

– Ты мог бы сделать так, чтобы, когда я оказалась девочкой, то помнила бы обезьянский язык?

– Запомни: надо говорить не «обезьянский», а «обезьяний». Запомнила?

– Запомнила.

– И зачем тебе это надо?

– На всякий случай. Вдруг Чику встречу когда-нибудь...

– Ну, с Чикой ты вообще-то на русском языке говорила. Так уж я устроил. Русский язык с элементами жестов из языка глухонемых...

– Это как?

– Сейчас ты всё равно ничего не поймёшь. Вырастешь большая, начнёшь заниматься лингвистикой – наука такая есть – и закажешь сон, чтобы я тебе приснился.

– Ладно... Но я бы хотела по-прежнему помнить язык, на котором общалась с Чикой. Да, и почему я Чику больше не видела?

– Чику я отправил в её стаю, потому что Чикина мама очень меня об этом просила. Что касается знания языка, на котором Чика с тобой говорила... Эту просьбу я выполнить смогу. Ещё просьбы или вопросы есть? Ты не спеши, подумай. Учти, что больше ты меня никогда не увидишь.

– Хорошо, я подумаю.

Она думала долго, и по её волосатым щекам текли слёзы. Теперь она понимала, что такое «страшный ультиматум». Страшнее и придумать было нельзя.

Наконец она собралась с мыслями, перестала на время плакать и спросила:

– Скажи... Вот попаду я в Саратов. Что я скажу маме и папе? Что я скажу в школе? Я могу им рассказать про тебя?

– Про меня тебе рассказывать нельзя. Тебя же сразу отправят в больницу, где лечат людей, потерявших ум.

– Это в психушку, что ли?

– Да, некоторые люди называют эту больницу так. Хотя правильное её название – «Психиатрическая больница». Или лечебница, не помню. А насчёт школы, мамы и папы – не беспокойся. Все забудут, что ты исчезала на целую неделю. Никто и не вспомнит. Главное, ты сама не болтай, если не хочешь, чтобы тебя увезли в больницу. Поняла?

– Поняла, – ответила Маша, глотая слёзы. Она снова плакала.

– Тогда приготовься. Сейчас ты окажешься дома.

– Прямо сейчас? Ночью?

– Это здесь ночь. А в Саратове скоро наступит утро. Ты окажешься в своей комнате, в своей кровати. Страшно не будет. И учти: мне тоже будет тебя не хватать. И не плачь, пожалуйста. А то и я заплачу. А Балконным плакать нельзя. Они от этого болеют.

– Хорошо, не буду, – сказала Маша и заплакала ещё сильнее.

– Скажи, когда будешь готова.

– Я готова.

– Ну... Тогда прощай!

И Балконный отвернулся. И вполголоса проговорил заклинание:

– Тяп-ляп. Бряк-бряк. Шмяк-шмяк. Шлёп-шлёп. Топ-топ!

...Маша посмотрела на свои руки – и чуть сознание не потеряла: это были не руки! Это по-прежнему были обезьяньи лапки! Она ощу-

пала свою голову – это по-прежнему была голова обезьянки! Неужели Балконный обманул?

И тут прямо из воздуха перед ней возник Балконный:

– Запомни, Маша: Балконные никогда не обманывают. Ты уже дома и с тобой всё в порядке. Просто ты пока спишь и видишь сон. Но сейчас ты проснёшься. Просыпайся!

И Балконный исчез.

Маша проснулась.

Она снова была девочкой и лежала в своей кроватке. За окном рассветало. В её комнате всё было по-прежнему.

Маша встала и подошла к отрывному календарю, висевшему на стене, чтобы посмотреть, какое сегодня число... И поняла, что не была дома целую неделю.

– О, приветик! Ты уже проснулась? А я как раз тебя будить шла! – весело сказала вошедшая в комнату мама.

Маша бросилась к маме:

– Ой, мамочка, как я соскучилась!

– Да что с тобой, Маша? Мы же с тобой только вчера вечером виделись! И почему ты такая зарёванная? Сон плохой увидела, да?

– Нет... Сон как раз был хороший.

– Тогда в чём дело? Может, врача вызвать?

– Не надо врача, мамочка!

– Хорошо-хорошо, не надо – так не надо. И всё-таки вид у тебя зарёванный. Если хочешь, можешь сегодня в школу не ходить, я твоей учительнице сама всё объясню, ладно?

– Не надо, мама! Я хочу в школу! Я так по ней соскучилась!

– Ну, Машка, тебя не поймёшь. Вчера ты говорила, что никогда больше не пойдёшь в эту противную школу, сегодня говоришь совсем другое. Чему же верить?

– Верить надо совсем другому, мамочка, – сказала Маша и улыбнулась.

– Ладно. Ты иди умойся, а я тебе завтрак приготовлю. Я тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю! – сказала Маша.

Но мама этого не услышала, так как Маша из озорства произнесла эту фразу на обезьяньем языке. Конечно, произнесла с ошибками, примерно так: «Я тое тебя люблю», так как для буквы «ж» требовалось махнуть влево и вверх хвостиком, а хвостика у Маши теперь не было. Конечно, обезьянка Чика Машу сумела бы понять, но мама этого языка не понимала...

И мама сказала:

– А вот пищать и строить рожицы не надо. Ты же не мартышка!

Маша только улыбнулась и кивнула.

**Глава восьмая,
Которую можно не читать,
потому что в ней вообще ничего не происходит,
а сказка всё равно закончилась**

Ну вот.

Так я и знал.

Стоило только мне написать, что эту главу можно не читать, как ты, читатель, вцепился в эту главу. И вот что я тебе скажу: отцепись. Тебе же русским языком сказано было: сказка закончилась.

Ты ещё не отцепился?

Тогда жду.

Считаю до трёх.

Раз.

Два.

Два с половиной.

Два с тремя четвертями.

Два с маленькой кучкой.

Два с большой кучей.

ДВА С ОГРОМНОЙ КУЧЕЙ!

Ну ладно. Ты победил. Три. Можешь читать, так и быть.

Да, чуть не забыл тебя спросить: ты про какую кучу подумал, когда я считал до трёх? Можешь не отвечать, потому что ты всё равно не угадал, о какой куче говорил я.

Потому что я имел в виду кучу конфет.

Наверное, это плохо, когда взрослые люди так любят конфеты, но тут я ничего с собой поделатать не могу. Конфеты я люблю всякие и могу их съесть много. Если бы у меня были деньги на машину и я пошёл покупать машину, я не уверен, что я бы её купил. Скорее всего, я купил бы целый магазин конфет...

Хотя, если честно, в мире конфет не всё гладко. И есть даже несправедливость. Простой пример: есть конфеты «Мишка на севере», а конфет «Мишка на юге» нет, хотя и на юге тоже живут мишки, и они очень красивые. Их зовут пандами. А ещё бамбуковыми медведями.

Фу, чуть не забыл!

Ну никак нельзя мне на конфеты отвлекаться! Я же не о конфетах собирался писать в этой главе! Увлёкся, что называется... Но, с другой стороны, должен же был я дать разъяснения насчёт большой кучи?

Ладно.

Давай о деле.

Ответь мне, читатель, на такой вопрос: ты сам когда-нибудь пробовал сочинять сказки?

Думаю, не ошибусь, если скажу: большинство ответит «нет», меньшинство скромно промолчит, и только очень немногие скажут: «Да, пробовал и даже немножко сочинил, только они не напечатаны». А уже совсем-совсем немногие ответят примерно так: «Да, несколь-

ко сказок уже написал (написала), и две (одна) из них напечатаны (напечатана)». В том, что и такие среди читателей найдутся, я уверен, и можешь со мной не спорить, потому что всё равно проспоришь. Чуть позже ты поймёшь, почему я так в этом уверен.

А теперь слушай самое интересное. А самое интересное заключается в том, что я и сам когда-то совсем не сочинял сказок. И вообще сказки сочинять трудно. Думаю даже, что намного труднее, чем сочинять взрослые книги для взрослых людей. На земле для взрослых пишут миллионы писателей. Только в российском секторе интернета на начало XXI века насчитывалось почти пятьдесят миллионов авторов (50 000 000)! Конечно, далеко не все из них – настоящие писатели... Но вот возьмём, например, Норвегию: совершенно точно могу тебе сказать, что там на каждые восемнадцать человек населения, включая грудных младенцев и столетних стариков, приходится один вполне настоящий писатель. И почти все эти писатели пишут для взрослых. Почти все.

А для детей – не могут! Для детей пишут очень немногие! Потому что взрослые, когда вырастают, обычно плохо помнят о том времени, когда они были маленькими. А чтобы писать для детей, мало быть писателем – надо ещё очень хорошо помнить, каким ты был в раннем детстве. Некоторым это удаётся. Например, Андерсену или Сельме Лагерлёф. Если настоящий сказочник – а Лагерлёф относится именно к настоящим сказочникам – пишет сказку про Нильса и диких гусей, то она сама мысленно должна превратиться в Нильса, вести себя как Нильс, думать как Нильс, разговаривать как Нильс. Иначе дети ей не поверят. А детей обмануть в этом случае невозможно. В сказке можно напридумывать любые чудеса, но если маленький мальчик Нильс не будет похож на маленького мальчика – всё, сказке никто не поверит... А Лагерлёф – верят.

Теперь скажи мне вот о чём. Ты когда читал историю про Машу и бананы, то хотя бы иногда мысленно представлял себя на её месте? Сочувствовал ей? Ждал, чем всё это закончится? Если – да, то, значит, сказка у меня получилась. Я всё же надеюсь, что ещё не забыл детство. А если бы даже и забыл, то мне бы всё равно напомнили, потому что я работаю в школе с самыми разными детьми – и большими, и не очень большими, и совсем маленькими.

А ещё я много лет веду в школе литературный кружок, который объединяет юных авторов. И у многих ребят за эти годы были даже литературные публикации... Теперь понял, почему я тебе советовал не спорить со мной?

Кружковцы мои в основном пытаются сочинять сказки.

Но сказки получают не всегда.

Не каждый день.

И даже не каждый год.

Не получают, и всё!

И тогда мне приходится самому сочинять сказку и потом читать её кружковцам. Некоторые из моих сказок потом оказывались напечатанными, но главное не это. Главное то, что я эти сказки написал. Потому что нельзя давать задание детям сочинять сказки, если

ты сам ни одной сказки не сочинил. Так вот и живём: если у них не получается, то пишу сказки я, а если получается у них – времени на мои сказки у меня не остаётся. Одному надо указать на ошибки стиля, другому помочь с разработкой сюжета – словом, очень много наваливается рутинной редакторской работы.

Теперь о тебе, читатель.

Хочешь попытаться попробовать продолжить мою сказку?

Тогда ты должен запомнить Самый Главный Закон сказок: добро всегда должно побеждать. Это в жизни так не всегда бывает, а в сказках только так и может быть. Конечно, во многих правилах бывают исключения, и даже в Самом Главном Законе исключения есть. Например, сказка «Колобок» – там главного героя в конце сказки Лиса съела... Но ведь не зря же говорят: исключение из правила лишь подтверждает само правило.

Есть и другой закон: я его называю Законом Хороших и Плохих Героев. Если герой хороший – то он только хороший. У хорошего героя нет ни одной плохой черты характера. А если он плохой – то уж такой плохой, что хуже некуда... В жизни, конечно, так не бывает. В жизни даже у самого плохого человека можно отыскать хоть одну крупинку хорошего, а у самого хорошего-расхорошего найдётся что-нибудь такое, что хорошим никак не назовёшь. А в сказке, повторяю, хороший герой всегда хороший, а плохой – всегда плохой. Правда, и в этом законе бывают иногда исключения, хотя и очень небольшие. Маша, если разобраться не всегда ведёт себя хорошо, но здесь без этого исключения обойтись было нельзя, потому что Маша – живой человек, хоть и маленький...

Есть и третий закон – Закон Умелого Обманывания. В сказке можно напридумывать всё что угодно, но делать это нужно так, чтобы тебе поверили. Если твоему герою пять лет, то он и должен вести себя так, как пятилетний, а если десять, то – как десятилетний. Герой по имени Балконный может перепрыгивать через девятиэтажный дом и с успехом бороться против двух здоровенных мужчин, хотя сам – ростом с котёнка. Но если действие твоей сказки перемещается в Африку и ты пишешь, что местные жители разговаривают на языке суахили, – то тут всё должно быть правдой. То есть ты просто обязан заглянуть в справочники и убедиться, что такой язык есть и что на нём говорят в нескольких странах Африки. А заодно тебе неплохо бы и самим языком суахили поинтересоваться и хотя бы с десятков слов на нём выучить. Иными словами, ты можешь фантазировать по-крупному, но в мелочах и второстепенных деталях ты должен быть абсолютно точным и правдивым.

Четвёртый закон, думаю, многим не очень понравится но тут уж ничего не поделаешь. Он очень труден для выполнения. А формулируется он так: Знай Язык, на Котором Пишешь. Пиши без ошибок. Ты согласен с тем, что если человек не знает нот и не имеет слуха, то он не сумеет сыграть ни на скрипке, ни на пианино, ни на саксофоне – ни на чём? А для писателя знание языка – это даже больше, чем знание нот для музыканта.

Ладно, скажешь ты. Допустим, все эти законы будут соблюдены. Каким образом можно продолжить эту сказку про Машу, если сказка уже написана? О чём тут ещё говорить-то?

И вот тут-то я тебе торжественно заявляю: здесь много о чём можно говорить. И есть что продолжать. В этой сказке я специально оставил своеобразные зацепки, как я их называю.

Например?

Например, зацепка первая: вирус, который сообщил маме, что её дочь стала обезьянкой, живёт в Африке, ест бананы и «дрессируется». Ты, наверное, решил, что это Балконный написал? А с чего, интересно, ты так решил? У меня, между прочим, нигде не сказано, что это был Балконный. Тогда кто? А вот не скажу. Сам думай. Я-то точно знаю, что это был не Балконный, а Компьютерный! Ой, кажется, проболтался... Ну и пусть. Оставляю эту строчку. Не так уж и много я выболтал.

Вторая зацепка связана с Мишей. И здесь несколько вариантов дальнейшего развития сюжетной линии этого персонажа. Скажем, такой вариант: Миша уговаривает начальство разрешить ему прервать контракт и уехать домой, в Саратов. И у него это получится. Почему? Да потому, что я такой вариант уже предусмотрел. Помнишь, когда Миша разговаривал с королём Мбваной, один геолог переводил разговор на русский язык для остальных геологов? Думаешь, я это случайно написал? Э, дорогой, в сказках вообще ничего случайного не бывает. Так что Мишу с работы могут и отпустить. А вот что Миша в Саратове будет делать – тут тоже много вариантов. Например, Машу искать. Он знает, что она живёт на улице Чапаева. Обезьяну в паспортном столе ему искать не будут. И придётся ему на улице Чапаева заходить в каждый дом, звонить в каждую дверь и задавать примерно такой вопрос: «Здравствуйте, меня зовут Миша, я разыскиваю обезьяну, которая пишет по-русски с грубыми ошибками, у вас в квартире такая живёт?» Представляешь, как ему будут отвечать? Или такой вариант: Миша привозит с собой Чикку и устраивается на работу в цирк. У него, конечно, кое-что получается, но он сильно тоскует о гениальной обезьянке Мусе, до которой Чике очень далеко. И однажды на его выступление в цирке придёт Маша, которая узнает и Мишу, и Чикку и начнёт разговаривать с Чикой – эта зацепка тоже заложена в первой части! Помнишь, как Маша просила Балконного сохранить в её памяти знание обезьяньего языка? Это ведь тоже неспроста было написано!

А ещё у Маши в Волгограде есть бабушка – помнишь? Это ведь тоже зацепка, да ещё какая!

А Балконный? Нет, в сказке он больше не появится, потому что условия ультиматума нельзя нарушать даже в сказке. И он больше никогда не появится, это я тебе точно говорю, и Маша с ним больше никогда не встретится. Но зато он сможет ей сниться! Сколько угодно! Да хоть каждую ночь! Потому что на сны этот ультиматум не распространяется, я же это предусмотрел!

Есть ещё несколько десятков зацепок, но тебе и этих хватит.

Я уже знаю, какой будет вторая большая сказка про Машу. Но пока писать её не буду. Тебя подожду. А вдруг да и получится у тебя хотя бы полглавы?

Между прочим, эту первую большую сказку я мог бы написать за месяц, а писал её много лет (почти двадцать!). Сначала я написал сказку «Бесплатные бананы», она была опубликована, и я предложил кружковцам её продолжить. Я уже знал, что будет дальше, но школьники просили дать им время подумать...

Я ждал изо всех сил, но через пять лет не выдержал – написал ещё четыре главы. Просто наступил момент, когда не писать я уже не мог. И это – пятый, самый жестокий закон сказки: Если Можешь Не Писать – Не Пиши. Пиши только тогда, когда не писать уже не сможешь.

Но самую главную новость для тебя я приберёг напоследок. Десять лет назад у одной девочки кое-что всё же получилось. Она принесла свой вариант второй главы, и мне этот вариант понравился. Я вовсе не собирался вводить в сказку вторую обезьянку, но пришлось... Конечно, в том виде, в котором эта вторая глава была написана, она совершенно не годилась: были провалы в сюжете, были ошибки, связанные с плохим знанием жизни, неважно были прописаны некоторые детали... Пришлось мне сильно исправлять написанную ей главу. Глава стала раза в три длинней, пришлось ввести много дополнительных действий и событий, а кое-что пришлось вычеркнуть... Но при этом я совершенно ответственно должен тебе заявить: в своём окончательном варианте вторая глава на одну десятую часть всё же принадлежит этой девочке, и она смело может считать себя соавтором этой второй главы. Имя этой девочки – Саша, фамилия – Борисенко. Тогда она училась в седьмом классе. Правда, на этом её соавторство со мной закончилось – больше у неё ничего не получилось, хотя она и пыталась.

И всё же!

Пусть всего лишь очень маленькая часть всего одной главы – но написана она вместе с ней! И я ещё раз напишу её имя и фамилию, но только большими буквами: САША БОРИСЕНКО.

Так что думай.

А вдруг у тебя получится?

Только учти: слишком долго ждать я не смогу. И тогда напишу вторую часть сказки один.

Хотя почему один? Да я могу хоть сто частей написать, и всё равно буду уже не один. Потому что нас уже двое: я и Саша Борисенко.

Пока-пока!

«Балконный».
Художник
Наталья Шиндина

Михаил
МУЛЛИН

О НЕОБЫЧНЫХ ИМЕНАХ

ДЕВОЧКА ОЙКА

- Домой шла с огромною двойкой
Девчонка по имени Ойка.
Сомнения выразил Филя:
– Но, может быть, вы пошутили?
Несла эту самую двойку,
Наверное, всё-таки Зойка?
– Не Зойка, не Катя, не Валя –
Все девочку Ойкою звали!
За то, что она говорила:
– Ой, плохо мне!
– Ой, я забыла!
– Ой, ручка в пенале сломалась!
– Ой, я комара испугалась!
– Ой, вдруг покусает нас пудель!
– Ой, мамочка, что теперь будет!

ОВСЯНКА

Язык наш русский – непростой.
Ну как не подивиться:
Овсянка может быть крупой,
А может быть и птицей!
Не зная даже о крупе,
Как и о хлебе белом,
Живёт Овсянка в тростнике,
А каши... и не ела!

САХАРНАЯ ПТИЦА

Есть на свете Сахарные птицы.
В чай бросать их всё же не годится,
Я сказал бы даже, преступленьё,
Так как эти птицы – загляденье!
Да и «сахар» в них – не настоящий,
Так что с ними чай не станет слаще!
Пусть они живут на свете далее,
Украшая пением Австралию!

КАМЫШОВКА

Широк её певческий дар, потому что
Прекрасно поёт Камышовка всякая!
Но если попросит соседка – Лягушка,
Она – для её удовольствия – квакает!

МАНГО, КОТОРЫЕ УМЕЮТ ПОРХАТЬ

Если манго есть ты любишь,
Знай: **другие** Манго есть –
Ни за что на свете люди
Их ни с чем не станут есть!
Верю, ни за что на свете
Их не стал бы есть и ты:
Ведь не фрукты Манго эти –
Птички дивной красоты!

ПОЮЩИЙ ЯСТРЕБ

– В африканской дикой чаще
Есть, представь, Поющий Ястреб!

– Это может лишь присниться,
Ястреб – это ж не Синица!
Этот хитрый умный хищник
Славы певческой не ищет!

– Что сказать тебе в ответ?..
Отчего б ему не петь,
Раз живёт он в Африке
И уже позавтракал?

ОСТОРОЖНАЯ АВДОТКА

– Неказиста птица, но
Кем-то ей решительно
Имя женское дано,
Хоть и уменьшительное.
– Да, уважили сполна!
Как же звать её?
– А вот как:
Не Авдотья, а Авдотка,
Словно девочка она!
Ей легко себя сберечь,
Даже и при ярком свете:
Стоит ей на землю лечь,
Взгляд её и не заметит!
Ну, а чтоб вернее выжить,
Зоркая и быстрая,
Не подпустит тебя ближе
Расстоянья выстрела!

КОЗА И КОЗЯВКА

В магазине одном у прилавка
Повстречались Коза и Козявка.

Повстречались не случайно –
В этот час, вам скажет всякий,
Там Коза с Козявкой к чаю
Покупали козинаки.

НЕСЪЕДОБНЫЕ КИВИ, КОТОРЫЕ САМИ... ЕДЯТ

Если есть ты любишь киви,
То поверишь мне навряд
В то, что есть такие Киви,
Что почти всю ночь... едят.
В темноте довольно зорки,
Чтобы лакомства искать,
А весь день проводят в... норке,
Обожая днём поспать.
Нам учёные открыли,
Что секрет их очень мил:
Ведь зовут их всех – Бескрылы,
Птицы-курицы без крыл!

ПИТПИТ И ПИТБУЛЬ

При выходе каждом из дома
Никем не должно быть забыто,
Как важно ребёнку любому
Не путать *Питбуля* с *Питпитом*.
Зовут их похоже, но знайте,
В них много различий, однако:
Питпит – это птица с Ямайки,
Питбуль же – обычно – собака!

ХОРОШАЯ НУЖДА

Кому мила, кому нужна,
Пусть и не горькая, нужда?
Но... Цапля Серебристая –
Красавица поистине!
Стройна, бела, прекрасна видом,
Ногам – модели позавидуют!
Какой шутник, за что, когда
Придумал имя ей – «Нужда»?!
Присвоит каждый ей охотно
Почётный титул «Мисс Болота»!
И ты запомни навсегда,
Что есть прекрасная Нужда!

ЗАВИРУШКА

Хотя превосходно живёт,
В обиде на нас, потому что
Её мы зовём **Завирушка**,
А ведь эта птица **не врёт!**

ЛЕТАЮЩИЕ... НОСОРОГИ

Над Африкой, представь, не хуже многих
Летают в небе стаей Носороги!
Они, шумя, летят на нежный кустик:
Им ягоды – любимая закуска.
На куст всей стаей не боятся сесть
И насекомых обожают есть...

А если ты мне скажешь: «Носорог
Один – и тот на куст бы сесть не смог!»
И что «...такой у Носорогов вес,
Что насекомых им нелепо есть»,
То я скажу тебе: «Любезный друг,
Отправься-ка на Африканский юг,
И в лес зайди, и подожди немного –
И ты увидишь **птицу-Носорога!**»

ПОДАГРОВЫЕ БЕЗ ПОДАГРЫ

Чтобы вам не ошибиться,
Сообщу-ка поскорее,
Что Подагровые птицы –
Все – подагрой не болеют!
Быть в Австралии случится,
Подтвердят вам многие:
Все Подагровые птицы
Просто Белоногие*!

* Белоноги – семейство птиц отряда козодоев.

Ирина
ДРУЖАЕВА

НЕВЕРОЯТНАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Вечерняя улица сверкала и переливалась разноцветными огнями праздничной иллюминации. У всех домов и магазинов вдоль неё стояли в горшках маленькие, украшенные мишурой ели. Даже двери преобразились в честь прекрасного праздника, хвастаясь нарядными еловыми венками, увитыми стеклянными бусами, шарами и колокольчиками. Всё это великолепие музыкально позвякивало, позванивало и шуршало.

Ощущение праздника усиливалось плывущими вдоль улицы ароматами хвои, мандаринов и ванили.

Шурша приостановилась на мгновение под окнами кондитерской, вдохнув заманчивые запахи. Она так любила этот праздник с его уличной суетой, морем яркого света, цвета и обилием вкусной еды, приготовленной для неё на любой мусорной куче...

Неужели, неужели всего пару часов назад она, Шурша, деловито носилась по этим улицам в радостном предвкушении праздника и ждала рождественского чуда?..

Шурша уныло брела вдоль зданий.

С раздутого живота порой срывались белые капельки молока. Молока, никому больше не нужного...

Они были такие милые, крохотные и беспомощные, её последние дети... Шурша понимала, что это скорее всего так. Она была стара. Уже несколько лет не было у неё малышей. Все её прежние дочери и сыновья разбрелись по огромному городу в поисках своей судьбы.

Для Шурши так важен был этот последний выводок. Она вложила в него всю оставшуюся в её стареющем теле нежность, всю силу материнской любви.

Впервые подвело её предчувствие опасности, беды неминуемой. Она так долго и тщательно выбирала место для обустройства «гнезда», уютной и тёплой норки для будущих деток... Изучив за долгую жизнь все улицы, дома и подвалы, она знала столько потаённых, уютных уголков и убе-

жищ, которыми не раз пользовалась прежде. Но для этого столь важного для неё события вдруг выбрала подвал нового дома. Она обустроила своё жилище среди тёплых труб за лёгкой перегородкой, устелив его мягкой ватой и цветными лоскутками, собранными со всей округи. Здесь и появились на свет малютки всего несколько дней назад. Пару дней Шурша не покидала их ни на минуту, вылизывая и кормя молоком.

Но запасы пищи для неё самой подошли к концу. Ей пришлось делать короткие вылазки до ближайшей мусорной кучи, чтоб наскоро перекусить – и быстрее в подвал, к детям.

Вот и сегодня утром голод выгнал Шуршу из гнезда. Она покопалась в ближайшем мусорном баке, найдя сырный отгрызок и картофельную шкурку, – и поспешила обратно. Что-то ныло внутри и торопило её назад.

То, что делало новое гнёздышко таким уютным и тёплым, его и погубило... Неожиданно прорвалась труба отопления и затопила подвал.

Вернувшись с улицы, Шурша застала печальную картину. Воду из подвала уже откачали, а ремонтируя трубу, разрушили ту часть перегородки, где было гнездо...

Ни гнезда, ни деток...

Сначала Шурша металась по подвалу, потом по куче мусора во дворе дома, куда сложили временно обрезки труб и остатки подмоченного подвального добра. После жаркого влажного подвала она совсем продрогла на лёгком морозце.

Шурша сделала всё, что могла. И смирилась с потерей. Но от горя исчезли желание жить, действовать, пропала недавняя радость. Исчезли даже ощущения: она вдруг перестала слышать звуки, видеть свет, ощущать запахи. Она просто сидела на стылой злополучной куче, убившей её любовь и надежду, и тихо замерзала. И погибла бы, без сомнения, останься она здесь ещё на час-другой.

Но люди не захотели оставлять мусор под окнами на Рождество. Заскрипела тачка, загремели лопаты. Инстинкт заставил полузамёрзшую крысу отползти в тёмный угол, наблюдая, как исчезает в брюхе тачки всё, что осталось от её дома...

Рядом кто-то зашуршал и чихнул:

– Ты бы ушла отсюда, Шурша! Замерзнешь. Я всё видел... Ничего не изменить... Смирись. У тебя полно схоронок, иди туда, отлежись. А хочешь, пойдём вместе к мусорной куче за поворотом – там полно вкусного, апч-хи! – проскрипел вечно простуженный крыс по имени Чихун.

Шурша не шевелилась и не отвечала. И Чихун, ещё раз чихнув и вздохнув, растворился в темноте.

«А он не злой, этот Чихун, – вяло подумала Шурша, – и впрямь, надо идти. Вот только – куда? Как куда! Конечно – туда, к заветному дальнему тёмному тупику на задворках!»

Чтобы стряхнуть с себя оцепенение, Шурше нужна была цель.

– Как я могла забыть? Я всегда прихожу туда именно в эту ночь. Именно оттуда, как из тёмного колодца, видней всего она, моя Звезда. Я всегда просила у неё чепуху. А сегодня попрошу чуда!

Шурша заставила себя подняться. Мокрый, разбухший от молока живот совсем застыл на холодной земле. И она пошла. Пошла, потому что у неё появилась цель – дойти до далёкого тупика, до заветной кучи. А там – будь что будет...

Шурша была осторожной, умной, выносливой, хитрой и смелой крысой. Её знали все сородичи в квартале. Многие завидовали её удачливости, некому шестому чувству, которое помогало ей избегать ловушек и опасностей. О её смелости, силе и острых зубах было известно и всем окрестным котам и кошкам. Даже они предпочитали не связываться с Шуршей, ограничиваясь лишь пустыми угрозами и оскорблениями типа «драной мыши», держась, однако, на расстоянии от «ненормальной» крысы.

Жизнь заставила её стать такой, чтобы выжить.

Просто Шурша отличалась от других. Как белой вороне в стае, ей пришлось пережить многое: неприятие, насмешки и агрессивность других крыс. Ведь шкурка у Шурши была... белой.

А ещё она помнила другую жизнь, своё счастливое сытое детство среди людей. Да, когда-то была Шурша домашней любимицей. Она помнила хозяина, который гладил и ласкал белоснежную малышку-крысу и баловал её лакомствами.

Шурша остановилась в тени крыльца, глядя на украшенную игрушками и гирляндами дверь дома. Она закрыла глаза, вспоминая первое в своей жизни Рождество. Воспоминания были такими же яркими, как праздничное убранство улицы.

Вот она, Шурша – весёлый белоснежный крысёнок, взбирается на плечо хозяина. От настольной лампы идёт приятное тепло, крысёнок забирается под седую бороду хозяина. Человек смеётся, вытаскивая Шуршу из бороды, и ставит её на стол. На столе – странно пахнущий оранжевый фрукт. Хозяин чистит мандарин и даёт Шурше дольку. Она надкусывает мякоть и пугается кислого вкуса, выпустив из лапки остаток дольки. Тогда хозяин даёт крысёнку кусочек сыра. Шурша нюхает его и аккуратно съедает, наслаждаясь любимым лакомством.

Вспомнились пахнущая хвоей ёлка посреди комнаты и полная разноцветных игрушек коробка возле неё. Шурша забирается в коробку, берёт в лапки золочёную шишку, разглядывает её с восхищением и подаёт хозяину.

А подарок, первый в жизни праздничный подарок! Разве можно такое забыть? Хозяин подаёт Шурше рождественское печенье – ярко-красное марципановое сердечко. Она любит им и прячет в своей клетке. Шурше так понравилось это блестящее сердечко, что она долго хранила печенье, не решаясь его съесть.

Тогда же, в Рождественский сочельник, она впервые увидела заветную Звезду. Сидя на плече хозяина, стоявшего у окна, Шурша смотрела в тёмное небо с россыпью звёзд и сердцем нашла среди них ту, особенную и волшебную, к которой будет приходиться на свидание каждое Рождество.

Шурша вздохнула, пошевелила носом и открыла глаза. Она совсем замёрзла, пока сидела неподвижно, охваченная воспоминаниями.

Крыса вновь посмотрела на украшенную гирляндами дверь:

– Куда я иду? Зачем?

Она вновь закрыла глаза:

– Почему я думаю о детстве? Это лучшее, что было в моей жизни. И такое короткое...

Шурша вспомнила, с чего начались её беды: любимый хозяин заболел. Клетка с крысёнком стояла рядом с кроватью. Дверца всегда была открыта. Шурша забиралась на одеяло, хозяин гладил любимицу.

А потом в доме появилась женщина, от которой исходило ощущение опасности. Дверца клетки то и дело оказывалась закрытой. Шурша боялась грубых прикосновений этого человека, рук в жёстких перчатках и визга, когда ей, крысе, удавалось вырваться из заточения.

А потом хозяин исчез неизвестно куда...

И Шуршу просто выбросили на улицу.

Неприспособленным к уличной жизни крысёнком оказалась она в грязной холодной подворотне. И выжила, и научилась добывать пищу, спасаться от котов, давать отпор злым сородичам. Со временем шкурка её стала не белоснежной, а грязно-бурой. Она уже не так выделялась внешне. Зато завоевала уважение в своей среде умом и удивительным чутьём на неприятности, отвагой и умением скрываться и прятаться.

Шурша вздрогнула, открыла глаза и сделала первый шаг:

– Да, это было. И я выжила! И сейчас сделаю то, что задумала: встречусь со своей Звездой там, куда прихожу каждый год.

Шурша тенью скользила вдоль стен, прячась за любые предметы, забираясь в щели и тёмные углы. Каждая перебежка давалась ей сейчас с трудом – горе лишило её сил. На какой-то миг она потеряла ориентацию и вышла прямо на освещённый, полный людей тротуар.

Её привели в себя громкие крики:

– Крыса! Крыса!

Вокруг мелькали ноги людей. У Шурши закружилась голова...

Вдруг кто-то схватил её за шкурку и утащил в спасительную тень.

– Это ты, Ушан, – прошептала Шурша.

Ушан отдышался от бега и возмущённо зашипел:

– Что же ты делаешь! Я понимаю, у тебя горе. Чихун рассказал. Но нельзя показываться на глаза людям!

– Да, да! На всех беду накличешь! Устроят нам тут облаву, – заверещала подоспевшая крыса Шкурка.

– Ладно. Угмонитесь. Мне уже лучше.

Шурша продолжила путь, стараясь быть осторожной.

Как нарочно, на пути то и дело попадались знакомые сородичи.

Слух о Шуршином горе быстро разнёсся по всему кварталу.

– Привет, с праздничком!

Этот ехидный визгливый голос ни с чьим другим не спутаешь.

– Стареешь, Шурша! Ну, и где твоя хвалёная удача?

Крыса Мотя загородила Шурше дорогу, глядя на неё нагло и весело. Она ненавидела Шуршу за удачливость и уважение к ней сородичей и всегда завидовала ей.

В другое время Мотя никогда бы не решилась на разговор с Шуршей в подобном тоне – она откровенно её побаивалась. Но сегодня соперница слаба и несчастна.

Шурша обошла злыдню как неодушевлённый предмет. Она даже не вникала в смысл Мотиных слов. Ей было всё равно, что о ней сейчас думают и говорят. Не задевали ни чужая радость от её горя, ни чьё-то искреннее сочувствие.

Но шестое чувство и на этот раз сработало. Даже не отдавая себе отчёта, зачем, Шурша резко свернула с пути и нырнула в подвальное окно. Она слышала, как заверещала наверху Мотя.

«Молодая ещё. Успеет ли поумнеть при таком самомнении?» – вяло подумала Шурша, выбираясь из подвала.

Она успела увидеть уползающую в дыру забора раненую Мотю. А в стороне сидел, зализывая поцарапанную морду, уличный полосатосерый кот Тигран, грозя лапой вслед крысе.

Шурше было всё равно. Она выбралась из подвала и продолжила путь.

У неё была цель. И она шла к ней. Всё остальное не имело смысла.

Даже когда перед самым Шуршиным носом возник гроза всех окрестных мышей и крыс – длинноногий драный бродячий кот Пират, она продолжила свой путь, не обращая на него внимания.

Пират оторопел от такой наглости.

С Шуршей ему уже приходилось сталкиваться в бою. И на память об этом ему осталось разрезанное на три части острыми крысиными зубами ухо. С тех пор он предпочитал не связываться с отважной и ловкой Шуршей. Да и она обходила его стороной, не наглея.

А тут – идёт, как слепая, напролом.

Кот оглянулся на вечно заискивающих перед ним дружков – Черныш и Клочок вопросительно смотрели на жоака.

– Совсем у Шурши крыша съехала. Может, съела что-то не то, слопаешь такую – самому не поздоровится... – пробормотал Пират, чтоб как-то оправдать себя в глазах друзей.

Оглянувшись, он уже не увидел крысу – она растаяла в тёмных углах и закоулках.

Шурша брела вдоль уличных бордюров, вдоль стен, мимо знакомых подвальных окошек. Каждая перебежка давалась ей с трудом, но она шла как заведённая игрушка.

Несколько раз в забытыи она опять выходила на освещённые тротуары, пробираясь сквозь предпраздничную толпу людей.

Её приводили в чувство то крики и визг женщин, то улюлюканье и свист мальчишек. Выработанный годами навык мгновенно исчезать из вида вновь и вновь выручал её и сейчас.

Чем дальше она шла, тем темнее становилась улица, тем меньше людей заполняли тротуары.

Наконец, вот он – заветный узкий переулок-тупичок. В конце его – старая мусорная куча.

Сколько себя помнила Шурша, здесь всегда была эта маленькая свалка. Другие исчезали, появлялись новые, заменялись бачками.

А эта была всегда здесь. Ничем не заменялась и никуда не исчезала. И именно сюда приходила Шурша каждое Рождество на встречу со своей Звездой...

Обессиленная крыса, волоча раздувшееся от молока брюхо, с трудом взобралась на самую вершину кучи.

Вот и всё. Пришла...

Шурша уселась на задние лапы, сложив передние на животе, и подняла голову вверх.

Над тёмным проулком расстилалось необъятное чёрно-бархатное небо. Звёзды искрились и переливались на нём, словно рассыпанные бриллианты. И витрина ювелирной лавки, и праздничная иллюминация улиц, которыми любовалась прежде Шурша, были лишь жалкой мишурой, убогим подобием того великолепия, которое открылось ей отсюда.

«Неужели никто больше не видит этого чуда, этой удивительной красоты, величия и покоя? – подумала Шурша. – А вот и моя прекрасная Звезда. Здравствуй, моя тайна!»

Она всегда безошибочно отыскивала на ночном небе яркую мерцающую Звезду.

– Я пришла к тебе, как приходила всегда в этот день. Прости за то, что просила у тебя о разных глупостях. Но сегодня я молю тебя о чуде! Потеряв сегодня деток, я потеряла всё. Верни мне их. Говорят, что сегодня возможны чудеса. Я так жду чуда, я так молю о нём...

Шурша смотрела и смотрела в звёздное небо. А из глаз искристыми бусинками катились капли. Никогда прежде она не плакала и не знала, что такое слёзы.

Шурша не ведала, сколько времени она провела в неподвижности. Очнулась она от холода и голода.

«Как странно. Собиралась умирать, а тут есть захотела».

Она деловито оглядела верхушку кучи, ища что-нибудь съедобное. «Морозец невелик, не всё ещё замёрзло». Шурша вытащила из кучи тёмную картофельную кожурку и принялась медленно жевать её.

Цель достигнута. Она здесь. Вот и всё...

Апатия и тоска вновь сковали крысу неподвижностью. Она перестала жевать и, спустившись к краю кучи, прилегла на ворох сухих тряпок.

– Вот так усну и замёрзну, – в полудрёме прошептала Шурша.

И вдруг... вздрогнула и встрепенулась от странного звука.

«Показалось?» – подумала она, прислушиваясь.

Вот опять, уже чуть громче – слабый писк совсем рядом, в той самой куче тряпья, на которой она лежала.

В волнении Шурша принялась разгребать и разбрасывать вещи.

И... О, удивление – маленький, тёплый, пищущий комочек...

Старая, умудрённая жизнью крыса смотрела на него с жалостью и... со страхом.

– Кто же выбросил тебя на мороз в такой день? Какая жестокость...

Комок вновь запищал – и все Шуршины сомнения улетели прочь. Осталось лишь одно – материнское сострадание.

Шурша прикрыла малыша своим телом. А он тут же нашёл тугой сосок и зачмокал так громко и радостно, что Шурша совсем потеряла голову от счастья.

Она посмотрела на небо, на свою Звезду, словно спрашивая её: «Это и есть чудо?»

А Звезда вдруг замигала, словно подтверждая это.

– Ну что ж, пусть будет так. Придётся на старости лет удивить всю округу. Я ничего уже не боюсь. Зато ещё могу помочь этому малышу.

Принятое решение сделало её прежней Шуршей – умной, хитрой, смелой и сильной. Она поднялась, осторожно взяла найдёныша за шкурку и побежала с ним к ближайшему подходящему укрытию. Иногда она останавливалась, клала малыша себе на живот и аккуратно растирала его тельце своими лапками, чтоб не замёрз.

Шурша была уже почти у цели, когда на её пути попалась безобидная, но глупая крыса Нюха. Она остановилась, собираясь выразить Шурше соболезнование, но, увидев её ношу, так и осталась стоять, открыв пасть...

«Ну, теперь разнесёт на весь квартал! Вот не повезло!» – подумала Шурша, ныряя в дыру под крыльцом дома.

Вот и заветное местечко, одна из её схоронок. В уголке тёплого подвала старая коробка с кусками слежавшейся ваты.

– Ничего, малыш! Пока не очень уютно, но обустроимся. Тут полно всякого добра, сделаю тебе гнёздышко.

Шурша уложила детёныша в коробку и легла рядом. А малыш вновь нашёл источник пищи и зачмокал, перебирая маленькими лапками по Шуршину животу.

– Ну вот, просила чуда – получила. Ещё какое! Что будет дальше – знать не знаю и знать не хочу. Просто поверю своей Звезде. С праздником тебя, малыш, с Рождеством!

Измотанная, но счастливая, Шурша уснула, обняв крошечное, слепое ещё существо.

И приснился ей сон.

Идёт Шурша прямо по освещённому тротуару. Важно так идёт, вперевалочку. А рядом с ней шагает громадный рыжий котиче: полосатый, усатый, хвостатый. А тут – канава на пути. И вот этот зверь перескакивает через канавку и протягивает через неё длинную лапу. Шурша идёт по ней, как по мостику. И вновь шагает рядом с котом...

А из всех углов и щелей удивлённо глядят на них мыши и крысы. И все встречные коты, словно громом поражённые, пятятся от удивительной парочки и тарашатся им вслед во все глаза.

Разбудила Шуршу возня малыша.

– Что, маленький, замёрз и проголодался? Сейчас накормлю и отогрею, – бормотала крыса, осматривая своего приёмыша.

Вчера она была не в состоянии что-то внимательно разглядеть.

– Ой, да ты и впрямь рыжий, полосатый, как во сне...

Котёнок согрелся, нашёл спасительное молоко и радостно зачмокал.

– Вот тебе и Рождество! Говорили мне, что чудеса на него случаются. Но чтоб такое... Теперь у меня есть сынок – подарок Волшебной Звезды. Как же мне тебя назвать? Тут и голову ломать не надо – Рыжик, конечно.

Шурша свернулась калачиком, прижимая к себе малыша, и опять уснула. Проснулась она уже к ночи.

Сытый котёнок сладко посапывал, прижавшись к тёплому животу Шурши. Она вылизывала и гладила малыша, совершенно не задумываясь о том, что это котёнок. Она не желала думать о том, что будет потом. Рядом был беспомощный малыш, она нужна ему, вот и всё. В неё вселилась уверенность, что она поступает правильно. Что всё будет хорошо. И о своём недавнем горе она старалась больше не думать. Теперь у неё будет столько забот и хлопот...

Да и право поступать так, как она считает верным, ещё придётся отстоять.

«Нюха наверняка разнесла невероятную новость по всему кварталу. Ничего. Сейчас сбегаю подкрепиться к куче и – буду готова к бою. Спи, малыш. В обиду не дам. Хорошо, что никто не знает этот подвал. И никто не видел, как мы вошли...»

Шурша укрыла спящего Рыжика клочьями ваты и побежала к выходу из подвала. Вот и крыльцо. Крыса осторожно огляделась и, убедившись, что никого нет рядом, серой тенью проскользнула на тёмную обочину дороги.

Возле мусорки уже копошилась всё та же Нюха. Увидев Шуршу, она уселась на толстый зад и уставилась на соседку во все глаза. Шурша деловито возилась среди обрезков и огрызков, стараясь побыстрее утолить голод. Её торопило беспокойство за малютку.

Нюха наконец не вытерпела и заговорила:

– Шуршечка! А что это ты тащила в Рождество? Такое рыженькое? Я до сих пор не могу прийти в себя от удивления... И что ты с ним сделала?

Шурша прожевала очередную колбасную шкурку и спокойно и нагло взглянула на Нюху:

– Как что – съела, конечно. Вот такой ужин на Рождество пришлось устроить.

Нюха ойкнула, плюхнулась на живот и, заикаясь, пробормотала:

– К-к-как это – съела? К-к-кота?

– А что, им можно всех нас лопать, а нам их нет? Этого съела, и до всяких Пиратов доберусь! А ну, брысь отсюда, пока и тебя не покусала!

Нюха взвизгнула и пустилась наутёк вдоль проулка, только хвост замелькал.

«Вот и хорошо. Пусть всех оповестит о такой новости. Будь что будет. Зато малыша никто не будет искать. Так безопаснее для него. Сплетницу эту прогнала. Никто больше не следит за мной».

Шурша набрала в рот приготовленные для запаса сырные и колбасные очистки и побежала вслед за перепуганной Нюхой – спешила в своё новое жилище.

А тем временем Нюха неслась во весь дух вдоль ночных улиц, тормозя на всех углах и у всех мусорных баков, оповещая сородичей о невероятном. Кто-то отмахивался от известной сплетницы:

– Фу, что за чушь ты несёшь! Шурша – крыса умная, к чему ей война со всеми котами квартала? Не болтай чепуху.

Другие прислушивались и шептались:

– Может, и правду Нюха бормочет. У Шурши от горя, говорят, совсем крыша съехала...

Вот так, от подвала к подвалу, от мусорки к мусорке полз слушок, пущенный Нюхой по кварталу. И дополз в конце концов до вражеского лагеря.

Сидя в окружении кошачьей свиты, предводитель Пират разглагольствовал:

– Всё может быть. Видел я Шуршу в тот вечер.

Черныш и Клочок согласно закивали.

– Совсем не в себе была. Да, хоть и крыса, а из всего этого вражьего племени её единственную уважал. А теперь, право, не знаю, как быть. Но оставлять так это дело нельзя – совсем обнаглеют голохвостые! Надо Шуршу найти и допросить! Врать и отпираться она не станет, знаю я её. Если правда то, что болтают, – объявим большую войну и Шурше, и всем крысам квартала!

Сидевшие кружок коты и кошки одобрительно замаякали и забыли. Звуки этого собрания разносились в ночной тиши по всем ближним улицам. И все окрестные мыши и крысы от этого воя вздрагивали и забивались в самые тёмные щели...

– Кто последним видел Шуршу? – спросил Пират своё шумное войско.

Оказалось, что последней видела её крыса Нюха. От неё и пошёл слух о невероятном событии. Других сведений не было.

– Ну, всем задание – найти Шуршу. А там и разборку устроим...

И кошачье сборище растворилось в ночи – тихо, неслышно ступая мягкими лапами. Разведка начала поиск.

До всех этих событий у Шурши было несколько спокойных и счастливых дней. Она с любовью и нежностью занималась малышом. Обустроила уютное гнездо, заготовила себе сухой пищи на всякий случай. Она понимала, что рано или поздно её секрет раскроется и что ей будет непросто отстаивать своё право на необыкновенное материнство.

Ну, а пока никто их не обнаружил, Шурша наблюдала за Рыжиком и удивлялась, как быстро он подрастал и хорошел. Он был почти голенький и слепой, когда попал в этот подвал. А теперь распушился, открыл глазки. Сначала они были голубенькими, но с каждым днём меняли цвет, становясь ярко-зелёными.

– Ах, какой ты у меня красавец! – искренне восхищалась Шурша приёмным сыном.

А котёнок влюблённо глядел на маму, понятия не имея, что он приёмный.

Вскоре он окреп на сладком Шуршином молоке, начал играть с крысой-мамой, ползая по ней и кувыркаясь в коробке. А потом начал выбираться на пол, гоняясь за длинным крысиным хвостом. Когда Шурша уставала от этих игр, она трепала шалуна за ухо или шлёпала по рыжему боку. Котёнок успокаивался, ластился и прижимался к маме.

Шурше всё страшнее стало покидать Рыжика, чтобы, скрываясь с великими предосторожностями, сбежать за пищей.

Котёнок подрос настолько, что уже шустро бегал по подвалу. К тому же у него прорезался голос. И он звал маму, разговаривал с ней. Как? По-кошачьи, конечно. Он мяукал. Мама-крыса всё понимала и по-своему обучала малыша премудростям жизни. Так прошло несколько недель.

И к прежним тревогам добавилась ещё одна. Шурша стала замечать, что молока у неё становится всё меньше. Она начала приносить с кучи разные огрызки и для котёнка, понемногу приучая его к разной пище.

Щель, через которую Шурша пролезала в подвал, была длинной, но узкой. А котёнок рос так быстро... Крыса стала задумываться о том, что будет, когда он перерастёт её размеры.

Но все её сомнения разрешились сами собой.

Торопливо возвращаясь с очередной кормёжки, Шурша недалеко от заветного крыльца нос к носу столкнулась с самим Пиратом и его свитой...

– Ну и мастерица ты прятаться! Сколько времени тебя ищем. Вопрос у нас к тебе, Шурша, – вкрадчиво промурлыкал Пират.

Его приторный, елеинный голос и дёргающийся хвост не предвещали ничего хорошего. В любой другой момент Шурша испугалась бы этой встречи не на шутку. Сила у неё уже не та, да и общение с котёнком изменили в ней всё. Она иногда и сама уже забывала, что она – крыса... Но сейчас страх перед кошачьей бандой ушёл на второй план. Шурша глядела в сторону крыльца.

Удивлённый её молчанием, Пират посмотрел туда же. И замолк.

Шустрый Рыжик, не дождавшись мамы, пошёл на её поиски. Он выполз из щели подвала, побродил под крылечком, нашёл дыру в стене и выбрался на улицу.

Сердечко у Шурши забилось так, что заглушило все уличные звуки.

Там, у крыльца, её детёныш. А тут, рядом с ней – враги.

«Погубят малютку, коты проклятые!» – испугалась она за Рыжика.

Ей и в голову не пришло в этот момент, что её любимый сыночек – тоже кот. И что опасность грозит ей, а не ему...

Она слегка отступила к крылечку и приняла боевую позу:

– Только посмейте тронуть моё дитя, загрызу!

Шерсть у неё на загривке встала дыбом, глаза загорелись красными огоньками. Она почувствовала, что действительно способна сейчас на всё – пусть на последний в её жизни бой, но бой, который она должна выиграть даже ценой своей жизни. Иначе зачем было всё то, что происходило с ней этот месяц? Зачем было Чудо?

Шурша подняла глаза на Пирата, и... напряжение спало с неё, словно пружина распрямилась.

Коты стояли совершенно ошарашенные, вытаращив глаза и приоткрыв пасти...

Шурша обернулась и увидела бегущего к ней малыша. Он ткнул мордочкой ей в нос, ласкаясь к маме. Крыса лизнула Рыжика в лоб, демонстративно развернулась, ощущая затылком кошачьи взгляды, и пошла к крыльцу. Рыжик семенил рядом, что-то нежно мурлыкая.

Да, не Шуршин был день...

До крыльца оставалась пара метров, когда дверь дома неожиданно открылась, и на крыльцо вышла старушка. Она сразу увидела яркого рыжего котёнка, не разглядев сослепу невзрачную крысу... Шурша попыталась бежать, в надежде, что Рыжик её догонит. Но, как нарочно, шелестящий клочок мишуры отвлек внимание котёнка. Пока он ловил лапами непонятный, издающий звуки предмет, старушка спустилась с крылечка и взяла малыша на руки.

– Ах, малютка, как ты тут оказался? Какой хорошенький! – причитала женщина, возвращаясь назад на крыльцо.

Дверь скрипнула, скрыв в доме и старушку, и котёнка.

За всей этой сценой наблюдали и кошачья ватага во главе с Пиратом, и расстроенная Шурша из тёмного угла у стены. Силы опять покинули крысу. Она плюхнулась на землю, как куль с песком, растерянно глядя на дверь.

Она даже не слышала, как подошли к ней коты.

«Ну и лопай, даже лапой не шевельну...» – подумала Шурша, увидев прямо перед собой морду Пирата.

Но коты вели себя непонятно. Они уселись вокруг крысы и глядели на неё так странно...

– Ну, Шурша! Я тут чуть войну не объявил, думал ты с горя альсдуру котятами начала закусывать... Нюха эта глупа как пробка. Подняла такой шум на всю округу, ничего не поняв толком. И то, что она болтала, я бы скорее понял... помню, каково тебе было. Но такое... Где ты нашла этого рыжего?

– На куче. В Рождество. Как же я теперь без него? Мой малыш... – простонала Шурша.

– Ничего себе, малыш! Шурша, да он сейчас уже почти с тебя. Это ж кот! Причём, по лапам вижу, – громадный будет котяра! Ещё бы попросил мамочку-крысу: ам-ам!

Пират хрипло хмыкнул, изображая смех.

– Забрали его люди – это хорошо, не будет болтаться полуголодным по холодным улицам, как мы. Я не из зависти, нет. Я всегда предпочитал свободу. Не променяю её ни на какие миски-сосиски...

Пират разглагольствовал о прелестях бродячей жизни, а Черныш, Клочок и остальные коты-бродяги сидели, грустно опустив носы, и вздыхали... Все они, включая Пирата, мечтали о добрых хозяевах и сытном ужине, тёплом доме. Они оказались на улице в силу разных обстоятельств, а не по собственной воле... А потому завидовали

сытым и ухоженным домашним котам и кошкам, хоть никогда в этом не признавались.

Коты разошлись, а Шурша так и сидела, не сдвинувшись с места, пока совсем не замёрзла.

Уныло волооча длинный хвост, она медленно уползла в подвал.

Шурша спала в застеленной тряпками коробке. Одна...

– Как ты там, мой малыш, мой рыжий сынок? Надеюсь, тебя никто не обижает... – шептала крыса, засыпая.

Проснувшись утром, она долго и чутко прислушивалась к звукам, доносившимся сверху, из дома. Но ничего не могла разобрать.

– Буду жить здесь в надежде увидеть Рыжика.

И Шурша день за днём кружила вокруг дома, ночуя в его подвале. Она не знала, сколько дней прошло в этом одиночестве.

Только однажды дверь отворилась, из дома, как всегда, вышла старушка. А следом выскочил весёлый и пушистый рыжий комок. Он скатился по ступенькам крыльца и бросился к знакомой дыре в досках.

Шурша сидела под крыльцом. Увидев Рыжика, она растерялась. Котёнок подрос настолько, что Шурша почувствовала себя маленькой рядом с ним. А котёнок от радости прыгал вокруг крысы, перевернулся на спинку, чтоб она, как раньше, погладила лапками ему животик... Для него она была мамой, единственной и любимой.

Старушка, хозяйка котёнка, бродила вокруг дома, не понимая, куда исчез её любимец, и звала его:

– Кис-кис-кис! Где ты, малыш?

Рыжик ещё раз ткнулся носом в шерсть Шурши и помчался на зов хозяйки.

Крыса-мама сидела ошарашенная и счастливая. Теперь она знала, что не потеряла этого ребёнка. Он рядом, он помнит и любит спасшую и вскормившую его Шуршу.

Котёнка стали выпускать на прогулки каждый день. И он ежедневно находил маму под крыльцом или возле дома, ласкался, играл иногда с длинным, похожим на кожаный шнурок крысиным хвостом. И получал за шалости то материнский шлепок, то трёпку за ухо.

Он сам, провинившись, опускал лобастую голову, принимая наказание от маленькой Шурши.

Пират как в воду глядел: Рыжик рос не по дням, а по часам. Высокий, полосатый, с крупными подушечками на лапах, с важной походкой, он становился похожим на тигрёнка.

Котёнок изучал окрестности и всё дальше уходил от дома. Он стал провожать Шуршу к мусорным бакам и кучам, когда она шла подкрепиться.

А однажды на пути оказалась канавка. Кот перепрыгнул её, обернулся и протянул через мокрую борозду длинную лапу. Шурша остолбенела. Ведь она уже видела эту сцену. Давно, во сне... Она подтянулась к лапе и перебралась по ней на сухое место.

Эта невероятная картина не осталась незамеченной. Её наблюдали с другой стороны улицы Пират и Черныш. А из тёмного подвального окошка поблёскивало несколько пар крысиных глаз...

Да, Шурша сумела удивить всех. Новости о необычайной парочке передавались по цепочке в обоих враждующих лагерях. Кошачье сообщество несколько растерялось из-за этой истории, не определившись вовремя в своём отношении к ней.

И пока все растерянно удивлялись и перешёптывались, вскормленный крысой котёнок успел вырасти в крупного, сильного кота. Лишь теперь наиболее влиятельные особи кошачьего племени попытались объяснить Рыжику правильное положение вещей в их уличном мире.

Пират подкараулил Рыжика у дома.

– Я не говорю, что ты должен слопать Шуршу, нет – я и сам её не трогаю, – увещевал котёнка Пират. – Но и гулять с крысой по улицам – дело не кошачье. Нельзя так, пойми. Ты – кот. И должен вести себя как кот! Хотя ты и домашний баловень, но всему есть предел. Кошачья общественность возмущается. Рано или поздно терпение у нас закончится, и ты получишь хорошую трёпку. Это научит тебя жизни. Учти, я предупредил... – прошипел Пират и растворился в ближних кустах.

В крысиной среде царили те же растерянность и удивление. Не бывало ещё такого случая в городе. И наиболее уважаемые в квартале крысы принялись уговаривать Шуршу:

– Ну, почудила, выкормила, на нашу голову, это чудище рыжее. Вырос он теперь. Угомонись и живи как все, перестань водиться с котом!

– Ужас! Позор на всё наше сообщество!

– Мы тебя предупреждаем лишь потому, что прежде ты была весьма почтенной и уважаемой крысой.

Вот в такой «политической» обстановке протекала теперь жизнь Шурши и Рыжика.

Оба враждебных лагеря шипели и угрожали необычной парочке, но до поры ничего не предпринимали.

Рано или поздно враждебное отношение должно было прорваться.

И это случилось.

В один из осенних тёплых деньков Шурша, не дождавшись Рыжика, решила прогуляться до старой мусорной кучи. К её приходу там уже деловито ковырялись пять самых ярких недоброжелателей Шурши. Хромая, с рваным левым ухом – последствия боя с Тиграном, Мотя стала за это время ещё вреднее и агрессивнее. Она претендовала на место вожака в местной крысиной стае и старалась выделиться из толпы всеми возможными способами.

Увидев Шуршу, спокойно, вперевалочку подходящую к куче, Мотя аж затряслась от радости: такой случай показать себя выпал...

– Ой, Шуршечка, что-то ты сегодня без уродца сыночка. Как это ты решилась на прогулку без охраны? – начала Мотя речь приторно-ласково, а закончила откровенно угрожающе.

Она спустилась с кучи и встала перед Шуршей в вызывающей позе.

– Эй, вы! Кончайте ковыряться в огрызках! Не пора ли проучить эту ненормальную?

Мотя не решалась напасть на Шуршу одна, ожидая помощи своих прихвостней.

Шурша глядела на соперницу спокойно и даже с сожалением.

Жизнь не раз наказывала Мотю за высокомерие, но не научила очень важному: смелость и агрессивность нужно проявлять в критический момент; не научила ни добру, ни состраданию, ни справедливости, ни умению думать и предугадывать последствия каждого шага.

– Жаль, Мотя, что умнее ты не стала. Не быть тебе предводителем. В квартале найдутся и умней, и хитрей, и опытней.

Шурша ударила Мотю в её болезненное место – прямо по раздутому самолюбию.

Это стало последней каплей. С оскаленными зубами хромоножка бросилась на Шуршу. Через секунду они уже катались по земле, вцепившись друг в друга когтями и зубами.

Шурша была старше и слабее молодой соперницы, но опытней в схватках.

Уже через минуту она оказалась сверху и схватила Мотю за горло. Слегка куснув, отскочила прочь.

– Оставь меня в покое! Я могла загрызть тебя, но я вовсе не хочу войны ни с кем.

А Мотю такой исход битвы не устраивал. Ей нужна была победа любым, даже самым подлым способом. Она больше не собиралась бороться с Шуршей один на один.

– А ну, окружайте её! – заверещала разъярённая и напуганная Мотя.

И Шуршу начали окружать со всех сторон. Она понимала, что с пятью молодыми и здоровыми крысами ей не справиться. Бежать тоже было бессмысленно – они быстрее.

Тогда она просто села, поджав хвост, и сложила лапы на животе.

Эта смиренная поза на миг задержала наступление, вызвав удивление Мотиной компании.

Этого самого мига хватило, чтоб обстоятельства боя резко изменились.

В проулок влетел, словно рыжая хвостатая комета, Шуршин любимец и защитник. Ещё из-за поворота его чуткий слух уловил воинственные нотки крысиных голосов. И он помчался на звук, переживая, нет ли здесь крысы-мамы.

Огромными прыжками подскочил кот к куче настолько быстро, что оторопевшие от страха нападающие не успели разбежаться. Пока они опомнились, он успел покусать трёх ближних из них и схватить за хвост удирающую Мотю. Она визжала и извивалась, пытаясь вцепиться в Рыжика.

Всё это время Шурша сидела в прежней позе, не шелохнувшись. Лишь теперь встрепенулась, бросившись к коту:

– Оставь её, сынок! Ишь, как поцарапала, злюка!

Рыжик отпустил Мотин хвост, и она уползла на другую сторону кучи.

А Шурша и Рыжик осматривали и вылизывали друг у друга полученные в схватке раны.

Крысы подняли в проулке такой шум, что на него сбежалась целая компания котов во главе с Пиратом. Они застали битву Рыжика с крысами.

– Ну, это дело – хвалю! Ловко ты их раскидал. А я уж думал, совсем во вражеский лагерь перебрался. И тебе досталось, Шурша. Знать, нелегко тебе придётся, я эту Мотю знаю. Отлежится где-нибудь и опять – козни строить. Вот что я вам скажу: пока я тут в силе, не дам вас в обиду. Судьба у вас такая – особенная...

Шурша, прихрамывая, брела к дому в сопровождении Рыжика, Пирата и ещё трёх котов из его ватаги.

На какое-то время на улице воцарилось всеобщее перемирие.

Домашних котов уличные бродяги частенько обижали. Так что Рыжику повезло – его не то чтобы приняли в ватагу, но предоставили свободу передвижения и не трогали.

С приближением зимы Рыжик становился всё беспокойнее. Шурша, наблюдая за любимцем, догадалась, в чём дело. Вернее, в ком. Молодой кот влюбился в маленькую, грациозную трёхцветную кошку Мусю из соседнего дома. Он теперь по часу кружился под окнами и у крыльца, ожидая красавицу-кошку.

Муська явно отвечала взаимностью соседу.

Вот тут-то и пришла новая беда. Молодая кошка приглянулась ещё и отъявленному хулигану, уличному драчуну Тиграну. Он, как и Рыжик, частенько кружил теперь в этом конце улицы. Всё было тихо, пока Тигран не понял, что Муся предпочитает ему соперника.

– Как? Променять меня, Тиграна, на этого крысиного выкормыша? Да я загрызу его с одного прыжка!

Как-то вечером Тигран нос к носу столкнулся с гуляющей парочкой – Мусей и Рыжиком. Разъярённый бродяга бросился на Рыжика с лёту, без предупреждения. Тот в первый миг растерялся от неожиданности, а потом два кота превратились в один большой, рычащий, завывающий клубок когтей и зубов, из которого летели во все стороны клочья разноцветной шерсти.

Шурша наблюдала драку из-под крыльца, преодолевая желание броситься на помощь воспитаннику. Но понимала, что стала слаба и беспомощна.

Коты встали напротив друг друга, оцетинившись, выгнув дугой спины и устрашающе завывая.

Вот тут и сказались Шуршино молоко и воспитание...

Никто не ожидал от мягкого, ласкового, домашнего Рыжика ни такого тигриного рыка, ни горящих злобой, отливающих красной огромных глаз, ни хитрой повадки, ни отчаянной смелости. Он удивил всех, кто оказался свидетелем этой драки. Он наступал так грозно, дрался так отчаянно, что закалённый в драках Тигран позорно бежал, скрывшись в проулке.

Рыжик завоевал себе заслуженную славу стойкого бойца и уважение кошачьей ватаги. При этом он остался по-прежнему добродушным, не претендовал на лидерство. Но все в округе теперь знали, что задевать его не стоит, а заодно и его мамочку-крысу.

Шурша так гордилась своим Рыжиком!

– Весь в меня, – шептала крыса, глядя на громадного важного котяру...

Сложившееся положение не устраивало лишь одно существо – затаившего злобу и обиду побеждённого Тиграна.

– Ну ничего, будет и на моей улице праздник... Я ещё отомщу! – шипел он каждый раз при виде врага.

Вот только – как?

И возможность представилась.

В один из ясных зимних дней в квартале поднялся настоящий кошачий переполох. Он начался с дальнего конца улицы. Тигран одним из первых узнал об опасности и пустился прочь со всех ног, но, заглянув в проулок, увидел там Рыжика, терпеливо охраняющего свою крысу.

Когда охотники за бродячими животными приблизились на нужное расстояние, Тигран помчался к Рыжику.

– Бежим, бежим прочь из проулка! Здесь скоро будут охотники на котов!

И Тигран первым бросился в сторону улицы.

– Беги, они всех хватают без разбора! И домашних, и бродячих! Спасайся, я здесь спрячусь! – запричитала испуганная Шурша.

За свою жизнь она видела немало и облав на бродячих котов и собак, и войн людей с мышами и крысами...

Тигран дождался бегущего Рыжика и у самого конца проулка вдруг свернул в сторону и нырнул в дыру забора.

Шурша видела это и всё поняла.

Но уже ничего не могла изменить...

Рыжик вылетел на улицу прямо в сачок ловца бродяжек...

Ловкое движение – и он уже в клетке, наполовину набитой котами и кошками, по большей части бродячими. Вдруг среди разношёрстной братии мелькнула милая острая мордочка. Муся, чистенькая, милая, домашняя Муся тоже оказалась в этой страшной клетке.

Тигран, заманивший в ловушку недруга, ликовал на другой стороне улицы. Он так увлёкся милой ему картиной пленённого Рыжика, что не заметил подкравшегося к нему второго ловца.

Миг – и Тигран в той же клетке.

Рыжик не обратил на него никакого внимания. Он искал случая вытолкнуть из клетки Мусю, в момент, когда она открывается, чтоб забросить внутрь следующую партию жертв.

Рыжик изловчился и вытолкнул кошку в узкую щель между дверцей и клеткой.

– Беги! – прокричал он.

Муся сделала в воздухе сальто, упала на все четыре лапы и пустилась наутёк.

Всё произошло так быстро, что ловец не успел среагировать.

– А, пусть, одной больше, одной меньше... Хватит на сегодня. Мы свой план выполнили. Закрывай клетки, поехали, – переговаривались мужчины.

Телега заскрипела, тронулась и поехала к месту назначения...

Но прежде чем она тронулась, под неё скользнула незаметная серая тень, скрывшись в деревянных переплетениях брюха телеги.

Коты метались по клетке, мяукали и завывали. Лишь двое из них сидели по разные стороны клетки и угрюмо глядели друг на друга.

– Что, отомстил? Ладно, что теперь старое вспоминать. Давай вместе думать, как выбираться будем, – промяукал Рыжик.

Тигран опустил лобастую голову:

– Не знаю. Вроде, никто ещё не спасался отсюда...

Телега подкатила к низкому угрюмому строению.

Работники вдвоём подхватили первую клетку и понесли её внутрь здания.

На телеге остались ещё три клетки. Тут возле Рыжика что-то зашуршало. Из-под телеги выползла перемазанная вонючим мазутом Шурша.

– Держись, малыш! Я сейчас.

Шурша бросилась к задвижке клетки и попыталась сдвинуть её с места, поднять вверх защёлку. Металлическая защёлка оказалась тугой, тяжёлой и не поддавалась слабым крысиным лапам.

Из дома вышли ловцы животных. Не заметив крысу, они подхватили следующую клетку и вновь скрылись с ней в здании.

Шурша изо всех сил принялась опять за свою работу. Рыжик вертелся в клетке, но помочь ничем не мог – широкие доски располагались вокруг задвижки – лапу не подсунешь. Наконец усилия Шурши увенчались успехом. Задвижка пошла вверх. И тут из здания вышли рабочие.

У них на глазах крыса подняла задвижку до упора, дверца распахнулась, и все пленники посыпались из клетки, как горох из худого мешка.

Шурша побежала прочь вместе со всеми. Но пробежала немного и – легла на землю. Рыжик оглянулся на бегу и увидел лежащую крысу. Он вернулся, схватил её за шкуру и припустил наутёк со своей дорогой ношей.

Он решил отдохнуть и отдышаться, лишь скрывшись за поворотом и нырнув в дыру забора. Он осторожно положил Шуршу на землю. Она тяжело дышала, а её миниатюрные лапы сочились кровью – прищемила их тяжёлой задвижкой. Рыжик нежно лизал Шуршину мордочку и израненные пальцы.

Рядом кто-то засопел. Тигран, виновато моргая, предложил:

– Хочешь, я её понесу. Я аккуратно...

– Спасибо, я сам. Плохо ей.

Оба кота сидели над Шуршей, с грустью глядя на крысу. Она уже не открывала глаз. Слишком большими для старушки Шурши было испытанное потрясение и предпринятые усилия.

А там, за забором, слышались голоса людей. Несколько женщин, хватившихся своих любимцев, примчались разбираться с охотниками на котов.

Рыжик встрепенулся: в хоре этих голосов он узнал голос любимой хозяйки.

Она требовала вернуть ей кота, а растерянные охотники пытались объяснить женщинам, что их любимцев выпустила из клетки... крыса.

Это объяснение привело женщин в такую ярость, что они ворвались в помещение с клетками, разглядывая пленников.

Хозяйка Рыжика вышла оттуда почти успокоенная – в клетках любимца не было. Но где же он? И что за дикую историю про крысу придумали эти мужчины, чтоб оправдаться перед хозяевами домашних животных, частенько попадававшихся им под руку вместе с бродяжками?

Она медленно шла мимо забора, когда между досками показалась голова Рыжика.

– Ах! Мой малыш! – радостно прошептала старушка и... осеклась.

Рыжик вылез из-за забора, неся в зубах беспомощное тело Шурши.

Кот остановился у ног хозяйки, положил перед ней крысу и так протяжно и жалобно замыкал, что у неё на глаза навернулись слёзы.

– Бог мой! Так это правда – про крысу, открывшую клетку? Это она спасла всех?

Старушка наклонилась, осматривая Шуршу. К счастью, она не боялась крыс, как большинство женщин. В детстве у неё была белоснежная домашняя крыса, которую девочка очень любила.

– Рыжик, ты хочешь, чтобы я ей помогла? Не знаю, смогу ли. Странно, а ведь она белая, хоть и очень грязная... Мы возьмём крысу домой. Там посмотрим.

Старушка взяла Шуршу на руки и пошла с ней к дому. Рыжик шагал рядом, иногда забегаая вперёд, словно проверяя, всё ли в порядке.

В дыру забора вылез пристыжённый Тигран, провожая взглядом Рыжика и его хозяйку.

– А она и впрямь необычная, эта Шурша. Лишь бы выжила. Сам никому в обиду не дам, – хрипло промяукал бывший враг, ставший теперь другом Рыжика и защитником крысы-мамы.

Дома старушка обработала раны у Шурши какой-то жидкостью, присыпала кровоточащие лапки белым порошком и уложила крысу в картонную коробку, устеленную мягкой тряпкой.

Она принесла блюдце с водой и кусочек сыра и поставила возле коробки.

Шурша, перенёсшая все процедуры безвольно, словно мягкая игрушка, вдруг задвигала носом, зашевелила усами и открыла глаза. Волшебный запах свежего сыра поднял её на ноги. Она огляделась, изучая свой новый дом.

Рядом на корточках сидела старушка, а радостный Рыжик, конечно, тут же лизнул её в нос.

Так для Шурши начался новый период жизни. Заветная Звезда подарила Шурше не только необычного сына, но и спокойную сытую старость в добром доме рядом с ним.

Оставшееся до Рождества время пролетело быстро. Улицы вновь засверкали огнями иллюминаций, украсились елями.

И в доме Шурши и Рыжика появилась пахучая живая ёлка.

Хозяйка принесла коробку с игрушками, а кот и крыса заглядывали внутрь, любуясь разноцветными шарами и фигурками. Шурша

вытащила золочёную шишку. Она держала её в лапках, разглядывая знакомую игрушку:

– Рыжик! Я уже видела такую шишку. Очень давно...

Праздничным вечером хозяйка накрыла стол белоснежной скатертью, оставила традиционными блюдами, зажгла свечи. Во время этих приготовлений Рыжик и Шурша путались у неё под ногами.

Хозяйка смеялась и журила своё хвостатое семейство:

– Сейчас, сейчас! Угломнитесь! Приготовлю угощение и для вас. Будем вместе встречать Рождество!

Поздним вечером женщина чинно сидела за накрытым столом, с улыбкой наблюдая за Рыжиком и Шуршей. Они устроились рядышком на коврик, уплетая с блюдец колбасу, рыбу и ароматный сыр.

Хозяйка посмотрела на вазу с печеньем, выбрала из разноцветных фигурок красное марципановое сердечко и протянула его Шурше:

– Держи, Шурша! Рыжик не ест печенье, а тебе это понравится!

Шурша села и взяла подарок в лапы. Она застыла, глядя на блестящее сердечко:

– Подарок! Мне вновь подарили эту красоту! Рыжик, полюбуйся на это печенье!

Шурша принялась кружиться на задних лапах, держа перед собой сладкое сердечко.

После праздничного ужина хозяйка легла спать, а Шурша с Рыжиком уселись на подоконник и уставились в тёмное звёздное небо.

Рыжик разлётся, свесив пушистый хвост. Шурша, сидя возле тёплого бока кота, стала искать свою заветную Звезду.

Она нашла её и поклонилась:

– Спасибо, Звёздочка, за сбывшееся чудо. С Рождеством!

А далёкая прекрасная Звезда замигала, словно отвечая:

– С Рождеством всех! С волшебным праздником!

**Надежда
АВРАМЕНКО**

ВОЛК НЕ МОЖЕТ ЕСТЬ МОРКОВКУ...

В МАРШРУТКЕ

В маршрутку вдруг вошла девчонка.
В руках держала собачонку.
А собачонка – просто крошка:
Величиною в две ладошки!

Четыре лапки, хвостик... Спинку
Костюм обтягивает стильный.
Есть у костюма капюшон –
От дождика спасает он.

И чёлка с бантиком видна.
Какая модница она!
На нас презрительно взглянула
И заразительно зевнула.

И мы все тоже раззевались,
А после вдруг расхохотались.
Открылась дверь. Ушла девчонка.
А вместе с ней – и собачонка.

А мы всё думаем о ней.
На сердце стало нам теплей.
И, если было кому плохо,
Всех исцелила эта кроха!

-
- Надежда Александровна Авраменко родилась в г. Белинский Пензенской области. Окончила Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работала на заводе «Баррикады» г. Волгограда инженером особого конструкторского бюро. Участвовала в работе литературных объединений г. Волгограда, публиковалась в волгоградских СМИ. Член МСТС (Международного союза творческих сил) и академии Российской словесности и изящных искусств им. Державина (г. Санкт-Петербург). Участник литературной студии «Вдохновение» (г. Энгельс). Автор трёх поэтических сборников. В литературно-художественном журнале публикуется впервые. Живёт в г. Энгельс.

КОТ-АРИСТОКРАТ

Аристократ наш Васька-кот!
Не по-кошачьи ест и пьёт.
Он правой лапкой прямо в рот
Еду из мисочки несёт.

Облизнет лапку. И опять
Что повкусней из миски – хватать!
Мне наблюдать не надоест,
Как мой любимый котик ест.

СЛИЗНЯК

По капустному листу,
Как по длинному мосту,
Медленно ползёт слизняк.
И не доползёт никак.

На улитку он похож,
Но различие найдёшь:
Домика нет у него!
Гольий. Только и всего.

Но для нас вредитель он.
Отправляйся мигом вон!
В этом можем мы помочь:
Выбросим скорее прочь.

СИДОР

В память людскую
Сидор попал
Только за то,
Что козу свою драл.

А вот за что?
И почему?
То неизвестно,
Увы, никому!

КОРОВУШКА

Травушку коровушка
На лугу жуёт.
Внученька Алёнушка
Смотрит Зорьке в рот.

Внучка удивляется –
Понять ей нелегко:
Как же превращается
Травка в молоко?

ЖВАЧКА

– Наша Ночка что жуёт?
Чем её наполнен рот?

Отвечает мама дочке:
– Жуёт жвачку наша Ночка.

– Ой! «Дирол» или «Кселит»? –
Дочка маме говорит:

– Я ни разу не видала,
Чтоб ты жвачку покупала

Для коровушки своей.
Сколько жвачки нужно ей!

Громко рассмеялась мать:
– Нет! Не надо покупать!

Ты, дочурка, не права.
Жвачка у неё – трава!

ШТАНИШКИ

Три года моему сынишке.
Сам хочет он надеть штанишки.
Несмело в руки их берёт.
Надел он их... наоборот!

Снимает. И опять штанишки
Надел не так малыш сынишка.
Они – вновь задом наперёд.
И, разозлившись, сын орёт:

– Ты не давай их никогда!
Мне с ними, мамочка, беда!
И я совсем не виноват:
Со всех сторон в них только зад!

ОТВЕТ

Машеньку спросила я:
– Полная у вас семья?

Кроха отвечала,
Головой качала:

– Мама полная у нас.
А мы с папою сейчас
Вовсе не такие.
Оба мы ХУДЫЕ!

ВОЛК НЕ МОЖЕТ ЕСТЬ МОРКОВКУ

Со двора пришёл домой.
Руки мыл перед едой.

Мама ставит перед деткой
Не жаркое, не котлетки –
Полную тарелку щей
И рагу из овощей.

– Что же, миленький сыночек,
Кушать ничего не хочешь?
Не возьму никак я в толк...
Голоден, сказал, как волк!

Отвечает маме Вовка:
– Волк не может есть морковку!

АВТОПОРТРЕТ

Подошла тихонько к сыну.
– Что рисуешь ты? Машину?
Говорит мне сын в ответ:
– Это мой автопортрет!

– Но ведь здесь не ты! Машина! –
Говорю спокойно сыну.
– Здесь я есть! Я там, внутри!
Хорошенько посмотри.

Мне становится неловко.
– Мама! Там же тонировка!
А за нею я скрываюсь,
Свой портрет писать стараюсь.

– Да! Прекрасная картина!
Вот капот. Колёса. Шины.
Авто есть. И твой портрет,
Хоть тебя на нём и нет!

*Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет
Надежду Александровну Авраменко,
участника литературной студии
«Вдохновение»,
с юбилеем!*

**Владимир
КАНТОР**

«Владимир Кантор».
Художник Максим Светланов

ЧУР*

Сказка для дочки Маши

*Жил на свете таракан,
Таракан от детства...*

Фёдор Достоевский

*Вот и стал Таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.*

Корней Чуковский

Глава первая В ДЕТСКОЙ

Время приближалось к обеду. Мама на кухне уже поставила в духовку пирог и принялась резать салат. Сегодня на воскресный обед ждали гостя – бывшего их соседа, Эрнеста Яковлевича Чура. Маша обещала маме помочь по хозяйству, как только управится в своей комнате. Но разве могла она предположить, что не сможет

***К сведению читателя:** в повести использованы русские народные присловья, поговорки и духовные стихи, а также стихи Г. Галиной (Г. А. Эйнерлиг), В. В. Лунина, О. Э. Мандельштама, Л. А. Мея, И. П. Мятлева, Н. М. Олейникова, Б. Ш. Окуджавы, К. И. Чуковского, стихи самого автора повести, а также стихи, рассуждения, сказки и истории его дочки Маши Киселёвой.

-
- Владимир Карлович Кантор – доктор философских наук, ординарный профессор философского факультета Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, член редколлегии журнала «Вопросы философии», член Союза российских писателей, прозаик, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля (Германия, 1992), лауреат нескольких отечественных премий, трижды номинированный на Букеровскую премию, историк русской культуры, автор более шестисот опубликованных работ. Произведения Владимира Кантора переводились на английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, польский, чешский, сербский и эстонский языки.

выполнить своё обещание, что её задержат *непредвиденные обстоятельства!*

Вначале Маша не хотела наводить в комнате порядок.

– Давай лучше я тебе буду помогать. Я же, мамочка, своих детей укладываю по постелям только вечером, – сказала она, – а сейчас ещё день.

– А ты и не укладывай, – возразила мама. – Посади их в кружок, почитай что-нибудь, расскажи. Ведь плохо, что они у тебя валяются как беспризорные. Пусть тебе сестрёнка Ирочка поможет.

Если остальных кукол Маша называла *детьми*, иногда – *подружками*, то Ирочку – только *сестрёнкой*. И без этой Ирочки, самой некрасивой куклы, со светло-рыжими короткими волосами, круглой физиономией, с набитым тряпками туловищем, с глазом, заклеенным пластырем (на пластыре был, правда, нарисован новый глаз), запросто обходившейся без нарядов, а порой и вообще без всяких платьев, Маша не представляла своей жизни.

Ирочка не сразу стала «сестрёнкой». Некоторое время она побыла просто куклой. Маша давно, сколько себя помнила, просила у родителей сестрёнку. Ведь одной совсем невесело, а с бессловесными игрушками непросто: и самой говорить, и за них ответы придумывать. Но родители всё откладывали это важное дело на потом. Однажды, когда дочка шалила и не слушалась, папа сказал: «Вот, Маша, ты у нас просишь сестрёнку. А какой пример ты ей будешь подавать? Боюсь, что не очень хороший». «Эх, папа, – с грустью тогда ответила Маша. – Откуда она возьмётся?! Ты рожать не умеешь, а мама всё время занята». Родители переглянулись, и мама предложила: «Пусть твоя любимая Ирочка будет пока твоей сестрёнкой. Покажи, как должна себя вести старшая сестра».

И вот вместе с Ирочкой Маша принялась усаживать *детей* в кружок около дивана.

– Дети, – объясняла своим куклам Маша, – я вас собираю всех вместе, потому что сегодня у моей сестрёнки Ирочки день рождения. Ей исполнилось семь лет, и этой осенью она пойдёт в школу. И вы пойдёте, когда станете старше. А я уже большая, школьница, мне девять, в следующем году десять исполнится.

Маша поглядела на Ёжика Карла. Он стоял на комодке в своих синих бархатных штанах, тёмных сапожках и зелёной курточке с красной перевязью. Через плечо у него висели лук и колчан со стрелами, а на боку – шпага в ножнах. Сзади него – картина, изображавшая старинный дом с колоннами на берегу реки. Перед домом был парк с подстриженными кустами и деревьями. Вдали виднелись такие же дома. Ёжик смотрел, как всегда, мрачно, но всё же какое-то беспокойство углядела Маша в выражении его лица. А она доверяла Ёжику Карлу.

Весной, когда она тяжело болела, Маша слышала и, кажется, даже видела, как Ёжик сражался с её болезнью – скрюченной страшной каргой. Он пускал в неё стрелы, потом за занавеской колот шпагой – и прогнал-таки. И, совершив свой подвиг, ночью у её постели читал ей стихи, будто влюблённый принц;

*Нету иного пути,
Как через руку твою –
Как же иначе найти
Милую землю мою?
Плыть к дорогим берегам,
Если захочешь помочь:
Руку приблизив к устам,
Не отнимай её прочь.*

И дальше – про лодку, скользящую над тихой бездною вод. И Маша поняла, что болезнь испугалась, отступила и убежала. Было так странно, волшебным, будто в сказке. И будто сказка эта стала самой что ни на есть настоящей жизнью. А Ёжик стал – и теперь навсегда! – её нежным и заботливым другом и защитником.

Но утром был он снова сам по себе, мрачноватый, одинокий и нелюдимый. Даже виду не подал, что он – герой, рыцарь и любит стихи. И всё же Маша с того момента поняла, что Эрнест Яковлевич правду сказал, когда принёс ей Ёжика в подарок:

– Охранять тебя будет, как я раньше. Я на новую квартиру переезжаю, вы здесь одни хозяйствовать остаётесь. Вот я и раздобыл для тебя защитника.

– А вы разве охраняли?

– А как же! Ты мою фамилию помнишь? Так вот знай, что Чур – *очень древнее слово*. Когда-то давным-давно человек вышел из дикого леса и принялся землю обрабатывать, он стал делать чурки-кубики и ставить их по краям своей пашни и своего дома. Эти чурки-чурки оберегали границы земельных владений, чтобы их не захватил чужой. Но силой эти чурки наделял сам Чур – мудрый волшебник и верный защитник. Как верный пёс, Чур всегда охранял доброе человеческое жильё.

– Так вы родня волшебнику?!

– Ох, не знаю, что тебе и ответить. Лучше послушай, как писал об этом один старый поэт:

Не спрашиваю я: на то ответ у Бога...

А дальше добавлял:

*Но, Чур, от моего не отходи порога
И береги покой моей родной семьи!
Ты твёрдо знаешь, кто чужие и свои,
Остерегай же нас от недруга лихого,
От друга ложного и ябедника злого,
От переносчика усердного вестей,
От вора тайного и незваных гостей;
Ворчи на них, рычи и лай на них, не трусья,
А я на голос твой в глухой ночи проснуся...
И будь, как был всегда, доверия достоин...
Дай лапу мне... Вот так... Теперь я успокоен.*

И, как Чуру, Маша доверяла теперь Ёжику Карлу, считала его своим защитником, пусть немного сказочным, вроде бы и не совсем взаправдашним, зато верным. Вот он почему-то сейчас кажется встревоженным. Может, какое-нибудь Зло пытается проникнуть к ним? Не получится у него! Дома и мама, и папа, и Ёжик Карл, а скоро и дедушка Чур придёт! Но если дети это почувствуют, они могут испугаться... Надо их чем-то успокоить.

– Милые мои дети, – повернулась она к куклам, – сегодня, в Ирин день рождения, я расскажу вам сказку. Как ты думаешь, Ирочка, о чём мне лучше рассказать? Думаешь, про Ниночку? Как она победила хулигана Тыковкина? Но это папина придумка, не моя. А я могу про то, как надо делать, чтоб не ссориться и всем быть добрыми. Ведь на свете живёт Злость, она нападает на людей, и люди становятся злыми. Как же справиться с нею? Я считаю, что по злости Злость победить нельзя. Надо её по доброте победить. А как Доброте это сделать?.. Ей, наверно, следует потихоньку пробраться в дом к Злости, когда та по своим злодейским делам улетит. И там пройтись по всему дому и подышать во все кастрюльки и сковородки. Нет, это плохо, так она сама может заразиться злостью. Придумала! Надо купить новые горшки, кастрюльки и сковородки, старую посуду у Злости выкинуть или вообще уничтожить, а в новую подышать добротой. Чтобы эти вещи лекарственными стали. Злость придёт, станет пользоваться посудой, в которую Доброта добротой подышала, и сама после еды из этой посуды поболеет. Но интересно, кто они – Злость и Доброта? Сестрёнки? Наверно. Только они про это не знали: в детстве одна сестрёнка потерялась, попала к плохим людям и выросла Злостью... – Она примолкла на минутку, потом добавила: – Вот нам с Ирочкой повезло, что у нас такие хорошие мама с папой. И вы все тоже хорошие и должны дружить друг с другом.

– Мы-то и рады бы, но только Ёжик ни с кем дружить не хочет, – раздался внезапно чей-то немного капризный, но нежный голосок. – С тобой он мягкий и ласковый, а с нами колючий и сердитый.

От удивления и неожиданности Маша вздрогнула. Слова эти произнесла её кукла по имени Элиза – с длинными вьющимися локонами, голубыми глазками, румяными щёчками, одетая в розовое платье с фестончиками и кружавчиками. Очень красивая была кукла и чистюля большая.

И вдруг заговорил стоявший на комоду Ёжик, да сердито так:

– Неправда, вовсе не со всеми я колючий!

– Значит, только со мной, – согласилась Элиза и посмотрела на Ёжика широко открытыми глазами. – А почему? Разве я не красива? Я ведь заслуживаю любви... А он колется!

– Не за красоту любят, – сумрачно, но отчётливо возразил Ёжик, – а когда сердце сердцу весть подаёт.

– Вот глупости! – воскликнула красавица-кукла. – Всякий сам себе загляденье. Если сам себя любишь, то и другие полюбят. А я могу на себя в зеркало о-очень долго любоваться. А ты что там увидишь? Одни колючки, и ничего больше.

– Не надо ссориться! – машинально сказала девочка, чувствуя, что она ничего не понимает, словно спит, словно её заколдовал кто-то.

Ведь такого по правде не может быть, чтобы игрушки разговаривали. Но невольно, как советовала Элиза, глянула в зеркальце, висевшее у постели. Но не себя, не отражение своей комнаты, а какую-то серую стену с портретом *тафакана* в деревянной рамке увидела она. Не успела Маша удивиться – кому понадобилось *тафакана рисовать?* – как в зеркале возникло другое изображение: длинной комнаты с длинным столом, перед которым стояли три девочки – она сама, Ирочка и Элиза. Кто находится по другую сторону стола, разглядеть она не могла, но почувствовала, как отчаяние девочки Маши из зеркала перетекает в неё. Она вздрогнула, и *чужая комната* исчезла, появилось отражение её растерянной физиономии, сзади книжная полка и угол постели – отразилось то, что и всегда отражало зеркало.

И снова, как сквозь сон, услышала успокаивающий голос:

– Не бойся, не печалься. Зеркало никогда всей правды не показывает, – утешал Ёжик Карл. – Но будь осторожна!

Куклы молчали, молчала и Элиза, будто ни слова не произносила никогда, будто весь разговор девочке померещился. Она вгляделась в Элизу: перед ней сидела красивая, но обыкновенная кукла со слегка капризным личиком и, разумеется, немая и неживая. А из кухни раздался мамин голос:

– Маша, я тебя уже второй раз зову! Ты там не уснула? Мне кто-то помогать собирался...

– Сейчас, мамочка! – отозвалась Маша, но на всякий случай ещё раз посмотрела внимательно на свои игрушки. Потом перевела взгляд на *сестрёнку Ирочку*: сестрёнка тоже молчала.

И вообще всё выглядело так, будто никто и не оживал. И девочка подумала: «Раз Ирочка по-прежнему кукла, то остальные тем более. Это мне только почудилось...»

И, держа Ирочку под мышкой, она вышла в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

– Ну, мои девочки, наконец-то! – воскликнула мама. – Пойдите, пожалуйста, к папе и скажите ему, что пора расставлять стол в гостиной. А потом вы мне поможете его накрыть.

«Маша у зеркала».
Художник Наталья Григорьян

Глава вторая

ГОСТЬ

И сестрёнки отправились к папе в кабинет.

Кабинет (бывший раньше комнатой Эрнеста Яковлевича – до его отъезда) находился рядом с входной дверью. Папин письменный стол был огромный, он стоял перед окном и занимал самое важное место в комнате. Такими же важными были и книжные полки вдоль стен. Но Маше больше нравился большой диван перед журнальным столиком. Папа частенько сидел на нём и что-то читал или писал. Потом шёл к большому столу печатать. А Маша тем временем забиралась с ногами на диван и ждала. И когда папа возвращался и садился рядом с дочкой, то диван оказывался кораблём. А письменный стол – рулевой рубкой. И они отправлялись в путешествие, воображая себя в неведомом море или таинственном царстве-государстве, где живут какие-нибудь необычные существа или, наоборот, очень обычные – вроде мышей, котов, муравьёв или даже тараканов. Существа эти, хоть и не были людьми, как правило, вели себя как люди. Часто бывало Маше жутковато, зато интересно.

В школе на вопрос, чем занимаются её родители, Маша отвечала: «Книги читают». Такая уж выпала ей судьба – быть дочерью книголюбивых. Но у папы была ещё особенная Книга, которую он не только читал, но в которую ещё и писал. Огромная, в коричневом кожаном переплёте, с серебряными застёжками и маленьким серебряным замочком – она очень нравилась Маше. Этот замочек папа каждый раз отмыкал ключиком, когда принимался что-то в Книгу записывать, а после работы непременно запирали. На её обложке была надпись чудными буквами, состоящими из разных зверей. Маша как-то с трудом разобрала заглавное слово. Оно оказалось простым: «Книга». Только и всего. Другие слова ей прочитал папа: «Пиши каждый день. Пиши, что видишь. Пиши, что думаешь. Пиши правду».

Папа рассказывал, что если он угадывал или правильно понимал то, что записывал, буквы превращались в печатные. Когда же была неточность или неполная правда, буквы не держались, сами исчезали, будто их кто невидимый стирал. Зато другие оставались навсегда и выглядели так, будто их в лучшей типографии набирали. «Наверно, люди и раньше знали про эту Книгу, – как маленькой объяснял ей папа, – раз придумали поговорку: *что написано пером – не вырубить топором*. Из неё точно не вырубить».

Ну, конечно же, знали! Маша сама про это слышала. Она сидела в комнате, когда Эрнест Яковлевич перед отъездом зашёл к папе и подарил Книгу. «Я её давно храню, – сказал он тогда. – Но тебе она больше пригодится: ты не только читать, ты писать умеешь. А Книга не простая, голубиная. Она из рук в руки переходит. Пока только в хороших руках побывала. И каждый, кому она попадёт, может описать свой кусочек жизни. Так и составляется потихоньку История. Одни люди Книгу быстро теряют, и она нового хозяина ищет. Другие хранят, но не пишут. Третьи пишут мало, четвёртые её теряют,

а пятые хотят Книгу для своих целей использовать. Эти самые опасные. Им в руки она ни за что не должна попасть. В этой Книге все премудрости собраны».

И он заговорил вдруг нараспев:

*От чего у нас начался белый вольный свет?
От чего у нас солнце красное?
От чего у нас млад-светел месяц?
От чего у нас звёзды частые?
От чего у нас ночи тёмные?
От чего у нас зори утренни?
От чего у нас ветры буйные?
От чего у нас дробен дождик?
От чего у нас ум-разум?
От чего наши помыслы?..*

Потом серьёзно так добавил: «Но повторять уже сказанное нельзя. Твоя задача – новые вопросы ставить, чтобы знать, как мир устроен. Тогда людям легче будет по Правде жить, а не по Кривде. Старайся в Книгу каждый день писать всё, что видишь и думаешь. И храни её!»

Маша часто просила папу из этой Книги ей что-нибудь почитать. Но он отнекивался, объясняя, что она непременно её прочтёт, но сама и когда станет постарше. При этом писал регулярно. Вот и сейчас папа сидел за столом и запирал Книгу на серебряный замочек. Видно, что только закончил работать.

– Папа, нас мама за тобой позвала стол расставлять, – невесело сказала Маша, не зная, рассказывать ли про *разговоры игрушек*, правда ли это и можно ли предложить папе записать её историю в Книгу. – Много написал сегодня? – осторожно спросила она.

– Не очень-то... – Папа подхватил дочку на руки и посадил к себе на колени, поцеловал.

Маша прижала ухо к папиной рубашке:

– Сердце колотится, и работал плохо. Значит, нервничаешь, – сказала она, чувствуя себя такой же заботливой, как мама. – Почему нервничаешь?

– Почему? Трудно сказать. Никак не получалось мысль свою словами передать. Пишу, пишу, а буквы исчезают. Всё казалось, что кто-то подглядывает. Но никого не углядел, кроме толстого таракана под потолком. Сидел, на меня уставясь, и усами шевелил. А потом смылся, пропал. Я и удивился: откуда он? Ведь у нас чисто, за этим мама следит, а тараканам без грязи и отбросов не житьё. Может, это тараканий шпион был?

– Ага, может быть, – согласилась быстро Маша, решив, что папа предлагает ей новую игру. – Он явился из *Тараканской земли* и шпионил за тобой. А зачем? Надо бы это разузнать. Зачем это жители *Тараканска тараканят* за нами? Пусть *втараканят* себе, что у нас им делать нечего, у нас мамой чистота наведена!

Папа рассмеялся:

– Ты моя выдумщица! Смешные слова придумала.

Маша приняла важный вид:

– А я вовсе и не придумала. Там в самом деле так говорят. Ты сам вообрази, как им ещё говорить!

– Я попробую, – согласился папа, – но потом, сегодня у меня что-то голова болит, ничего не пишется. Станный какой-то день...

– А про что ты писал? Только честно!

– Видишь ли, Машенька...

– И Ирочка, – поправила его Маша. – У тебя две дочки.

– Видите ли, мои дорогие доченьки, Ирочка и Машенька. Я пытаюсь понять: кто таков, что из себя представляет и откуда взялся некто Толик Тыковкин? – Папа вздохнул, нахмурился и тщательно запер ящик письменного стола, куда прежде положил Книгу.

– А разве не ты его придумал? – удивилась Маша.

Она была уверена, что *Тыковкина*, хулигана мальчишку, и храбрую девочку *Ниночку* папа *выдумал*, чтобы дочке интереснее жилось и она могла бы воображать себя *Ниночкой*, побеждающей злодеев своей волшебной палочкой. Особенно Маше нравилась следующая история: Тыковкин однажды приказал друзьям намазать воском асфальт перед подъездом, чтобы все скользили и спотыкались. А потом спрятался с ними за кустами у дороги, время от времени выскакивая оттуда и хохоча во всё горло. Его очень веселило, если кто-нибудь падал и ронял сумку с продуктами, которые разлетались по земле. Храбрая девочка Ниночка смело подошла к хулиганам. «Толик Тыковкин, – строго сказала она, – немедленно очисти асфальт, иначе тебя придётся наказать!» Но Тыковкин был наглым и, конечно же, не испугался девочки. Он крикнул ей: «А мой папахен самый важный здесь! И ни один, даже взрослый, мне замечания не смеет делать! Я всегда папахену могу пожаловаться! А сейчас мы тебя крапивой отхлещем!» Ниночка побледнела, однако ответила твердо: «Попробуй тронь – тебе не поздоровится! Но если не вымоешь асфальт, то берегись: как дам в лоб – сразу уши отклеятся!» «А ты откуда знаешь, что они приклеенные?» – зло твякнул Тыковкин, надул угрожающе щёки и принялся наступать на девочку, размахивая пучком крапивы.

Тем временем его приятели подбирались сзади. Тогда Ниночка ударила его прямо в середину лба своей волшебной палочкой. Толик шлёпнулся на землю, а рядом упали два его уха. Мальчишки замерли, а Тыковкин уставился на свои отлетевшие уши и взвыл: «О-ё-ёй! Я больше не буду! Я всё вымою и вычищу! Верни назад мои уши!» Мальчишки начали хихикать, и это испугало его ещё больше. Он боялся, что они перестанут ему подчиняться. Но всё же сумел заставить их взяться за дело – привести в порядок асфальт. После чего Ниночка снова коснулась его лба своей палочкой, и уши вернулись на место. А Тыковкин, сопровождаемый друзьями, бросился наутёк.

Сейчас папа пытался объяснить:

– Это так мне казалось, что я придумываю. Но, похоже, я угадал правду. И такой Тыковкин существует на самом деле. Только возраст у него другой. Постарше девочки Ниночки он будет. И очень мной

интересуется, дружбу предлагает, письма пишет, хотя и без обратного адреса. Но вот, *кто он*, я не знаю. Потому и хочу понять.

– Папа, папа! – воскликнула Маша. – А может, он и есть Главный Таракан? Ты Эрнеста Яковлевича спроси. Уж он-то всё знает.

– Маша! Ира! – донёсся сквозь прикрытую дверь мамин голос. – Вы передали папе мою просьбу? Вот-вот Эрнест Яковлевич в дверь позвонит.

Папа снял Машу с колен, спрятал ключ от серебряного замочка в плетёную корзиночку за стеклом книжной полки и сказал:

– Ой, как плохо! Заболтались мы с тобой. То есть *с вами*, с двумя моими дочками. Пойдёмте, девочки, надо маме помочь.

Они отправились в *гостиную*, которая днём была маминой рабочей комнатой, а ночью превращалась в родительскую спальню. Ведь в их квартире было только три комнаты. Папа установил складной стол вдоль шедшей по стене книжной полки, укрепил столешницу и приналяс расставлять стулья. А Маша накрыла стол скатертью и побежала к маме – носить с кухни блюда и приборы: тарелки, ножи, вилки и бокалы.

Пришла мама, поглядела на их работу:

– Ну, молодцы! Я иду переодеться, а вы пока – руки мыть.

– Я уже мыл, – сообщил папа.

– Я тоже, – сказала Маша, – перед тем, как посуду носить. Это же нельзя делать грязными руками. Ох, – спохватилась она, – а Ирочка! Ирочка не мыла. Ну, ничего, я помогу младшей. Мы, сестрёнки, быстро справимся.

И отправилась с Ирой в ванную.

Вернувшись, Маша разгребла на мамином письменном столе местечко и усадила Ирочку, прислонив её к маминой пишущей машинке. Поставила перед сестрёнкой игрушечную тарелку, чашку, положила пластмассовые ножик и вилку.

– Вижу, Ирочка готова к обеду, – заметил папа. – А мы? Где же наш гость?

Раздался долгожданный звонок, и Маша бросилась открывать. Эрнест Яковлевич – в сером костюме, клетчатой рубашке с расстёгнутым воротом, в руке авоська, набитая пакетами, – стоял на пороге и улыбался:

– Здравствуй, Машенька! А Ирочка уже за столом? Как ты, Машенька, вытянулась! И всего за пару месяцев. Уж и не скажешь, что тебе девять. Ты выглядишь прямо на девять с половиной. Это хорошо. А я вам с сестрёнкой гостинца принёс – ягодок, чтоб вы и дальше росли.

– Зато Эрнест Яковлевич совсем не меняется. Всё такой же бодрый и улыбочивый, – сказала мама.

«Чур».

Художник Наталья Григорян

– Зачем же мне меняться, Клариночка? (Так звали Машину маму.) Мне ещё, может, много лет жить предстоит, – разъяснил вошедший. – Стареть никак нельзя!

– Вот и замечательно! – согласилась мама. – Пойдёмте тогда к столу. Обед нас ждёт.

Но сначала Эрнест Яковлевич отнёс авоську на кухню, мама пересыпала ягоды в дуршлаг, помыла их и отправила на обеденный стол.

– Пишется книга, Борис? – спросил Чур.

– Та, что вы подарили? Стараюсь. Иногда получается, а иногда буквы не держатся, пропадают, будто и не писал их.

– Значит, не угадал, недодумал. Главное дело – что пишешь. Я этому рад. – Эрнест Яковлевич откинулся на спинку стула, оглядел комнату. – Хорошо у вас. Уютно и чисто. Клариночка заботится. Защитница ваша от пыли и грязи. Машенька-то помогает маме?

– Помогает, помогает, – сказали быстро родители.

Взрослые чокнулись рюмками с вином, а Маша стаканом сока – за здоровье хозяйки дома. Потом они поели салат. А затем дедушка Чур поднял бокал за благополучие их дома и поинтересовался:

– Никто вам не досаждал, не тревожил, пока меня не было?

– Да вроде не особенно, – ответил папа. – Только письмами меня какой-то Тыковкин завалил.

– Эрнест Яковлевич! – обратилась она к гостю. – А может ли этот Тыковкин на самом деле оказаться *Главным Тараканом*? Расскажите, пожалуйста, сказку, как это бывает, чтоб человек в таракана превращался. А вдруг и наоборот тоже случается?

– Ну ты, Мария, придумала! – недовольно пожала плечами мама. – О тараканах за обедом! Ничего другого тебе в голову не пришло?

– А что, – заступился за дочку папа, – про тараканов тоже интересно. Может, они самые сказочные существа и есть.

– Да ну вас!

Мама составила грязные тарелки и понесла их на кухню. Вернулась, держа на подносе глубокую миску с супом. На первое был вкусный свекольник со сметаной.

Некоторое время ели молча. Потом Эрнест Яковлевич отодвинул от себя тарелку и сказал:

– Не волнуйся, Клариночка, очень вкусно, но добавки мне не надо. Я вот ел и думал, что Борис, муж твой, учёный человек, а кое-чего всё же не знает. Не знает, к примеру, что тараканы не просто сказочные, *но самые древние существа на Земле*. Люди порой боятся, что вдруг возьмут и оживут динозавры или ящеры, а то и ещё какие-нибудь доисторические существа. А того не понимают, что юркие таракашки уже тогда жили, когда и динозавров не было. Пережили и катастрофы, и наводнения, и землетрясения, и ледниковый период. Ящеров, мамонтов и саблезубых тигров тоже пережили. И остались такими же дикими, как и миллионы лет назад. Поэтому, пока человек грязен и нечистоплотен, тараканы им довольны.

Внезапно за окном громыхнуло что-то вроде выстрела. Но это был совсем не выстрел. Просто наискосок от Машиного дома стояло общежитие, а под ним находился сарай с зеленоватой жестяной крышей.

И вот жильцы этого общежития, ленись выносить мусор в уличные контейнеры, вываливали его прямо из окон и, наверно, с удовольствием слушали, как грохочет железная крыша сарая. И валялись там бутылки, коробки, банки, рваные кульки и пакеты, из которых высыпалось грязное и склизкое содержимое – всяческие отходы и отбросы. Что-то смывали дожди, но многое оставалось. Со своего восьмого этажа Маша и её родители видели крышу, но лучше было не смотреть: слишком противно. Вот и сейчас мама, встав из-за стола, произнесла:

– Противно!

И ушла на кухню.

Все замолчали. И Маша тоже не знала, что сказать или что спросить. «Дурацкие неряхи! Взяли и прервали наш разговор, – с досадой подумала девочка. – Как только он стал интересным. Обидно». Но тут в дверях появилась мама с пирогом на блюде. Она улыбалась:

– Давайте не будем думать о плохом! Я надеюсь, что пирог получился вкусный.

Разрезав, она разложила его по тарелкам.

– Ах, Клариночка, – произнёс Эрнест Яковлевич, прожевав кусок пирога, – конечно, вкусный! Но, – и тут он поднял кверху палец, – едой от забот не спасёшься. Дело в том, друзья мои, – тут Чур понизил голос до еле слышного, а морщинки на его лице затвердели, – что снова *Карачун* объявился. Слышала про такого, Машенька? И узнал я, что именно он взрастил Толика Тыковкина и главным над тараканами сделал. Как уж об этом Машенька догадалась – ума не приложу! Но верно догадалась...

Эрнест Яковлевич с любопытством посмотрел на неё, покачал задумчиво головой, а потом вдруг даже слегка подмигнул.

– Ничего не понимаю, – призналась Маша. – Получается, что Тыковкина не папа выдумал... И злой колдун Карачун тоже на самом деле существует... А не папина фантазия... Хотя я помню, как в детстве, чтоб я не шалила, он меня пятилапым Карачуном пугал. Ну ладно, пусть они и в самом деле есть. Но как же они могут вместе сойтись?.. Ведь Тыковкин – современный, а Карачун, скорее всего, древний, как Эрнест Яковлевич.

– Придётся рассказать. Только зря ты меня, Машенька, *древним* назвала. Не такой уж я и древний. Я не тараканьего, я человеческого возраста. Люди живут, и я живу. Карачун постарше меня будет. Хотя давно уж нигде не появлялся. В своей избушке на болоте спал. А проснувшись, тыквенное поле сторожить нанялся – неподалёку от Москвы. Он и вправду злой чародей и колдун, хотя слова у него медовые. Карачун пятилап – твой папа правильно угадал. На своих пяти лапах он быстро бегал по тыквенному полю, а также по своей избушке – мог и по стене, и по потолку, дружил с тараканами, любил сырость и тепло. Спал он на печи, но еду готовил в очаге, прямо посреди избы. Человеческий род злой колдун всегда ненавидел. И давно искал такого врага, чтобы поначалу опасным не казался. Наконец, решил он натравить на людей тараканов. Ведь у тараканов души нет, сердца тоже, а бесчисленны они, как песок в пустыне. И не боятся их люди: любого таракана легко можно ногой раздавить, газетой пришибить. Но мало кто дога-

дывается о карачуньей колдовской мудрости. А тот отобрал несколько тыкв побольше, благо поле тыквенное под рукой. Потом положил их в тепло да в сырость, чтоб тыквы те подгнили. А уж тогда заложил Карачун в эти гнилые тыквы несколько коконов, в которых хранятся тараканьи яйца. Обычно в каждой до сорока штук бывает. И вот в гнили тыквенной да с помощью чародейства карачуньего вывелись огромные толстые тараканы. Их-то и сапогом не раздавить! К тому же не простые они были, а – *оборотни*. Карачун обучил этих тараканов в людей превращаться. Не отличить!.. А самой толстой семейке и фамилию родовую придумал – *Тыковкины*. С тех пор все Тыковкины среди людей трутся и в начальники лезут, ну и «тыкают» всем. Хотят, чтоб не только тараканы, но и люди им подчинились. И Толик сейчас среди этой семейки главным стал. Вот ведь какая история...

Эрнест Яковлевич отрезал себе ещё кусок пирога и съел его, но, видно было, что безо всякого аппетита. Он как бы в шутку насупил брови, когда мама попыталась перебить его, и продолжил:

– Одного эти оборотни боятся: острого да колющего, что прокалывает их, спесь выпускает, сдувает их и съёживает, назад в тараканний образ возвращая. И знают они, что явится со временем рыцарь или принц откуда-нибудь, сладить с которым в открытом бою они не сумеют – страшны будут его колючие стрелы и острая шпага. Разве что хитростью да подлостью постараются...

– А разве принцы и рыцари на самом деле бывают? – спросила Маша. – Или, как волшебники, – только в сказках?

– Конечно, бывают, – усмехнулся Эрнест Яковлевич. – Как и волшебники. Только распознать их трудно. Распознать и не ошибиться. Все девочки ждут своих принцев, но мало кто умеет их узнать.

Званный воскресный обед закончился.

Дедушка Эрнест Яковлевич встал из-за стола, поблагодарил за угощение, обещал ещё раз навеститься. После чего попрощался с мамой и папой, пожелал им всяческих удач, а Машу погладил по волосам и вдруг сказал:

– Если у тебя неожиданно – а такое всегда может случиться! – будут какие-нибудь трудности или возникнут вопросы, ты, Машенька, обо мне вспомни и молви так: «Чур меня. Чур за меня. Чур со мной». Глядишь, я и смогу тебе чем-то помочь.

Родители улыбнулись и посоветовали дочке не забывать слова дедушки-соседа и всегда звать его на помощь, когда ей надо посуду мыть или пыль вытирать. Но Маше показалось, что шутливости в словах Эрнеста Яковлевича совсем мало было, что Чур произнёс их вполне серьёзно.

Однако это заметила только Маша.

Глава третья

ПРОПАЖА

Забрав Ирочку, Маша вернулась в детскую. Среди кукол увидела она какие-то странные перемены, что-то даже подозрительно-непри-

ятное чувствовалось в комнате. Будто кто-то кого-то обидел. Быть может, её куклы снова поссорились? Ах, как это плохо! Она ведь учила их не ссориться, а помогать друг дружке. А тут явные следы слёз виднелись на щёчках обычно румяной куклы Насти с беленькими волосами, заплетёнными в косички. Стоял в углу лицом к стене зелёный пластмассовый Чиполлино. Глядел на всех исподлобья Ослик Филя. Поросёнок Хрюша забрался под большой платяной шкаф – оттуда торчал его хвостик. А Ёжик Карл и вообще куда-то спрятался. Во всяком случае среди других игрушек его не было. Только красивая Элиза вроде бы ни на кого не обиделась. Она сидела в креслице за столом с указкой в руке, и лицо её выражало удовлетворение.

Маша посмотрела на неё вопросительно.

И снова, как и до обеда, девочка почувствовала, что у неё закружилась голова. Потому что кукла снова заговорила.

– Это я их воспитывала, – важно произнесла Элиза, строго глядя на остальных кукол. – Кое-кого пришлось наказать. Ведь я здесь оставалась за главную. Я ведь Машина подружка! А они не хотели меня слушаться. Тогда я запретила им играть.

Маше это не понравилось. Она всплеснула руками, не найдя сразу слов. Ирочка выпала из её объятий и шлёпнулась прямо на ковёр. И заговорила вместо Маши. Да как! Затараторила! Вскочив на ноги, младшая сестрёнка напустилась на Элизу:

– Что-то мне это не по душе. Как и моей старшей сестрёнке. Какое нахальство!.. Маша никогда-никогда не запрещала нам играть! Даже когда бывала недовольна нами. Вот!

Элиза брезгливо наморщила хорошенький носик:

– Ты зачем вмешиваешься в наш с Машей разговор, девочка Ира? Мы с Машей не любим беспорядка и непослушания.

Не успела девочка объяснить говорящим своим куклам, что ссориться нехорошо, как широкое лицо её сестрёнки расплылось в улыбке:

– А я, между прочим, и не Ира вовсе!

– А кто же? – удивилась Элиза.

– Меня Ниночкой зовут, вот!..

– Ты всё врешь! – крикнула, растерявшись, Элиза. – Правда, она врёт?..

– Я не вру. Я просто хочу стать такой же храброй, как Ниночка. И стану. Честное слово! Вы увидите!

Маша от неожиданности рассмеялась:

– Вот это да! Ты сегодня сама на себя не похожа. Или не похожа на ту, какой ты мне казалась, – робкой и застенчивой. А выходит, что ты озорница! И смелая! Я к тебе такой не привыкла...

– А ты и не привыкай, – вклинулась в разговор Элиза. – Девочка Ира стала настоящей хулиганкой, совсем невоспитанной. И нам такие подружки не нужны. Правда, Маша?

Тут Маша вспомнила, что она уже школьница, уже взрослая, и попыталась решить дело миром:

– Дорогие мои Ирочка и Элиза! Вы ссоритесь, а не понимаете, что произошло чудо: вы ожили и заговорили. Я тоже не понимаю, как это случилось. Но я этому очень рада. И вы порадитесь и помиритесь,

возьмите друг друга за мизинец и повторяйте: «Мир, мир навсегда, ну а ссора никогда! А если будешь драться, то я буду кусаться. А кусаться ни при чём – буду драться кирпичом. А кирпич сломается – дружба начинается!» Вот так! Теперь у меня настоящая сестрёнка и настоящая подружка. Ещё бы мне принца найти, живого и настоящего!..

– Какого принца? – спросила Элиза и сразу же на всякий случай стала прихорашиваться перед маленьким кукольным зеркалом – поправлять кудряшки и разглаживать руками платице.

– Я сама не знаю, – грустно призналась Маша. – К каждой девочке рано или поздно, но является чудесный принц, а она должна его узнать и, может быть, даже помочь ему. Помните, как в той песне? В «Сладкой грёзе». Музыку написал Чайковский, а слова – папин знакомый дядя Витя Лунин..

– А давайте её снова послушаем, – умильно улыбаясь, вдруг предложила Элиза.

Маша обрадовалась возможности окончательно затушить ссору, нашла кассету и занялась магнитофоном. И тут ей почудилось – на секунду, однако очень ощутимо! – что из-под подоконника потянуло ветерком, словно у их квартиры не было внешней стены. Она даже глянула в ту сторону, но стена была на месте. И она нажала на кнопку «play».

И в комнате зазвучала сладкая песня:

*Мне не играет
С куклой любимой –
Что-то неясное,
Неуловимое в сердце.
Что-то неясное,
Что-то прекрасное...
И вдруг предстал передо мной
Принц юный и живой.
Мы по реке плывём,
Нам хорошо вдвоём.
В этот час
Всё для нас:
Свет луны,
Вздох волны.
Нежны его слова...
Кружится голова...
Этот сон,
Светлый сон –
Сон ли он?
Явь ли он?
Но тут растаял принц.
Нет никого вокруг.
Снова сижу одна.
Может, позвать подруг?
Только
Мне звать не хочется.*

*Сердце стучит в груди.
Что же случилось со мной?
Ах, принц, не уходи...*

– Ну и куда же этот твой принц делся? – спросила Элиза.

Она уже забралась на диван и теперь сидела там, о чём-то задумавшись и закручивая свои кудерьки.

– Не знаю. Куда-то... – Маше внезапно стало жалко себя, что принц растаял, а не остался с ней.

Увидев Машино потерянное и печальное лицо, Ирочка пообещала оттащить Элизу за её кудрявые локоны, но отворилась дверь и вошёл папа. Ирочка и даже Элиза замерли, а Маша, чтоб не разрыдаться, бросилась к папе и повисла у него на шее, бормоча прерывающимся голосом:

– Где же мой принц? Куда он пропал? Почему не появляется?

– Малышка, что с тобой? Успокойся! – Папа принялся гладить её одной рукой по волосам, а другой подхватил её поудобнее, чтоб она не упала.

– Может, я плохая, раз ко мне принц не приходит?

– Ну не Василиса Премудрая Ивану Царевичу. Пока пусть твоим принцем будет Ёжик Карл. Он колючий и мужественный, но добрый. К тому же тебе его дедушка Эрнест Яковлевич подарил, а он плохого в дом не приведёт. Ну что, договорились?..

– Ага, – шепнула Маша, смутившись, и уткнулась в папино плечо. – Его даже можно назвать Ёжик Смел. Потому что он очень смелый.

– Разумеется, – согласился папа. – А теперь ты мне скажи: не заметила ли ты, куда я спрятал ключ от ящика? Того, в котором я Книгу держу...

– Конечно, заметила. Куда всегда: в плетёную корзиночку – на книжной полке за стеклом. Ты, папа, опять нервничаешь, наверно, по поводу своего Тыковкина, а потому всё забываешь... Ты успокойся. Если надо, мы с Ёжиком этого Тыковкина победим.

– Спасибо, моя хорошая, – сказал папа. – Ты у меня замечательная дочка! Всё замечаешь.

Он поцеловал Машу, осторожно опустил её на пол и вышел из комнаты.

А Маша принялась звать Ёжика. Но он не отзывался. Тогда она заглянула под кровать – там его не было. Затем под диванчик у шкафа – и там не было. Под шкаф – тоже нет. За шкаф – опять неудача. Следом за ней ползала Ирочка, проверяя, не проглядела ли Маша Ёжика. Девочка влезла на стул, чтоб посмотреть, не притаился ли он где-нибудь на полках или на шкафу. Но и там было пусто.

– Что же случилось? Куда он исчез? – испуганно обратилась она к Ирочке и Элизе.

Ирочка растерянно шмыгнула носом, а Элиза подняла головку, потряхнула кудряшками и, поколебавшись минуту, вдруг призналась:

– Это я его уснула. Вас всё не было. Он и бросился тебя искать. Сказал, что пойдёт *туда* – *не знаю куда*, там тебя найдёт и спасёт.

– Храбрый мой Ёжик! – прошептала Маша. – А ты, Элиза, плохая. Зачем тебе это надо было? Я с тобой больше не дружу.

– Нет, Маша, нет, – запричитала перепуганная Элиза. – Дружи со мной, пожалуйста! Я не виновата! Я просто хотела стать у тебя самой главной любимицей. Потому и с Ирочкой ссорилась. Для того и Ёжика спровадила. Да мне ещё и таракан нашептал, что с ежом даже медведь в берлоге не уживётся. А уж мы, нежные девочки, тем более.

– Какой таракан?

– Да здесь сидел. Не то Андрей, не то Евсей. Так он назвался. Усатый такой.

– Но этого не может быть! – уверенно возразила Маша. – Мама у нас такую чистоту навела, что ни один таракан не проникнет.

– Я его тоже спросила, как он сюда попал, – Элиза старалась правдивым рассказом заслужить прощение. – А он ответил, что *у всякого таракана своя щель найдётся*. Он мне и сказал, что если Ёжик исчезнет, то твоя любовь от него ко мне перейдёт. А я поверила... – И Элиза расплакалась.

– Поплакать – это легче всего, – произнесла Ирочка. – Ты лучше припомни, в какую сторону Ёжик Карл двинулся. Ведь не растворился же он в воздухе.

– Нет-нет, не растворился, – закивала торопливо Элиза. – Совсем нет. Он по дороге ушёл.

– По какой ещё дороге? – разом спросили Маша и Ирочка.

– По самой обыкновенной. Под подоконником. Да вы что на меня уставились так? Лучше под подоконник загляните... Сами всё и увидите.

Маша с Ирочкой переглянулись и бросились к подоконнику. И точно: они увидели выход прямо на улицу. И хотя Маша жила на восьмом этаже, тем не менее прямо из её квартиры из-под подоконника начиналась дорога, ведущая куда-то в лес. Одна беда: лаз был слишком мал для большой девочки.

– Вот по этой дороге он и ушёл, – сказала подошедшая к ним Элиза. – Мы с Ирой пойдём искать. А ты подожди нас. Но я всё равно его первая отыщу.

– Я должна сама идти, – сказала Маша. – Ему и вправду может угрожать какая-нибудь опасность.

Она встала на четвереньки, сжалась в комок и – неожиданно проскользнула в эту дыру!

Вылезла на дорогу, распрямилась. И... очутилась в лесу. Её дом исчез. А рядом стояли две девочки – сестрёнка Ирочка и подружка Элиза. И трудно было понять: Маша ли уменьшилась или куклы подросли? Но стали они все трое примерно одного роста. Маша по-прежнему немножко повыше, но ненамного.

Глава четвёртая

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

В лесу стояла густая тишина. Густая, как застывший кисель, она заполняла всё пространство. Девочкам стало не по себе. Маша растерянно перевела взгляд с асфальтовой в трещинках дорожки на окру-

жавшие их деревья. Надо было разобраться, где они находятся. В лесу? В парке? Вдоль дорожки стояли пустые деревянные лавочки. Скорее, похоже на парк. Но ни гуляющих стариков и старушек, ни мам с малышами, ни лихих велосипедистов – никого. Прохлада, тишина и пустота. Повсюду стоял аромат свежей зелени, но откуда-то слегка пробивался запах гнили.

– Где мы? Куда это мы попали? И зачем я с вами пошла?! Мы здесь тоже пропадём, как ваш Ёжик! – захныкала Элиза.

В густой тишине её жалобный вскрик прозвучал так резко и пронзительно, что все три вздрогнули.

– А ты не бойся и не трусь! – прошептала решительно Ирочка. – Я вот стараюсь быть храброй. И ты старайся. С нами ведь Маша. Она знает, что делать.

Но Маша не знала. И, чтобы самой не испугаться и успокоить сестрёнку и подружку, она принялась рассуждать вслух:

– Парк мне кажется знакомым. Это или Сокольники, или Лосиный остров. Карлуша, правда, ни там, ни там не бывал, поэтому мог заблудиться. Но мы его непременно найдём, если я сумею определить наше *местонахождение*, – произнесла она учёное слово и сразу почувствовала себя увереннее. – В Сокольниках – пруды, а вдоль Лосиного острова течёт речка Яуза. Смотрите: асфальтовая дорожка за теми кустами изгибается. Если мы сейчас выйдем к реке, значит, мы на Лосином острове. А мне кажется, что так оно и есть.

Девочки пошли по дорожке, уходившей в глубину леса. И перед ними возникла развилка. Маша подумала, что если она права, то путь налево ведёт к гаражам, какому-то одноэтажному зданию за забором и пятиэтажным серопанельным домам. Но лучше повернуть направо.

Они так и сделали. Ещё несколько шагов, и – о, счастье! – они увидели глинистый спуск с пригорка, небольшое поле с высокой травой, за ним утоптанную дорогу, а за дорогой – быстро текущую грязную речку. В ней, конечно, никто не купался, даже мальчишки её избегали – слишком много всякой дряни спускали в неё стоявшие выше по течению завод и фабрика. Вода, лишь временами прозрачная, казалась обычно бурой и несла на себе нефтяные и масляные пятна и разводы. Только утки осмеливались жить в нынешней Яузе: плавали, ныряли, находили там корм. Но всё равно девочки обрадовались, что добрались до реки и знают теперь, где они находятся.

– Ура! – крикнула Ирочка, но... рановато.

Они вроде бы бежали *вниз*, с пригорка, но ноги несли их назад, *вверх*, на прежнюю асфальтовую дорожку. Они снова попытались преодолеть неведомую силу, мешавшую им выбраться из леса. Но чем энергичнее они стремились к реке, тем сильнее их отбрасывало назад. Пока не очутились девочки на том же самом месте, с которого двинулись в путь.

Запыхавшиеся, усталые, стояли они, тревожно глядя друг на друга. И тут вдруг Маша сообразила, что иначе и быть не могло. Ведь не случайно кто-то им лаз под подоконником открыл и дорогу проложил. Причём дорогу в лес, а не к реке. Если это друзья, то они хотят, чтобы девочки нашли Ёжика. Если это плохие и злые их куда-

то заманивают, а Ёжик – приманка, то всё равно остаётся та же задача – искать пропавшего друга. И лаз, и дорога были чудом. Значит, и место, куда они попали, должно быть заколдованным. Раз уж они отважились сюда пойти, то нечего бояться! Девочка почувствовала, как к ней вернулась решительность, и сказала спокойно:

– Мы пошли, чтобы найти и спасти Ёжика Карла. А сами зачем-то к реке побежали. Достаточно того, что мы её увидели и знаем теперь, где мы. Нас кто-то правильно остановил. Искать надо. На дорожке Ёжика нет. Значит, он где-то в лесу. Сначала мы пойдём направо от дорожки. Если там не найдём, то вернёмся и будем искать по левую сторону. Только, чур, друг дружке помогать!

– А как же иначе! – ответила Ирочка, преданно глядя на Машу своими круглыми чёрными глазами.

– А вдруг так сложится, что мне понадобится перескочить через чур? – пробормотала, не удержавшись, Элиза, хотя и жалась поближе к остальным двум.

– Тогда, – твёрдо возразила Маша, – жди нас здесь или сама ищи дорогу домой. Мы без тебя пойдём.

– Ну уж нет! Я с вами, я с вами! – запротестовала Элиза. – Не бросайте меня. Я одна боюсь. Вы не имеете права меня одну оставлять, раз сами сюда заманили.

– Во-первых, тебя никто сюда не заманивал, а во-вторых, не вредничай и иди следом за нами!

Сказав это, Ира шагнула с дорожки в траву, где уже стояла её старшая сестрёнка.

Девочки двинулись довольно-таки приметной тропкой в самую чащу кустов и деревьев. Шагов через двадцать, за кустами орешника, наткнулись они на маленькую полянку, а на ней!.. Боже, чего там только не было! Валялись обломки белого унитаза, половинки красного кирпича (и откуда это тут взялось!), пластмассовые бутылочные пробки, сами бутылки, раздавленные жестяные банки из-под пива и пепси, смятые сигаретные пачки и окурки..

– Давайте свернём с этой тропы, – решила Маша, – здесь, наверно, какие-нибудь *тафаканьи люди* живут, всё грязнят и безобразничают. А может, свои праздники празднуют..

И девочки зашагали прямо по траве, спотыкаясь о корни деревьев, заглядывая под кусты, поднимая руками пласты прелых листьев, спускаясь в овражки и ямины, исследуя палками норки кротов и другие непонятные земляные ходы и отверстия – вдруг где-нибудь там обнаружится Ёжик Карл.

Не так уж и далеко отошли они от захламливаемой полянки, как Маша неожиданно увидела и узнала знакомый дуб, который весной они с папой лечили: отдирали гниль, высохшую кору и обмазывали больные места глиной. Папа тогда сказал, что это не простой дуб, а *сказочный*, быть может, даже *дерево жизни*, которое соединяет влюблённых, даёт приют усталым и гонимым, помогает добрым и храбрым. Наверно, сказал он, дубу этому уже тысяча лет, он всякое повидал, но остался хранителем добра и правды в наших окрестностях. Маше в это трудно было поверить, но дуб она лечила охотно. Теперь лесной великан стоял

такой могучий, будто и не болел никогда. В дубе они в тот день нашли дупло. И папа поднимал её на руки, чтобы она могла заглянуть в его тёмную глубину – дупло располагалось выше Машиного роста. Девочке стало интересно, сохранилось ли дупло... Она даже захотела позвать своих спутниц – показать им, что они с папой открыли. Но тут одна из веток дуба опустилась совсем низко, её сучья словно обняли девочку за плечи, а листья прикрыли ей рот. И хотя деревья не говорят, Маше показалось, что шелестом листьев дуб ласково просит её сохранить *тайну его дупла*. И она промолчала. Вздохнув, она пошла дальше, пытаясь увидеть в траве и переплетениях кустов колючего друга.

– Ёжик!.. Карлуша!.. – время от времени выкрикивала она.

Но никто не отзывался. А от тишины даже звенело в ушах.

Вдруг она заметила, что ноги сами вывели её на ту самую асфальтовую дорожку, к тому самому месту, с которого двинулись они в лес, но с *другой стороны*. То есть ушли они направо, а вернулись слева, как будто обогнули по этому парку круглый земной шар. И Маша подумала: «Мы всё время возвращаемся на эту дорожку не случайно. Значит, это и есть наш путь. Но тут всё обманно, а потому надо сделать вид, что мы *не* ищем Ёжика, мы просто гуляем. Тогда, может, и нападём на его след». И ещё она вспомнила, как говорил ей как-то Эрнест Яковлевич: «Иногда девы-полудницы насылают тишину, чтоб одна душа услышала другую, её зовущую. *Когда сердце сердцу весть подаёт*». По спине у девочки пробежал холодок: «Вдруг Ёжик меня зовёт, а я не слышу. Надо идти на голос его души. Куда ноги сами ведут».

– Я думаю, мы устали искать! – громко, очень громко сказала она, чтоб расслышали *чужие*. – Давайте просто погуляем. Пойдём себе по дорожке *туда – не знаю куда*. Куда ноги выведут.

– А я хочу есть и хочу домой! – закапризничала Элиза. – Где взрослые дяди и тётки? Кто вообще здесь живёт? Кто нас покормит?

– Успокойся! – Маша взяла её за руку, Ирочку тоже, и опять пошла с девочками по лесной дорожке.

Элиза хныкала, её ладонь была вялой и слабой. Зато Ирочка весело вертела головой, ладошка её была твёрдой, а шаги уверенными. Они дошагали до развилки, но тут их ждало удивление. Поворот к Яузе исчез, остался лишь путь, который вёл к серокирпичным пятиэтажкам. И Маша без колебаний свернула к серым домам.

Однако вышли они поначалу не к домам, а к большой прямоугольной асфальтовой площадке с газоном посередине, окружённым каменным бордюриком. И там ходили *люди*, человек десять-двенадцать. Правда, не просто ходили, а *маршифовали* строем и молча, сжав кулаки, со злыми, даже остервенелыми лицами. Возглавляли марширующих две женщины в коричневых платьях, катившие перед собой коричневые детские коляски. Ещё несколько человек писали на широких кусках материи какие-то большие печатные буквы. Руководил ими человек в чёрном балахоне, но руководил без слов, жестами. Глядя на шагающих людей, Маша подумала, что заколдованы они ходить по кругу как заведённые механизмы.

– Наверно, они чего-то ждут, – прошептала Ирочка.

– А вдруг нас?! – И Элиза спряталась на всякий случай за спины Маши и Ирочки.

Ничего другого не оставалось Маше, как шагнуть на площадку и, принаравливаясь к темпу марширующих людей, обратиться к одному из них, шедшему последним:

– Здравствуйте. Вы не могли бы нам помочь?.. Или хотя бы ответить на один вопрос?..

Она ещё и сама не знала, что хочет спросить у него. Но мужчина, не отвечая, скользнул в сторону. Обогнав своих сотоварищей, он оказался во главе колонны, подальше от девочки. Она попыталась обратиться ко второму, третьему, но все они с невероятной, нечеловеческой скоростью увивали, улепёгивали, ускользали, убегали, увёртывались, улетучивались, улизывали, уносились, убыстряя свой ход и оставляя её каждый раз одну. Они так ловко разбежались, что Маша даже дотронуться ни до кого не смогла. Это стало напоминать игру, и девочка вошла в азарт.

– Мы должны кого-нибудь из них задержать!

Она поставила своих спутниц с обеих сторон от себя и показала глазами на женщину, вырвавшуюся вперёд. Лево́й рукой женщина толкала коляску, а правую со сжатым кулаком подняла вверх, будто грозила небесам или несла невидимое знамя. Увидев загородивших ей путь девочек, женщина вздрогнула, попыталась их объехать, но колёса соскочили с асфальта и забуксовали на травяной обочине. Маша взялась за край коляски.

– Можно маленького посмотреть? – вежливо спросила она.

Женщина замерла, втянув голову в плечи. Не отвечая, она выталакивала коляску с обочины на асфальт, направляя её на Элизу. Но та, защищаясь, вытянула руки и остановила коляску. Маша заглянула внутрь и отшатнулась, увидев не запелёнутого младенчика, а двадцать или тридцать крошечных существ, шевеливших усами и тарасивших глазки. Воспользовавшись Машиным замешательством, женщина сильно толкнула коляску, и колёса наконец выкарабкались на асфальт. Обогнув Элизу, женщина быстро-быстро побежала прочь и через минуту вклинилась в ряды маршировавших.

А те люди, что писали плакаты, теперь играли в странную игру. Одетый в чёрный балахон держал в руках стопку газет. Остальные подходили к нему по очереди, а он каждому вручал газету. Когда стопка кончалась, он делал знак рукой, и тогда ему возвращали взятые у него экземпляры. Снова получалась стопка, и он снова принимался раздавать – «по штуке в одни руки». Разумеется, заметив подходивших девочек, игравшие брызнули врассыпную, побросав газеты и плакаты. А первым бежал их предводитель, поглубже натянув на свою физиономию чёрный капюшон.

Маша решила посмотреть, что писали эти чёрно-коричневые. Газета называлась «**ТАРАКАНИЙ ПОРЯДОК**». Маша не стала её читать: слишком много там было статей, да ещё мелким шрифтом. А вот плакаты она прочитала вслух: ведь Ирочка и Элиза не умели складывать буквы в слова.

Первое полотнище сообщало:

**ПРОЙДЁТ ЛЮБОВЬ, ОБМАНЕТ СТРАСТЬ,
НО ЛИШЕНА ОБМАНА
ВОЛШЕБНАЯ СТРУКТУРА ТАРАКАНА.**

Маша не поняла и отшвырнула его прочь. Взяла второе. Надпись там была короче, но ещё более непонятной:

ДА, В ТАРАКАНЕ ЧТО-ТО ЕСТЬ...

Маша наугад вытащила из брошенной груды ещё один плакат:

ТЕСНЕЕ РЯДЫ ТАРАКАНЬЕГО ФРОНТА!

Звучало это угрожающе. И тогда девочка решила прочитать тот, на котором было больше всего слов:

**МОЛЧАЛЬНИКИ ТАРАКАНЫ!
РАЗМНОЖАЙТЕСЬ! ВНЕДРЯЙТЕСЬ В КАЖДЫЙ ДОМ,
В КАЖДУЮ ЩЕЛЬ, В КАЖДОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ!
ВЕЛИКАЯ ПОМОЙКА – ВЕНЕЦ НАШИХ УСИЛИЙ!**

Маша закончила читать и перевела дух. Девочки переглянулись. По-прежнему было не очень понятно, но жутковато. Это был какой-то *другой мир*. Но не отступать же! И тут Маша углядела новую тропинку, начинавшуюся прямо от края площадки.

– Пойдёмте скорее в лес, – сказала она, – подальше от *этих*. Наверно, они и есть *тараканьи люди*. И мы уже на территории *Тараканского государства*. Выходит, оно и в самом деле существует!

Девочки двинулись по новой тропинке, которая виляла между кустов и деревьев мимо ограды. Внезапно заметили они узкую щель между палками – пролезть нельзя, но поглядеть можно.

И Маша увидела за забором продолговатую одноэтажную серокирпичную постройку с синими железными дверями. Двери наискось перекрещены металлическими полосами с тяжёлыми висячими замками. Небольшой участок перед зданием был заасфальтирован вплоть до больших решётчатых ворот. Там под жестяным навесом стояли грузовые фургоны. Очень неприятное впечатление они производили. А поодаль виднелось большое болото с пустынным островком посередине. Только несколько мелких кустиков да избушка из обросших мхом брёвен находились на этом островке. Ну и, конечно, вдоль берегов – болотная осока да камыши. Со стороны болота забора не было.

Девочки всё брели вдоль болота, продираясь теперь сквозь репейник. Его колючки царапали им ноги, руки, рвали платица. Миновав заросли репейника, они очутились перед решётчатыми воротами. На них тоже висел замок. Но ячейки решётки были крупные, и, пригнувшись к ним, девочки разглядели даже надпись на табличке, прикреплённой к стене здания рядом с дверью.

– «Виварий», – прочитала вслух Маша.

– Что значит – *виварий*? – спросила Ира.

– Ну, это такое помещение, – попыталась вспомнить школьница, – где животные и всякие звери содержатся в неволе. Но не просто в неволе, а над ними там опыты делают. Ой, – перебила она вдруг сама себя, – а вдруг *там* Ёжик Карл?

Она побледнела от страха за своего друга.

– Надо найти сторожа этого вивария, – сразу же предложила Ирочка, заметившая её испуг, – и уговорить его...

– Погоди-ка, – остановила её Маша, – может быть, ты права. Но дай мне сообразить. Здесь людей не видать. Мы, однако, неподалёку от серых домов. Там, наверно, надо и сторожа искать.

И Маша, словно вдруг озябнув, передёрнула плечами. Не хотелось ей идти к этим домам. Вроде бы на их месте раньше стояли самодельные бараки, сотворённые из разного хлама: кузова грузовиков и проржавевшие остовы старых автобусов, разделённые на комнатки фанерными перегородками; конуры, сколоченные из выброшенных на свалку старых дверей; шалаши, собранные из гнутых рельс и покрытые старыми дождевиками... Каждое такое жилище имело клочок земли под огород, а вместо заборов между ними торчали отломанные спинки кроватей, натянутая между столбиками ржавая проволока или какие-то резиновые жгуты. И жили здесь подозрительные существа: нигде не работали, пьянствовали, дрались друг с другом и били своих женщин и детей. Из посторонних не всякий решался даже мимо ходить. Потом в один день бараки снесли. На их месте построили серопанельные пятиэтажки. Но всё равно места этого опасались. «Может, и не зря опасались, – подумала Маша, – раз оно, как оказалось, *в другом мире* находится, *в Тараканском каком-то государстве*».

Идти туда страшновато. Но и не идти нельзя. И, взяв девочек за руки, она пошла через поляну прочь от ворот снова в лес. На сей раз путь их был не очень долог. Как-то вдруг сквозь путаницу веток и листьев они увидели невдалеке три серых пятиэтажных дома. Выйдя из леса, девочки очутились на асфальтовом шоссе. За ним и начинались дома. А дальше опять виднелся лес.

Подружки перебежали шоссе. Около домов стояли две телефонные будки, посередине двора находились песочница, качели, турник и деревянная горка. Перед подъездами на лавочках сидели старушки. Пошатываясь, брели неопрятно одетые мужчины. Зазвучавшие вдруг голоса испугали их не меньше, чем прежняя сплошная тишина. Были эти голоса хриплые и противные. Лучше бы их и не слышать. На двери первого подъезда первого дома была приклеена афиша: «Смотрите сегодня вечером в нашем киноклубе «Инсект» новый художественный фильм **«СУДЬБА ТАРАКАНА»**».

Из подъезда вышла женщина, закутанная в платок тёмного цвета, и крикнула:

– Агафон! Поди ко мне!

За песочницей росли три рябинки. Под ними за столиком четверо парней (трое в чёрных кожаных куртках и повязанных по-пиратски платках, а один – намного старше – просто в чёрном тренировочном костюме) играли в карты. Долговязый взрослый дяденька в трениро-

вочном лишь слегка поворотил свою мутную физиономию в сторону кричавшей и прогундосил в ответ:

– Ты чего, мать? Чего мне-то идтить? Тебе надо – сама сюда поди! Не маленький я, чтобы слушаться! У самого уже дочь замужем. И ты знаешь, за кем!

Женщина обиделась:

– Мог бы и уважить! Тебе годков-то поменьше будет...

Элиза, словно припоминая что-то, посмотрела на Агафона. Но, так и не вспомнив, пошла следом за девочками к игровой площадке около песочницы. Там всё выглядело необычным. Во-первых, большой плакат от столба до столба, на котором крупными коричневыми буквами было написано: **БОЕВАЯ ИГРА**. А ниже следовало пояснение: **Подготовка к осенней тараканиаде**. Во-вторых, за плакатом толпились какие-то странные подростки – с шестью конечностями. Играли мальчишки так: в песочнице стоял большой, в рост двух взрослых, стакан; они опускали туда на верёвке одного из своих приятелей, потом верёвку вытаскивали, а оставшийся в стакане пытался сам вылезти по гладким и скользким стенкам. Он пыхтел, старался, полз вверх, скатывался назад, падал, ушибался и снова лез, прилепляясь к стеклу всеми шестью конечностями.

Однако кое-кто из опущенных в стакан вылезал, оставляя на дне пару боковых отростков. И выглядел теперь как самый обыкновенный мальчик. И тогда остальные громко кричали: «Ура!» – и хлопали в ладоши. А затем опускали следующего. Маша хотела кого-нибудь спросить, что означает эта игра, но не могла решить, к кому обратиться. На девочек никто не обращал внимания:

В этот момент из окна пятого этажа раздался голос:

– Вася! Обедать!

Один из малышей, ковырявшихся в песочнице, встал, отряхнулся (причём у него хорошо были развиты все шесть конечностей), подковылял к дому на двух ногах и вдруг, пустив в ход остальные четыре, – на шести ногах *взбежал по стене* к окну пятого этажа и юркнул в это окно.

Девочки обомлели.

– Интересно, – сказала Маша, – есть ли у них в подъездах лестницы? Или нам тоже, чтобы найти сторожа, придётся по стенке влезать? Боюсь, у нас это не получится. Давайте зайдём внутрь и посмотрим.

И они пошли к подъезду.

– Только осторожнее! – предупредила Маша. – Вдоль дома идти не надо. Могут что-нибудь из окна выбросить и попасть в тебя. Нас с мамой один раз чуть стеклянной банкой не убило. Прямо у ног на сотни осколков разлетелась.

Глава пятая

ПОПАЛИСЬ!..

Пока Маша предупреждала своих спутниц (они ведь раньше были куклами и этого не знали) об опасностях, грозящих всякому городскому жителю, из-за угла серого дома выехала светло-коричневая

*«Таракан на мотоцикле».
Художник Наталья Григорян*

легковая машина. Рядом с ней на тарахтящем мотоцикле катил долговязый Агафон в чёрном тренировочном костюме. Но неподалёку от девочек он свернул и помчался к своим друзьям в кожаных куртках, всё ещё сидевшим за столиком под рябинами. А машина, мягко чиркнув шинами, остановилась.

– Ой, какой гадкий! – вскрикнула Элиза. – Напугал меня!

Сидевший за рулём мужчина отворил дверь и высунул пухлощёкую, гладковыбритую физиономию. На водителе был свежий коричневый

«с искрой» костюм, свежая белая рубашка и галстук в крапинку, скреплённый золотой заколкой, походившей на насекомого с шестью лапками. На секунду Маша насторожилась, но глаза незнакомца были голубые, взгляд добродушный, и она успокоилась. И улыбался мужчина доверительно, как хороший человек, и на Элизины слова не обиделся, и ускользнуть не пытался, напротив, сам в разговор вступил.

– Здравствуйте, мои милые, – вежливо обратился он к девочкам. – Вы здесь кого-нибудь ищете? Не могу ли я вам помочь?

Речь его звучала мягко и приветливо – как тут было не обрадоваться ему! Только Элиза спросила:

– А вы нас не сможете обидеть?

– Ты что? – урезонила её Ирочка. – Нас же трое! А он один.

– Ну да! Ну да! Вас же трое, – подхватил её слова пухлощёкий дядя, хмыкнув, словно чему-то обрадовался. – Да и зачем мне вас обижать? Нам лучше подружиться!

Эти разумные слова, тихий, без хрипlosti голос окончательно успокоили Машу. И она доверчиво ответила:

– Конечно, дружить всегда лучше. И вы угадали: нам в самом деле нужна помощь. Мы ищем сторожа вивария.

– А зачем он вам? – удивился сидевший в машине.

– Мы думаем, что в этом виварии может сидеть наш Ёжик...

– Ах вон оно что! – воскликнул незнакомец. – Это дело серьёзное. Я вас понимаю. – Лицо его выразило сочувствие. – А кто этот Ёжик, из-за которого волнуются юные девы?

– Наш друг, – ответила уклончиво Маша.

– Маша считает, что он принц и её жених! – лягнула Элиза. Она хотела теперь понравиться взрослому дядечке, чтобы забыл он её первые грубые слова.

– Это не так! – вспыхнула, смутившись, Маша.

– Что ж, бывает. Не смущайся, девочка, жених так жених. Ничего особенного. Может, и найдёшь его. Пока же самое для вас приятное, что сторож вивария некоторым образом мне обязан. Впрочем, как и я ему. А потому – водой нас не разлить, и он всегда к моему слову прислушается. Так что садитесь в машину, я вас к нему мигом подброшу. И там чем смогу – помогу, – любезно предложил мужчина. –

А по дороге вы мне про принца вашего расскажете. В нашей глухомани о принцах-то редко услышишь.

Маша опять смутилась, вспомнив, что принцем Ёжика назвал папа, а так ли это на самом деле, она не знает. Как-то иначе истолковав её колебания, пухлощёкий быстро добавил:

– А можно и пешком. Смотрите: солнышко светит, листья зеленеют, воздух тёплый, дождя не ожидается. Славно сегодня дед Ворчун расстарался!

– Какой такой дед?! – обрадовалась Маша возможности сменить тему разговора.

– Дед-то? Очень интересный дед. Всем дедам дед! Он по совместительству здесь и погодой заведует, а в виварии сторожем служит. Да забирайтесь вы в машину, на заднее сиденье, там места вам троим запросто хватит. На колёсах всё быстрее, чем пешком.

– А у вас печенье в машине есть? Или хотя бы конфеты? А то мы очень проголодались, – продолжила подлизываться Элиза, заискивающе глянув на пухлощёкого водителя.

– Найдётся, что-нибудь непременно найдётся! – улыбка появилась на губах незнакомца. – Давай запрыгивай!

Он вылез из машины и распахнул перед девочками заднюю дверь своего авто. Был он среднего роста, толстый, пухлый и улыбчивый. И похоже, что добрый. Потому Маша и приняла его предложение. Хотя нет бы ей одёрнуть попрошайку Элизу, быстренько прыгнувшую на мягкое плюшевое сиденье, и Ирочку задержать, нет бы вспомнить самое простое, много раз говоренное ей мамой и папой: нельзя детям доверяться чужим дядям и тётям, куда-нибудь с ними идти, тем более в их машину садиться. Но из-под рябинок всё так же звучали хриплые голоса, пугавшие Машу. А проходивший мимо мутноглазый дядечка уж очень грубо ругал свою маленькую дочку, дёргая её за руку:

– Ещё раз оглянись – так и врежу тебе! Надоело уже! Сто раз тебе повторяю: когда ходишь, не верти головой, смотри только перед собой и под ноги!

Маше стало одно понятно: оставаться здесь нельзя, здесь прямо в воздухе носятся злоба и ненависть. Надо ехать, скорее отыскать Ёжика Карла и выбираться из этого *Тараканска*. Она забралась на сиденье рядом с Ирочкой, водитель захлопнул за ней дверцы, сел на своё шофёрское место, мотор заурчал, и машина тихо покатила.

Они выехали на шоссе, бежавшее вдоль леса, и направились в сторону вивария. Вот уже показалось одноэтажное здание с синими воротами, за ним домик на болоте... Но неожиданно они очутились... на том же самом месте, откуда машина начала свой путь. Будто и не ехали никуда.

– Чудеса! – повернулся к девочкам пухлощёкий. – Ничего не понимаю...

Он хотел изобразить удивление и недоумение, но его плохо скрытая ухмылочка показалась Маше подозрительной. Она незаметно дёрнула ручку двери, но... дверь машины не открывалась. Девочка побледнела. И вдруг *догадалась*:

– Вы же, как и остальные, – житель *другого мира!*
– Какого это – *другого?* – усмехнулся тот.
– Такого! Колдовского и, может даже, тараканского!
– А ты очень умная? Да? – насмешливо скривился и не скрывал уже своего победительного торжества толстяк за рулём.

Теперь Маша не сомневалась, что они *попались*, что, как самые настоящие растяпы, оказались *в ловушке*. Но надо было сохранять спокойствие и не показывать, что она испугана. «Я буду говорить с ним как ни в чём не бывало, – решила девочка. – Чтобы Ирочка и Элиза не сомневались в моих силах. Они должны быть уверены, что я справлюсь с этим *чужим*».

– Нет, не очень умная, – ответила она. – Например, я не поняла, почему вначале нас встретила полная тишина, а потом мы стали и чужие голоса различать, а не только себя слышать?

– Хм, это весьма просто, – скучающим тоном объяснил водитель. – Там, где вас настигла тишина, началась *карантинная зона*. Ваши уши привыкали к другой акустике, то есть к другой способности воспроизведения звука. Ведь вообще-то тараканьи звуки обычно человеческому уху мало доступны.

– А разве тишину создают не девы-полудницы, чтоб помочь одной душе услышать зов другой души? – перебила Маша, чтобы показать себя образованнее водителя.

– Что такое душа? Не понимаю. Это всё поэты выдумали, – пренебрежительно отмахнулся незнакомец. – Колдовство, чародейство – вот что действует. Это реальность. Чародеев можно даже поставить на административный учёт. Мне это ещё мой папахен говорил, а он большим начальником был. Чародей может, скажем, карантинную зону создать, чтобы такие, как вы, могли в *другой мир* вступить и его голоса слышать. А потом в мою машину попасть...

Тут и другие две девочки сообразили, что *попались* они. Ирочка принялась дёргать ручку двери со своей стороны. Но без успеха. Попробовала ещё раз навалиться на ручку и Маша. А дядечка за рулём захихикал уже вполне откровенно:

– Не получится, Машенька, даже не пытайся! Лучше угадай, что мне от тебя надо.

– Откуда вы знаете моё имя? – растерянно спросила девочка.

– Я много чего знаю про то, что мне выгодно.

– Маша, догадайся, пожалуйста, что он от тебя хочет? Тогда всем хорошо будет, – захныкала красивая Элиза. – А мне пока пусть он печенье даст. Я очень кушать хочу.

Громко и довольно рассмеялся незнакомец, достал из ящичка пачку печенья, развернул её и, похрумкивая, принялся жевать, чтобы девочкам обидно и завидно стало. Затем включил радио. Зазвучала песенка, в ритм которой он начал подёргивать плечами и подпевать:

Он сказал, что кукарача –
Это значит *та-ра-кан!*
А я не плачу,
А я не плачу,

*Но обиды не прощу –
За кукарачу,
За кукарачу
Я, конечно, отомщу!*

– Послушайте, – вежливо, не желая с ним ссориться, сказала Маша, – если вы хотите от нас какой-то помощи, то скажите это прямо. И, пожалуйста, назовите себя, кто вы такой и почему нас в ловушку заманили.

– Почему? Почему? – выключив радио, хитрый толстяк снова засмеялся. – Почему? А по кочану да по капусте. А ещё лучше – по тыкве! Вот почему! Потому что вы в моей полной власти. И спасти вас некому. Да и Ёжик ваш за решёткой. В виварии, в виварии – это вы правильно угадали. А при этом вы мне нужны. И хочу я, Машенька, с тобой кое о чём договориться. – Физиономия его вдруг изобразила сладкую и даже *дружескую* гримасу. – Но для начала позвольте представиться: *Нолик Тыковкин*. И запомните, что здесь я самый главный, мне все подчиняются, все тут друзья мои запечные, тараканы запечные. Много их у меня.

– Но пока-то ты один! – вскочила примолкшая до поры до времени Ирочка. – А мы храбрые, и нас трое!

– Да и я не один! – возразил Тыковкин. – Со мной Советник мой – Евсейка Мерзин. Его, правда, сначала Андреем Мерзеро прозывали. Отец-то у него из Итальянской земли. Зато мать местная, наша, тараканиха. Вот мы его и переименовали, как на службу ко мне пошёл. И как вы думаете, где он прятался? Не угадаете! Он всё это время у меня под сидением лежал и наш разговор на ус наматывал. Вы его опасайтесь. Он очень злой. Евсейка и меня укусить может.

Говоривший приподнялся, и из-под сидения его и вправду вылез взъерошенный человек, в пиджаке, синей рубашке и галстук. Он быстро пригладил волосы, приосанился, поправил галстук, подкрутил усики и, сжав кулачок, посмотрел на девочек сурово-укоризненным взглядом, будто провинились они в чём-то:

– Стыдно слушать, как вы перечите Нолику! Я уверен, что справедливее Нолика нет на свете правителя. Я ему не льщу, я вообще льстить не умею.

Расплывшийся от удовольствия Тыковкин поощряюще ткнул спутника большим пальцем в бок. Человек аж сморщился от этого тычка, а *правитель* хохотнул:

– Молодец! Бойкий язык. И сам юркий. Не зря он у меня газетчиком работает. Газету «ТАРАКАНИЙ ПОРЯДОК» издаёт. Ловко он от вас на площадке ускользнул, а?

Девочки всмотрелись – и точно: рядом с человечком лежал чёрный балахон. А Тыковкин всё нахваливал своего Советника:

– Я Евсейку ценю. Для него нет большей радости, чем кому-нибудь нагадить или оклеветать кого! *Подтараканивает* нам изо всех силёнок. Любую подлость может сделать. Старается! А с виду такой порядочный и совестливый, что людишки ему все и всегда доверяют. Ну а мне это выгодно, конечно. И хотя таракан он только наполо-

вину, по поведению своему Евсейка совсем *отараканился!* Впрочем, я с самого начала понял, что Мер-зеро мне подойдёт, нашим станет. Ведь *зеро* – по-ихнему, по-итальянски – означает *ноль*, *нолик*. Значит, будет мне служить. Так и вышло. Служит. На Мотьке-тараканихе, дочери долговязого оборотня Агафона, женился. Теперь деток плодит. И они тоже совсем как люди выглядят. Так что прижился *бывший Андрей*, а *ныне Евсей* на нашей почве!

Пока Тыковкин говорил, бывший Мерзеро (а теперь просто Мерзин) скромно потуплял свои глазки. Но нет-нет да и поглядывал на девочек, чтобы понять, осознают ли они его великое значение. Те, однако, не осознавали. А Маша и вовсе сломала тараканью похвальбу.

– Почему вы нас так боитесь? – вдруг спросила она.

– Как это так – боимся? – возмутился Тыковкин, и его толстые щёки опали. А Советник Евсейка от неожиданности вопроса поперхнулся и раскашлялся.

– Конечно, боитесь! – подтвердила Маша. – Всякие глупости про Мерзина рассказываете, из машины не выпускаете...

– Да я, – завопил, неожиданно побагровев, правитель, – могу вас в настоящую клетку посадить, могу тараканам на растерзанье отдать!.. Я всё могу!

– Ой, не надо! Что вы! Мы вам понравимся. Я, например, хорошая девочка, – залезбила Элиза.

– Нам хорошие без надобности, – возразил усатый Советник, – нам сговорчивые нужны. Чтобы вначале могли, скажем, *так*, потом сразу и *эдак*. Вроде как я. Чтобы любую гадость, любую подлость в любой момент готовы были сотворить.

– Какую?! – воскликнула, привскочив, Элиза.

Но Ирочка дёрнула её за платье и снова усадила на сиденье.

– Замолчи немедленно, трусиха! – крикнула она и обернулась к Маше: – От меня они ничего не дождутся. Я всегда вместе с тобой. Скажи, что делать...

– Пока молчи. Пока не знаю...

Тогда Маша решила молчать, удивившись, правда, про себя, что *тараканьи слова*, которые она в разговоре с папой придумала, на самом деле существуют. Напрасно Тыковкин несколько раз спрашивал, как поживает её папа, знает ли дочка, где он хранит свои записи, как здоровье мамы, помогает ли ей Маша по дому, стирает ли пыль с папиных книг, любит ли сама читать или родители читают ей вслух, а если читают, то *что* – не из папиных ли записей?..

Маша молчала, глядя перед собой. Она была уверена, что рано или поздно Тыковкин проговорится. Скажет, что ему от неё надо. Так прошло минут десять.

– Ладно, так и быть, *Таракан с тобой!*... – сдался в конце концов Тыковкин. – Придётся тебе кое-что объяснить. Ты *втаракань* в свою черепушку, что я сейчас очень важный вопрос решаю, для всех на свете людшек важный! – Он говорил приветливо, почти сладко, но в его сладком голоске чудилось всё же что-то бесцеремонное, наглое и одновременно опасливое, как у таракана, гуляющего по столу, но готового в любую секунду исчезнуть. – Знаете ли вы

что-нибудь про тараканье могущество? Нет, не только количеством берут эти существа. Я хочу рассказать вам о мужестве одиночного тараканьего бойца. Его мужество признают и люди. И даже слагают об этом стихи. Может, вы их и знаете. Но я всё равно прочту:

*Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!
Таракан, Таракан, Тараканище!
Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилю!»*

*Звери задрожали,
В обморок упали.
Волки от испуга
Скушали друг друга.
Бедный крокодил
Жабу проглотил.
А слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа.*

«До ежа это он нарочно дочитал», – подумала Маша, а маленькая Ирочка перебила чтеца:

– Конечно, мы знаем эти стихи. Давно знаем. Их Корней Чур... нет, не Чур... Ах да, вспомнила: Корней Чуковский написал. Там простой воробышек тараканища этого склюнул!

– Ну, насчёт птиц мы всё продумали. Это нами учтено, – важно надул щёки Тыковкин. – Ни одной птицы не осталось, все гнёзда мы разорили. Так что с этой стороны опасность нам не грозит, нет.

– А вдруг, как и в стихах, воробышек возьмёт и прилетит «из-за кусточка, из-за синего лесочка»? – не унималась Ирочка.

– Ты всегда была глупой куклой, Ира! – оборвала её сердито Элиза. – Слушай лучше, что дядя Тыковкин говорит. А то у тебя как были кукольные мозги, так кукольными и остались!

– Замолчи сейчас же, Элиза! Ты от страха совсем разум потеряла, и тут же с твоего языка всякое плохое полезло, – укорила Маша красавицу-подружку.

– Нет, она правильная девочка! – похвалил Элизу Советник. – Она мне мою жену Мотьку, Агафонову дочь, напоминает. Та такая же бессовестная. На любое добро всегда подлостью ответит. А к Элизе я, стало быть, угадчиво тогда явился, когда Агафон меня на своём мотоцикле в Машкин двор подбросил. Интуиция!..

– Ладно, – кивнул, помедлив, Тыковкин, – за это и зарплату высокую получаешь. Но не забегай вперёд, не думай, что умнее меня. Не забывайся!

Мерзин побледнел, задрожал и шепнул:

– Я и сейчас как лучше хотел. Только интуиция подвела...

– Уже не сержусь, – смиловивился Нолик, – и буду краток. Люди не зря говорят, что краткость – сестра таланта. А я не просто талант, я, пожалуй, гений. И потому хочу быть везде главным. Как вы все знаете, тараканы давно и упорно воюют с людьми за своё существование. Кто кого победит? Пока неясно. Вы спросите, на чьей я стороне? Здесь я атаман тараканьего войска, их господин и повелитель. Но, разумеется, не случайно моё семейство так упорно *выбивалось в люди*. И я хотел бы и среди людей стать самым важным. Возможно, королём или императором. Тогда всё закончится миром. Вот для этого и нужна мне, Маша, твоя помощь. Пустяковая, но всё же... Надо кое-что *стафаканить*. А чтобы ты поняла, что я не шучу, я покажу тебе мощь тараканьего войска.

– Да видела я её, эту вашу мощь, – презрительно сморщилась Маша. – И плакаты, и игры в стакан, и деток *руконогих*, у которых руки как ноги, а ноги как руки. Всё разглядела.

– Что ж, почти верно заметила. Но почти. Даже про этих *руконогих*, как ты их назвала, ты не всё знаешь! – важно возразил тараканий атаман Тыковкин. – Это ведь оборотни, из которых и получаются настоящие *тараканьи люди* – по виду люди, а на деле, конечно, тараканы. У них со временем две лишние *руконоги* отмирают, передние становятся руками, а задние – ногами. Ты когда-нибудь видела головастики? Рождаются они рыбками, а потом, взрослея, превращаются в лягушек. Так и эти: рождаются тараканами, но с возрастом обретают человеческий облик. Но у меня не только они. Я вас главное войско смотреть повезу. Правда, без машины там не проберёшься: потоки грязи, завалы мусора...

– Где *там*? – не поняла Маша.

– Как *где*? – удивился её непонятливости Нолик. – Где тараканы живут. В щелях, на чердаках, под плитусами, под обоями, в мусоропроводе. *Была бы изба, а тараканы найдутся*. Но для моей машины везде дорога есть.

Тыковкин опять надул щёки, стал совсем круглым и произнёс дурацкие стишки, которые оказались на самом деле чародейным заклинанием:

*Надо сделать очень просто –
Всем уменьшиться раз во сто!
Ну, машина атамана,
Стань не больше таракана!
Превращенье начинай!
В щель любую заезжай!*

И тут Маша увидела, как на неё стремительно опускается крыша тыковкиного авто. Она захотела сжаться в комок и вдруг почувствовала, что сама становится меньше, меньше, ещё меньше, просто до невозможности маленькой, наверно, меньше горошинки или даже бусинки. Нет, горошинкой стала машина, а все внутри неё оказались совсем крохотулечками. За окном всё моментально изменилось,

стало неузнаваемым и чудовищным. Что-то зелёное, толстое вымахало вдруг с Машиной стороны, закрывая свет. С трудом догадалась девочка, что это просто-напросто травинка, раньше росшая рядом с колесом. Узкая, еле заметная трещинка в стене дома теперь выглядела огромной и глубокой расщелиной, в которую не только легковушка, но и грузовик мог заехать.

Сестрёнка Ирочка и красавица Элиза сидели, ухватив друг дружку за руки. Обе испуганно и вопросительно смотрели на Машу. Ирочка не храбрилась, а Элиза не скандалила и не подличала. И вот машина зафырчала и нырнула в асфальтовую щель, по извивам этой щели покатила и въехала в трещину, начинавшуюся от самого фундамента дома. Стало темно.

– Сейчас ещё темнее будет, – прозвучал довольный голос Тыковкина. – А фары включать нельзя, а то всех распугаем. Тараканы предпочитают мрак и темноту. Под покровом тьмы им безопаснее. Не случайно их главное военное стойбище называется *Тьмутафакань*. Если победят, то повсюду мрак настанет. Уж они постараются. Хочешь ли ты этого, Машенька?

– Нет, ни за что!

– Тогда думай своей тыквой, *обтафакань* как следует мои слова. И сообрази, как мне, Нолику Тыковкину, среди людей Главным сделаться. Впрочем, я сам знаю, как. Ты только должна мне помочь мой заказ выполнить. А теперь вперед! Чем дальше проедем, тем больше увидишь и поймёшь!

– Как же я увижу в темноте-то?..

– Вот именно, – слабым голоском поддакнула Ирочка.

– А я глазки свои закрою, и мне всё равно – есть темнота или нет! Славно господин Тыковкин придумал! Я буду красивые сны видеть, как мне все дарят подарки! – воскликнула Элиза.

– Гм, – хмыкнул Нолик. – Стоп машина! И вправду, как же они тараканий парад смотреть-то будут?! Всё ты, Евсейка, виноват! Совсем у тебя не тыква, а бестолковка на плечах. Ещё Советником называешься! Недодумал, что у людишек по-другому зрение устроено. Привык на всё тараканьими глазами смотреть!..

– Как-то недотумкал, *недотафаканил*, – виноватился усатенький Мерзин. – Но им ведь и рассказать можно.

– Рассказ – не показ, – досадливо ответил Тыковкин. – Попробуй, однако, что же делать!

Глава шестая

КОНТОРА ТАРАКАНА

Но Маше уже надоели эти страшилки. И сидеть в темноте тоже было не очень-то приятно. Да к тому же она окончательно поняла, кто этот *Нолик Тыковкин*. Похоже, именно о нём говорили папа и Эрнест Яковлевич. Только немного иначе его называли.

– Хорошо, хорошо, вы расскажете, а мы послушаем. Хотя я уже поняла, что вы нас просто застращать хотите. Пожалуйста. Читайте,

что мы ужас как напуганы! – быстро проговорила она, не давая Мерзину и слова вставить. – Но мы хотели бы понять, почему Тыковкин себя сам называет *Нолик*, а папа говорил, что его *Толиком* зовут?

– Это в людском мире я Толик, – буркнул раздражённо в ответ Тыковкин, – а настоящее, родовое моё имя – Нолик.

– А, понимаю, – засмеялась оскорбительно Маша. – Это потому, что вы надутый и круглый, как тыква. И ничего не значите, как ноль.

– Что ты, что ты! – забормотал испуганно Советник. – Наоборот, ноль – это самая важная цифра. Она сразу любое число в десять раз увеличивает.

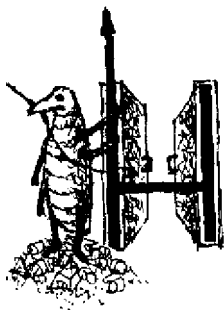
– Но всё равно без других цифр *ноль есть ноль, и ничего больше!* – упрямо настаивала Маша. – А если поставить его *перед* цифрой, то он её в десять раз *уменьшит*. Но ведь Тыковкин и хочет *впереди* всех стоять. Наверно, чтобы всех уменьшить.

– Нет, девочка, нет, ты не права. Ты слишком плохо знаешь нашего Нолика, – отстаивал своего атамана и правителя Мерзин. – Он, к примеру, тонкий ценитель искусства. И когда победит, будет художникам и поэтам покровительствовать. Про него уже и сейчас стихи сочиняют.

И, закатив глаза кверху, Евсейка провыл стишок:

*О вы, нули мои и нолики,
Я вас любил, я вас люблю!
Скорей лечитесь, меланхолики,
Прикосновением к нулю!*

*Когда умру, то не кладите,
Не покупайте мне венки,
А лучше нолик положите
На мой печальный бугорок.*

«Таракан».
Художник
Наталья Григорян

– Ну и что? – спросила Маша. – Стишок-то насмешливый. И потом позвольте поинтересоваться: не рассказ ли это о том, как Нолик или его отец поэта до смерти довели?..

– Как смеешь ты так говорить?! – возопил Тыковкин. – Я заслужил право на любовь людей! Ведь я собираюсь быть для них как добрый и справедливый родитель. Конечно, когда власть получи. Но многие уже теперь это моё желание ценят. И даже теперь рады мне служить.

– Не могу представить себе нормального человека, который был бы на стороне тараканов, – брезгливо поджала губы Маша.

Советник Евсей и Тыковкин переглянулись и самодовольно заулыбались, потирая руки.

– Вот тут твоя ошибочка, моя дорогая! – радостно, слегка гундосым голосом откликнулся Мерзин. – Есть такие люди! И было бы странно, если бы их не было. Их очень даже немало! Всякий грязнуля, пачкун, ябедник и подлец всегда на нашей стороне.

– Дело в том, девочка, что тараканы человека по-особому победят. Они его вытеснят. Займут его место. Человеку противно станет среди тараканьего сброда существовать, он и сбежит. На другую планету. Или вымрет. А те из людей, которые захотят с тараканами ужиться, те, конечно, начнут приспособливаться. Ну и пусть их! Какая разница! Будут жить, как и тараканы, в грязи, в отбросах, в помойке: им же всё равно.

– А у моей, то есть у нашей с Ирой мамы везде чисто, и...

В этот момент четыре огромных таракана, грозно и хищно шевеля усами, остановились у окон машины и уставились на девочек. Они щёлкали громадными клыками. Маша и не подозревала, что тараканы могут быть такими жуткими. Но сразу невольно вспомнила слова из сказки Чуковского:

*...А он между ними похаживает,
Золочёное брюхо поглаживает:
«Принесите-ка мне, звери, ваших детушек,
Я сегодня их за ужином скушаю!..»*

Она посмотрела на дрожащих девочек, как смотрели матери на своих деток, не желая, чтобы «несытое чучело бедную крошку замучило!» Ведь она же старшая и, значит, вместо мамы!

– А ну, поехали отсюда! – крикнула она Тыковкину.

– Что, страшно стало тебе, девица, страшно тебе, милая? – обрадовался *атаман тараканьего войска*.

– Не ваше дело! Но это очень плохой поступок – пугать детей. Если вы хотите быть хорошим, то отдайте приказ вашим тараканам убираться или уводите отсюда машину! – настаивала Маша.

– В темноте, да в щели асфальта, да став меньше таракана, да когда тараканы-разбойники в окна заглядывают – невесело сидеть, а? – продолжал издеваться Тыковкин. – Мне, например, интересно, что вы дальше делать будете, как меня о пощаде запросите. А я вот возьму и вас из машины выгоню, чтобы посмотреть, какую из вас первой тараканы на клочки разорвут... Забавно! И родители вас даже не хватятся. Ты на это, Маша, даже не надейся. В тараканском мире могут недели и месяцы пройти, а в человеческом всё та же минута длится. Поняла?

– Поняла, – растерялась Маша.

– Стало быть, поймёшь, что я не злой, а просто весельчак. И пришла пора пошутить. Сейчас я нажму кнопку, дверь откроется, и вы пойдёте на все четыре стороны. Пока вас мои таракашки клыкастые не сожрут. Что, не хотите? Бойтесь?

– Я слыхала про одну девочку, – выкрикнула в ответ Ира, – её Ниночкой звали. Так она ничего не боялась. А мы её подружки! Она даже какого-то Тыковкина побила. Может, тебя? Давай открывай дверь! Я первая пойду.

Пухлощёкий правитель аж побагровел от злости, нажал какую-то кнопку, и дверь со стороны Маши распахнулась. Заглядывавший в окно таракан отскочил и спрятался в тёмную дыру-пещеру в стене

дома. Ирочка, отпихнув вцепившуюся в неё Элизу, полезла через Машу к выходу. Но та остановила её:

– Нет-нет, первая я пойду.

Маша повернулась и стала спускаться из машины ноги, чтобы встать на землю. Делала она это медленно, зорко поглядывая по сторонам, опасаясь тараканьего нападения. И вдруг почувствовала, что ноги её растут, уже упираются ей в подбородок. Но только она сообразила, что надо ей выскочить из машины, и тогда колдовство кончится и она станет обычного роста, как Тыковкин это тоже понял и рывкнул:

– А ну, назад в машину! Живо!

Маша от неожиданности подчинилась этому приказу, и сейчас же дверь захлопнулась, а ноги девочки стали снова крошечными, как и вся она. Тыковкин облегчённо вздохнул.

– А ты, оказывается, отчаянная! Не удалось тебя на испуг взять, – удивился он. – И секрет разгадала. Да-да, только внутри машины и вместе с машиной можно уменьшиться. А снаружи все опять большими делаются.

– Вы опять будете заклинание произносить? – спросила Маша.

– Некогда. У меня всё на автоматике, зарубежная техника, папахен в своё время из-за границы понавёз. В тот раз стишки читал, чтобы ты моё могущество почувствовала.

Тыковкин дёрнул какой-то рычажок, и машина, и все сидевшие в ней приобрели свой обычный вид. Автомобиль, урча, покотился мимо первой серой пятиэтажки, мимо детской площадки, где подростки продолжали свои упражнения, а Агафон с друзьями всё так же пил пиво, и свернул за угол. Перед ними оказался торец второго серого дома, а в торце дома лесенка с перилами, маленькая площадка на верху лестницы и дверь. На двери табличка: **КОНТОРА ТАРАКАНА.**

– Сейчас мы выйдем и сюда зайдём, – остановив машину, сказал жёстким голосом Нолик. – Только зря вы по сторонам оглядываетесь! Куда вы денетесь?! Маша ведь помнит, что Ёжик у меня в плену, в моей, так сказать, полной власти. И Маша не захочет ему хуже сделать. Поэтому она даст мне сейчас честное слово, что даже не попытается бежать.

– Даю моё Машино честное слово.

– Вот и хорошо. Ты уже становишься послушной, – криво усмехнулся *правитель* и открыл дверь.

– А я бы честного слова не давала, – шепнула Ирочка, вылезая следом за Машей, а за ней, поскуливая от страха, Элиза.

Тыковкин, не оборачиваясь, принялся подниматься по ступенькам. Девочки тоже двинулись вверх, к конторе. Советник Евсей следовал за ними. «Всё же не доверяют, – подумала Маша. – Боятся, что повернёмся мы и сбежим».

Они вошли в небольшую прихожую. Её стены были выкрашены в белый цвет. В углу стояло знамя, на его чёрном полотнище красовался растопыривший шесть лапок золотой таракан, над ним – корона. Вдоль стен девочки увидели длинные деревянные лавки без спинок. На лавках сидели люди, похожие на тех, кого они встретили на лесной площадке. «Наверно, тоже руконогие, – решила Маша. – Сколько же этих тараканьих людей!..» – удивилась она. По стенам

и по потолку прогуливалось несколько очень крупных тараканов. Заметив вошедших, они остановились и вопросительно на них уставились.

Помещение напоминало закуток перед кабинетом врача, где больные ждут своей очереди. Однако, в отличие от говорливой врачебной очереди, здесь молчали, ни слова не произносили, словно боялись, что их кто-то услышит. «Тараканов опасаются, – вдруг догадалась Маша. – Тараканы за ними следить приставлены». Увидев Тыковкина, посетители бросились к нему, размахивая какими-то бумажками, но молча. Нолик досадливо махнул рукой, улыбку при этом изобразив приветливу.

– Рад вас всех видеть. Только я сейчас занят. Вот Советник в три минуты все ваши проблемы решит, а потом мне доложит.

Он распахнул обшитую коричневой кожей дверь в свой кабинет и на сей раз пропустил девочек вперёд себя. Дверь прикрыл плотно. Длинный узкий коридор, похожий на щель в стене, привёл их в просторную комнату. Вдоль одной стены стоял широкий диван с мягкими подушками, вдоль другой – три стеклянных шкафа с папками и книгами. Перед ними несколько стульев. На стульях притулились три человека с большими оттопыренными ушами. Но, похоже – так Маша почувствовала – это были не руконогие, а обыкновенные люди. Увидев девочек, они почему-то прикрыли свои лица: двое – газетой «**ТАРАКАНИЙ ПОРЯДОК**», а один – просто руками. Над шкафами висел в золочёной раме портрет Нолика Тыковкина с *орденом Таракана* на груди и с книгой в руке. Причём книга очень походила на ту, что папа прятал в запиравшийся ящик стола.

На другой стене – напротив портрета Тыковкина – была картина в простой деревянной раме. Картина изображала *таракана* с чёрным знаменем в лапках. Знамя он водружал на горе мусора, а у подножия этой горы копошились в отбросах и объедках мелкие человечки. Картина называлась «**ТРИУМФ ТАРАКАНА**».

И вдруг Маша припомнила, что совсем недавно дома, перед обедом, увидела она в зеркальце над своей постелью как будто бы похожую картину, изображавшую таракана. И ещё что-то... Точно! Под картиной находился письменный стол, а от него перпендикулярно отходил другой, очень длинный и устроенный так, что ближний край выглядел выше, чем тот, у которого стояли девочки. Поэтому должны они были – по хитрому замыслу Тыковкина – чувствовать себя растерянными, ниже его. Да, именно эта комната показалась ей в зеркале. А что сказал ей тогда Ёжик? Он сказал, чтобы она не боялась. «Где он сейчас, мой принц? Увы! Он не защитит меня. Теперь его самого спасать надо!»

Направо от широкого дивана находилась стеклянная дверь, из-за которой вдруг донеслось громкое хрюканье. Девочкам стало любопытно, и они подошли посмотреть. Сквозь стекло увидели они хлев с грязной и мокрой соломенной подстилкой, посередине него большое корыто с налитой в него примерно на треть какой-то мутной похлёбкой. Около корыта – пять свиней: две блаженно отвалились и потягивались на соломе, а три ещё продолжали чавкать, пожирая содержимое.

– Свинарник мой рассматриваете? – услышали они сзади голос Тыковкина. – Дед Ворчун расстарался, наш сторож вивария. Из самых толстых тараканов замечательную породу свиней вывел. Знает, что люблю я свининкой побаловаться.

При звуке его голоса девочки повернулись, а трое сидевших встали, по-прежнему прикрывая свои физиономии.

– Сидите, – разрешил *начальник конторы*. – И морды свои можете открыть. Никому они здесь не интересны. А девицы эти либо будут за нас, либо вообще не выйдут отсюда. Поэтому – *во имя Таракана* – я сейчас с ними побеседую.

И Тыковкин, усевшись в кресло, стал рыться в каких-то бумагах у себя на столе. Затем, отложив несколько бумажек в сторону, раздражённо сказал:

– А ну-ка, пройдите к тому краю стола, чтобы я мог на вас сверху вниз посмотреть. Вот так. Теперь можете взять стулья и сесть. Я про вас многое знаю. Знаете, кто с вами в одной комнате находится? Шпиончики мои, великие *слухачи*! Они всё, что видят и слышат, мне рассказывают. Верят в мою победу. Мы, Тыковкины, испокон века начальниками были. Но я хочу стать властителем всего мира. Я буду великим королём... – Он приостановился, будто задумался, а потом вдруг воскликнул: – А тебя, Маша, если ты мне поможешь, я со временем сделаю королевой, женюсь на тебе. Пока же, в знак нашего будущего супружества, подарю я тебе золотое кольцо.

– Мне не надо! – отвернулась презрительно девочка.

– Ой, какое красивое! – оживилась Элиза. – Подарите его мне.

– Это кольцо заслужить надо! – важно произнёс Тыковкин. – И я уверен, что Маша его заслужит. Я по её глазам вижу, что она – разумная девочка.

В дверях раздались чьи-то поспешные шаги. Вошёл, почти вбежал улыбающийся Советник.

– Всех прогнал! – сообщил он Тыковкину.

– Поработал, значит, – иронически усмехнулся тот. – Просителей разогнал. И доволен собой. А хорошо ли это? Ладно, не пугайся. Всё правильно сделал. Теперь прочь поди. Хотя нет, останься. Может, пригодиться. Вон с ними рядом посиди. Да не с девчонками! А с теми тремя, со слухачами нашими. Ты там лучше смотришься.

И Советник Евсейка уселся, куда ему было приказано. Очень он был похож на слухачей: с такими же усиками под носом и таким же преданным взглядом. Хотя выглядел всё же посмышлённее.

А Тыковкин снова обратился к Маше:

– Ты подумай получше. Как следует подумай. О встрече с таким принцем, вернее, с таким королём, как я, мечтает каждая девочка, – говоря это, он погладил себя сам по волосам и пухлым щёчкам.

Маша закрыла глаза. И в голове у неё зазвучали слова:

*Мы по реке плывём,
Нам хорошо вдвоём...*

– У меня уже есть принц! – твёрдо сказала она.

– У Маши всё есть! – подхватила Ирочка. – Ей от тебя ничего не надо! Это и ежу понятно.

– Ты, кукла, помолчи! Про этого сомнительного принца я уже слышал. Но непонятно даже, уцелеет ли он. Впрочем, конечно, уцелеет, если Маша мне поможет. Тем более что и просьба моя очень понятная. И несложная. Да и лучше королевой стать, чем служанкой у сторожа вивария. Спать на золе, в грязи, пишу ему варить, ловить для него жаб да лягушек. Уж про любимых его змеек и не говорю. Да ты, Машенька, не пугайся...

Он похрустел пальцами. А потом произнёс, отчётливо выговаривая каждое слово:

– Мне всего-навсего нужна та Книга, в которую твой папаша свои наблюдения записывает. Что в этой Книге написано, то и правда, то и сбывается. Я знаю. Я бы туда биографию своих предков внёс и свои бы намерения и желания зафиксировал. Чтобы они исполнились. Ты *растафакань* мозгами хорошенько. Неужели ты не сможешь принести мне эту Книгу, которая у твоего папаши в запертом ящике стола хранится? Видишь, я и это знаю, мне и об этом донесли. Но ни я, ни слуги мои выкрасть её сами не могут. Заклятие на ней. Её мне может только кто-нибудь из домашних по доброй воле передать. – Тыковкин в задумчивости потёр переносицу. – Кстати, не откажусь её и из рук самого твоего папаши принять. Я его тогда *Великим Таракантором* назначу. Хотя не отдаст, не захочет. Воображает, что великое дело делает. Что видит, то и пишет. Никакой фантазии! Сочинять не умеет. А я напишу, *что должно быть*. Как я устрою своё королевство и как буду им управлять.

– И у вас ничего не получится! – быстро и радостно возразила Маша. – Папа говорит, что в неё можно только правду записывать.

– А это и будет правда! – заулыбался Тыковкин. – То, что я хочу, – это и есть правда. Я напишу, и мои слова обернутся правдой, станут действительностью. Поняла? И у тебя есть выбор. Или ты приносишь Книгу, или я объявляю тараканье наступление, а уж Ёжику твоему скорее всех конец придёт...

В комнате все притихли. Что она ответит? Ясно, что Тыковкин уже не шутит. Маша наморщила лоб, делая вид, что размышляет над его словами. Она знала, что не должен *тараканий атаман* эту Книгу получить. Но как сделать, чтоб Ёжика при этом спасти и тараканьего нашествия не допустить?

И Маша придумала.

– Значит, – спросила она, – вы получите Книгу и напишете в ней: *чур*, я буду главный, *чур*, всё будет по-моему. Так?

Тыковкин вздрогнул.

– Ты что! Ты что! – вжал он голову в плечи. – Не произноси этого слова. Впрочем, ладно. Всё равно тебя отсюда Чур не услышит. А вообще-то он очень страшный! У-у! Лохматый, мохом зарос и корявый, как дерево. Что, хорош портрет? Или неточный? Тогда добавлю: он старый и никого не любит. Опять не так?.. А всё же поверь, что Чур – это весьма скверное существо. Правда, давно ещё Карачун его одолел. Двенадцать лет Чур твой в сталинских лагерях протру-

бил. Потом под амнистию попал. На свободу вышел. И на время след его пропал. Затерялся он среди простых людишек. Угадал? Я тебя не расспрашиваю, ибо для меня не тайна, что он твой знакомец. Но скажу честно: зря на него рассчитываешь. Он может и в гости ходить, и сласти носить, даже самую важную Книгу подарить, но... Что толку вашей семейке от дружбы с Чуром? Богаче вы не стали, знатнее тоже. Он своему другу-человечку никогда не поможет. Пусть тот, дескать, сам старается. Слишком этот Чур серьёзный и добродетельный. Не то что мы с Карачуном – весёлые ребята! Всё делаем с усмешкой да с ужимкой. И всегда вместе, артельно, коллективно. А он всегда сам по себе. Да к тому же раз он тебя не остерёг по колдовской дороге не ходить, значит, силу потерял! Но всё равно даже вспоминать о нём мне противно! Нет, его имени я в Книгу вписывать не буду. На всякий случай. Ну его! Не надейся даже.

– А вы не надейтесь, что я вам папину Книгу принесу. Я это не смогу сделать.

– Да это же пустяк! Подольстишься, в щёку поцелуешь – он и размякнет. А ты ключ у него из кармана-то – цоп! А потом уже дело техники. Уйдёт он из дома, ты Книгу вытащишь – и ко мне! – И Нолик в предвкушении удачи потёр руки.

– Вы меня неправильно поняли. Я это потому не сумею, что не люблю и не хочу поступать по-подлому. А то, что вы мне советуете, – это обман и подлость. И, *чур*, я никогда не буду так делать! А уж если *чур* говорят, то слову этому ни за что не изменяют.

– Опять ты про Чура! Я же просил тебя! А что касается подлости, то это такая ерунда! Её все делают. Стоит себе только один раз разрешить, дальше это в привычку войдёт – подличать-то...

Тыковкина перебил Советник:

– Позволь, Нолик, мне ей объяснить... Подлость совершить, дорогая моя Машенька, всегда легко и приятно. Это как-то освежает. Делаешь подлость и чувствуешь тут же, что ты всех остальных лучше и сильнее. Потому что не они тебе, а ты им подлость учинил, а значит – опередил.

– Вы глупости нарочно говорите? – спросила Маша. – Человек не должен быть плохим, плохим быть стыдно.

– И вовсе не стыдно! – горделиво возразил Мерзин.

– Вот мы тебя и проверим, – усмехнулся вдруг Нолик. – Ты собственным примером всё и докажешь. А то всё перебиваешь меня, умнее Тыковкина хочешь казаться. Вот и будешь у нас сейчас умницей. Да я и Маше обещал тебя наказать.

– Что ты, Нолик, разве я умный! Это ты...

– Умный! Умный! Вот и лезь под диван. А оттуда кричи, из-под дивана: «Я – умница-разумница!» Да громко кричи! Не вздумай шептать. Ну!

– Но ведь я – Советник! – зашебуршился тот. – Не надо так со мной при посторонних! Прошу тебя! Давай лучше потом, наедине. Я тогда что хочешь крикну.

– Вот и хорошо, что Советник. Пример покажешь. У людишек есть неплохая пословица: *бей своих, чтобы чужие боялись*. Её и не грех

перенять. И своё место тоже знай! – был насмешливо-неумолим Нолик. – Ну! По-тараканьи – шмыг, и готово. Недаром говорят, что *подлость на тараканьих ножках ходит*.

Улыбнувшись тогда добродушно, будто всё, что говорил Тыковкин, это милая шутка, будто так и надо, будто по своей воле он туда лезет, Мерзин встал на четвереньки, потом распластался и ползком удивительно быстро скользнул под диван и прокричал трижды:

– Я умница-разумница! Я умница-разумница! Я умница-разумница! Ну как, Нолик? Хорошо получилось?

Почти все рассмеялись. Элиза даже в ладоши захлопала, так это забавно выглядело. Но Маша нахмурилась:

– Зачем вы его унижаете?

– Фу-ты ну-ты! Какая ты у нас серьёзная! Это же шутка. Да все ваши цари над своими подданными шутки шутили, на кол сажали, в кипятке варили, а те смеялись и царей прославляли. Я знаю, я читал об этом, – возразил Тыковкин. – А я чем хуже! Ну-ка, Евсей-прохиндей, ещё раз крикни! Да хрюкни.

– Я умница-разумница! – послушно выкрикнул Советник. А потом и захрюкал.

– И вы, видя это, должны наконец понять, что и вам от меня пощады не дожидаться. Вы мою натуру теперь знаете. Мне никого не жалко. Последний раз, Маша, тебе предлагаю свою руку и звание королевы, пока я тебя девкой Чернавкой, Золушкой, прислужницей к самому Карачуну не определил!

Ирочка открыла рот, чтобы наперекор что-то сказать, но её опередила Элиза. Похоже, что бояться она перестала. Её глазки сверкали, личико разругалось. Она с восторгом смотрела на вставшего из-за стола и ещё больше возвысившегося над девочками Тыковкина.

И Элиза решилась. Она широко раскрыла свои большие голубые глазки, поправила рукой кудряшки и сказала:

– А давайте я вам помогу. Я ведь тоже девочка и хочу стать королевой... Книгу Машкиного папы я, конечно, сумею стащить и вам принести. Он мне доверяет. Я ведь бывшая кукла и, стало быть, из его *домашних*. А вы за это на мне женитесь. И я буду всеми повелевать. Только пусть Машка будет у меня служанкой, девкой Чернавкой, как вы её назвали. А Ирку мы руконогим отдадим. Потому что она нам вред какой-нибудь причинить может.

Глава седьмая

ДЕД ВОРЧУН, СТАРИК КАРАЧУН

– Вот такие девочки мне нравятся! Ты, Машутка, у Элизы-то поучись, как себя вести! – возник внезапно голос, тонкий, пронзительный, как у звонкого болотного комара. – Bravo, bravo, Элизочка! Дедушке Ворчуну твои речи по нраву да по сердцу. Ты ещё до того, как куклой стала, подавала надежды. Но и в куклах не потерялась, к Маше в дом попала, в подружки выбилась. Я знаю, знаю, что ты

о прошлом-то своём ничего не помнишь. Не помнишь – и не надо. Тебя твоя судьба сама сквозь все превращения ведёт. И за твои заслуги – вот тебе бутерброд со свининкой, сладкого чаю да шоколадок парочку.

Маша и Ира резко повернулись, чтобы увидеть говорившего. И вздрогнули невольно. Это был какой-то страшный старик: череп бритый налысо, но на макушке болталась жидкая длинная кисточка волос, такая же кисточка свисала из середины подбородка, а глазки синие-синие, как вода в обманном болоте. Несмотря на тепло, одет он был в ватную куртку, ватные штаны и резиновые охотничьи сапоги с застёжками выше колен. Элизе он протянул свои подношения сразу тремя руками, причём третья рука росла из спины и казалась длиннее двух других.

– Ты погляди только, – обратился он к Маше, причмокнув от удовольствия, – как подружка ваша Элиза бутерброды ест и чай пьёт! И на вас никакого внимания не обращает. Будто и не знакома с вами. Да, такую никаким воспитанием, никакими хорошими словами, тем более никакими упрёками не проймёшь. Наш человек!..

– Она подлая предательница! – крикнула Ирочка. – Мы ещё до неё доберёмся и накажем. А уж дружить с такой – теперь ни за что!

«Как странно! – удивлённо сказала себе Маша. – Неужели предательство совершается так просто? Ещё сегодня утром друзья, а всего через несколько часов Элиза готова нас погубить, лишь бы подлизаться к тому, кто кажется ей самым значительным здесь. Так она и Ёжика предала, обманула и отправила в неизвестность. А я тогда её простила. Подумала, что она совершила это из любви ко мне. А на самом деле *не из любви, а из выгоды*. И сейчас из выгоды. *Кем же она была раньше?..* И возможно ли такое? Или это Карачун нарочно врёт, чтобы нас запутать?..»

– Никакая она не предательница, – добродушно пояснил девочкам страшный Карачун. – Я-то про неё хорошо слышан. Она сыздавна привыкла служить и всегда была на стороне сильных. И сейчас она просто сменила начальника. А перед начальством надо уметь послушно и навтыяжку стоять. Она вот и старается. Сама ест, а Нолику преданно в глаза заглядывает.

– Да ты-то, дед, садись. Не тебе передо мной стоять, – спохватился Тыковкин.

– Я и постоять могу, господин начальник, сила-то ещё в ногах есть, – тонко-пронзительно хихикнул старик. – А не зря всё-таки говорят, что *таракан есть одно из наиболее назойливых насекомых*. Ну чего они на дедушку уставились? Давно не видели? Я на них мигом управу найду! Пусть не радуются, что старичок присесть не решается.

– Ну что ты, что ты! Ты передо мной всегда сидеть можешь, – замахал рукой Нолик. И – тараканам: – А ну кыш!

Тараканы заметались и через секунду исчезли.

– Кто это? – одновременно спросили Маша и Ира.

– Испугались наконец? – расцвёл Тыковкин. – Это и есть наш сторож вивария, заведующий погодой, главный вивисектор, тараканий благодетель и тараканий палач, великий чародей – дед Ворчун, он же – старик Карачун.

– Вон оно что! – охнули девочки.

– Ну что, старик, к делу? – спросил Нолик Тыковкин. – Всё как будто понятно. Отправляем за книгой Элизу. Так? Элизу, гм, – в королевы, а Машу – в Золушки! От послушной-то пользы больше будет... Одобряешь?

– На совет у тебя Советник есть. Он и из-под дивана твякнет, что надо. А я хочу послушать, что скажет папина дочка, Ёжикова невеста... Она ведь, кажется, ещё не ответила окончательно? – Голос старика стал ядовито-нежным.

– Я ответила! – гордо сказала Маша. – Могу повторить: нет. Ни за что! Никогда. Я уже сказала: *чур*, я буду смелая и, *чур*, Тыковкину помогать не буду.

– Маша никогда от своих слов не отказывается! – выкрикнула, захлопав в ладоши, Ирочка.

– Значит, Машу – в Золушки?

– Правильно, так ей и надо! – подтвердила Элиза, облизывая измазанные в шоколаде пальцы. – У меня-то всё получится, если Ирка мешать не будет. Ирку больше, чем Машу, надо изолировать. Или превратить во что-нибудь. Ваш этот Мерзеро прав. А то она всё меня ругала и не давала подличать.

– Моя фамилия Мерзин, девочка, – недовольно поправил её Советник Евсейка.

– Ой, извините, дяденька! – спохватилась Элиза, испугавшись, что она раньше времени заважничала, как королева.

А старик с пронзительным хохотком сказал:

– Да успокойся ты, Евсейка. Нашёл на кого обижаться! А вот Ирка – это серьёзно! Эта может помешать, может. Она и для Нолика опасна, не только для Элизы. Потому что, если не ошибаюсь, очень ей хочется на *Ниночку* из рассказов Машиного папаши походить – ту, что всегда хулигана Тыковкина побеждала. Помнишь, Нолик, такую? Ну, конечно, помнишь. Ты тогда мальчишкой был, всё шkodничал, а она тебя укрощала. Откуда, правда, папаша Машин про неё разужнал, не могу в толк взять. Но не в том дело. Опасаюсь я, что, может, она и есть *Ниночка*, только, как и Элиза, прошлое своё забыла с тех пор, как куклой стала. А узнать про это точно не могу. Добрые души, уввы, для меня закрыты, в них читать не умею. Но тем более... тем более надо её приструнить как следует.

– А папа и про тебя рассказывал! – воскликнула громко Маша, чтобы отвлечь Карачуна от Ирочки. – Только я думала, что ты в горах живёшь, а не здесь... А Ворчуном ты обманно назвался!

– Да ну тебя, девочка! Уморишь старичка со смеху. Какие уж у нас горы! В болотце перебиваться приходится. Вот Ёжик твой – он точно из горной и лесистой страны сюда по глупости забрёл. А мы его и поймали. Что же касается имени моего, то оно у меня разное: кому – дед Ворчун, а кому и старик Карачун. Для Элизы я Ворчун, а для Ёжика твоего уж непременно Карачун. А кем с тобой быть – не решил пока.

Он пристально посмотрел своими ядовитыми голубыми маленькими глазками в Машины честные, ясные глаза, но Маша выдержала

его взгляд. А про себя подумала, что, хоть и случайно она Карачуна на «ты» назвала, извиняться не будет.

Тыковкин, наморщив лоб, обратился к старику:

– Говорил же я, что папаша её для нас опасен. Ведь всё им записанное в Книгу – навсегда остаётся. Не хватало ещё, чтобы он о моём происхождении и о связи с тараканством туда вставил! У меня среди людей солидное имя заработано. И пока есть шанс эту Книгу нам заполучить, я хотел бы в людском мнении быть примером и образцом *настоящего человека*. Хоть бы – *помогай нам Таракан* – не успел он ничего про меня в эту Книгу записать. Потом оттуда не вытравишь. А проклятый Чур мог ему о нас рассказать!.. А вдруг, старик, он туда и то, как тебя победить, написал? Вот ужас-то был бы!

– Ну уж, Нолик, ты загнул! Этого, кроме тебя, никто не ведаёт! – скривил губы в полуулыбке Карачун.

– Но я-то *молчу, как таракан!* Я ж с тобой одной верёвочкой повязан. Ладно, не будем о грустном. Давай о приятном. В кого мы эту бывшую куклу Ирочку обратим?

– В жабу, полагаю я. В болоте ей самое место, пусть там сидит и квакает, раздувается, храбрость свою показывает, пока её кто-нибудь не слопает.

И Карачун неспешно принялся наматывать на палец свою длинную бородёнку.

– Вот уж лучше не придумаешь! Молодец, дедушка Ворчун! – Элиза даже руками всплеснула от удовольствия.

– Что скажешь, Советник? – спросил Тыковкин. – Ты ж у нас умница-разумница!

Усатенький Мерзин на итальянский манер завёл вверх глаза, сжал колени руками, потом голову вбок наклонил, глаза полуприкрыл, изображая задумчивость, и сказал:

– В принципе, я согласен. Но в этом варианте видится мне теперь и некая опасность. Не возмутит ли она болота?.. Ведь она очень вздорное существо. Может, лучше эту Ирочку обратить во что-то неодушевлённое... Например, в метёлку, которой Маша будет в жилище Карачуна пыль да золу разбрасывать. Мне кажется, и для Маши это будет дополнительным наказанием: знать, что грязная метёлка в её руках – бывшая, так сказать, сестрёнка.

– Соображаешь, когда хочешь! – похвалил его Тыковкин и обратился к колдуну: – Тебе, старик, решать.

– Вы не посмеете! – крикнула Маша и загородила собой сестрёнку. – Я сама... я сама вас заколдую!.. И превращу в этих... в противных тараканов! Чтоб все видели, кто вы!

Тыковкин рассмеялся:

– Ой, как испугала!

– Она не умеет колдовать, – успокоила его Элиза.

– А ты, предательница, не лезь! – снова крикнула Маша, чувствуя, что больше всех ей противна здесь Элиза.

И тогда неожиданно Ирочка вскочила на стул, со стула на стол, пробежала мимо Карачуна, прыгнула на подоконник, и оттуда последний раз в этот день зазвенел её голосок:

– Маша, не бойся! Я ещё вернусь! Мы их победим!

И ловко спрыгнула с подоконника во двор.

– Эй, держите её, хватайте её! – растерянно залепетал Тыковкин, беспомощно размахивая руками.

– Да-да, – подхватил Советник. – Окно надо закрыть!

Маша тоже вскочила на стул и увидела, как Ирочка бегом, не оборачиваясь, скрылась в лесу, в темноте кустов и деревьев. Советник торопливо закрыл окно. Тыковкин мрачно смотрел в пол. Элиза хныкала.

– Ну, ничего, ничего, – сказал Карачун, – далеко не убежит. Всё равно отсюда выхода нет. Утром по её следам руконогих пустим.

Обозлившийся Тыковкин исподлобья оглядел всех, словно искал виноватого, потом постучал кулаком по столу:

– Что ж, что ж, пусть побегаёт! Пощады ей не будет, *клянусь Тараканом!* Такие шутки над ней пошучу, что заплачется.

Он подошёл к стеклянной двери свинарника, открыл её.

– Эй вы! Начавкались? Будет с вас. Выходите, дело есть.

Длинноухие слухачи, грязные, с повисшей на костюмах размокшей соломой, вошли в комнату.

– Отправьте её в тёмную! – приказал Нолик, указывая на Машу. – Пусть посидит. А мы пока с нашей, так сказать, будущей королевой кое о чём поговорим.

И усатенькие, с мутными глазками слухачи послушно схватили девочку за плечи и потащили к одному из стеклянных шкафов с книгами. Шкаф и книги оказались не взаправдашными. Не то что у Маши дома! Один из тащивших нажал на блестящий гвоздь на верхней полке, и шкаф отъехал в сторону. За ним открылась тёмная крохотная комнатка размером чуть больше гардероба. Машу втокнули туда, шкаф встал на прежнее место, и девочка осталась в полной темноте. Да к этому ещё беда – не одна! Вокруг кто-то ползал, шуршал, шелестел. Кто-то быстро пробежал по её ноге, кто-то свалился ей на голову. Маша смахнула рукой свалившегося и догадалась, что окружена тараканами. Вначале ей стало страшно, но она затопала ногами и услышала разбежавшийся в разные стороны шорох. Это убегали тараканы. Они её тоже боялись. Тогда Маша немножко успокоилась и принялась ждать, что же будет дальше. Тем более что стало ей интересно и любопытно. До неё доносился происходивший в комнате разговор. Говорил Тыковкин:

– Ну-с, будущая, гм, королева, ты поняла, что должна сделать? Повторяю: вернёшься в Машин дом, снова куклой прикинешься, в комнату к её папаше проникнешь... А когда он Книгу достанет и начнёт в неё писать, ты её прямо из рук у него выхватишь – и сюда! Я научу, как это сделать. Но не вздумай со мной шутки шутить и меня обманывать – например, *не ту книгу* принести. Здесь только я шучу! Поняла?

– А я сразу стану королевой, когда принесу то, что ты просишь? – настырничала Элиза.

– Ты не должна сомневаться в моих словах, кроха. Донеси только! Всё тебе будет – и кофе, и какао, и чай с конфетами. И я, придёт время, женюсь на тебе, – обещал *правитель*.

– Но миленький мой Нолик! – капризно и настойчиво, уже почти как королева, требовала Элиза. – Ты должен мне дать что-нибудь заранее. Хотя бы то золотое колечко, которое ты Машке обещал.

– Ишь ты, цепкая девчушка! – одобрил Карачун.

– Колечко-то ты получишь, без него никак не обойтись, – кивнул Тыковкин.

– И ты мне, – ободрилась похвалой и обещанием Элиза, – ещё к нашей свадьбе должен подарить красивое белое платье, ожерелье, серёжки, браслетики и колечки с красивыми камушками. Чтоб я их всегда носила. Ведь я своими ручками грязной работы делать не буду, на это у нас Золушка есть. И ещё я хочу хрустальные туфельки. Мой принц станет самым богатым, он не какой-то там Ёжик, у которого, кроме иголок, ничего нет. Я желаю самой красивенькой стать, чтобы ты мог мной гордиться!

Внезапно Маша услышала, как вдали, на улице, ударились о землю тяжёлая капля, потом другая, потом капли застучали по оконному стеклу, а потом дробный стук сменился глухим обвальным грохотом. Маша поняла, что хлынул ливень. Сквозь шум дождя слышались, правда, по-прежнему частые удары в стекло, как бывает, когда идёт не просто дождь, а с градом. «Бедная Ирочка, – подумала она, – её до костей этот ливень проберёт. Зато, – тут же утешила себя Маша, – он все следы смоеет, и никакие руконогие её не найдут. И Элиза *воровать* не отправится».

Тыковкин, похоже, забеспокоился, насторожился, забурчал подозрительно:

– Зачем, дед, ты дождь напустил? Погодой ведь ты у нас распоряжаешься. Некстати это.

– Не я творил, – отрёкся Карачун. – Ещё кто-то...

– Чур? – дрогнул испугом голос Нолика.

– Вряд ли, – успокоил его старик. – Он давно уже в наши дела не вмешивается. Остыл. Успокоился. Никуда не лезет. Так что не нервничай. Бывает, что и сам по себе дождик пойдёт. Зато грязи больше будет. Глядишь, и беглянку куклу водой к нам принесёт. И искать не надо. Х-хе. Вот и ладно всё выйдет!

Когда начался ливень, Элиза было притихла, но потом опять запричитала:

– Только под дождиком, тем более под таким, я никуда не пойду! Под таким дождём пускай девки Чернавки ходят, всякие Ирки да Машки. А я могу промокнуть!

– Тебе и не придётся *идти*, – одёрнул её Тыковкин. – Вот, держи золотое колечко. Наденешь его на мизинец и очутишься там, где пожелаешь. А когда Книгу схватишь, перебрось кольцо на безымянный – и снова здесь окажешься.

В этот момент, напуганные дождём, с потолка на Машу посыпались тараканы. Она отмахивалась, стряхивала их с себя. Постепенно тараканий дождь прекратился, противные насекомые попрятались в свои щели. И она снова смогла слышать, о чём говорят в комнате.

– Ну что ж, отправили нашу, так сказать, будущую королеву, *слава Таракану!* – сказал с надеждой в голосе Тыковкин. – Сумеет ли?..

– *Дай Таракан ей удачи,* – поддакнул Мерзин.

– А я полагаю, справится – шустрая девчушка! Всегда надежду подавала. Что теперь делать? Делать теперь нечего – отправили. *А от нечего делать и таракан на полати лезет.* Пора и нам расходиться... – донёсся продолжительный зевот Карачуна.

«Неужели я здесь навсегда останусь? В этом чулане, в темноте, с тараканами, без еды и питья? – вдруг с ужасом подумала Маша. – Они ведь нарочно про меня забудут. Но я всё равно не буду плакать и просить пощады. Потому что стыдно перед такими злыми унижаться. Ничего, потерплю. Мой Ёжик тоже, наверно, терпит».

А Тыковкин тем временем подсчитывал:

– Если наша, так сказать, доблестная Элиза справится *там* со своей задачей, скажем, в течение часа, *здесь* всё одно не меньше суток пройдёт. Значит, раньше завтрашнего дня её ждать не приходится. Так что старик прав. Можно вам и отдохнуть немного. Мне-то ещё всё равно работать придётся. За всех вас думаю.

– А я, Нолик, пока под диваном сидел (кстати, спасибо тебе за это!), не без пользы там время провёл, – прощуршал с хрипотцой Советник Евсейка. – Тоже кое-что придумал.

– Говори. Только короче, – оборвал его Тыковкин, – если сможешь, конечно.

– Ничего-ничего, пусть поговорит, – тоненьким своим голоском возразил Карачун.

– Так вот, – заторопился Мерзин, – я под диваном новый лозунг придумал. Очень действенный, мне кажется. И тараканьим массам доступный... Его тоже можно запустить. Послушай, Нолик, как звучит: **ИЗ ГРЯЗИ – В КНЯЗИ!** Ловко, а?

– Это ты про себя, что ли, в грязи валяясь, придумал? Или про слушачей наших, шпиончиков разлюбезных? – охлаждающе хмыкнул Тыковкин. – Всех, значит, в князья, а меня куда?.. Вам прислуживать?

– Что ты, Нолик, что ты!..

– Смотри у меня! А то слишком много прыти. Боюсь, как бы меня не обскакал. Ладно, не вешай нос. Я подумаю. Однако не самая это твоя большая удача, Советник. Сочиняй ещё, работай, работай. Тебе за работу платят, а не за то, чтоб ты под диванами отлёживался. *Давай, таракань мозгами.* А теперь идите все прочь! Я сосредоточиться должен. Не волнуйтесь, Нолик за всех за вас постарается. Такова уж у меня, у атамана вашего, обязанность – за всех решения принимать. Ну, вон отсюда! Некогда мне!

– Да ведь ливень какой!.. – осмелился было Евсейка.

– Ничего, не сахарные. Мокрые да грязные вы лучше смотрите! Сам же говоришь: **ИЗ ГРЯЗИ – В КНЯЗИ.** Вот и давайте в дождь да в грязь. До завтра. Может, Иркут где углядите... А ты, старик Карачун, останься. Нам ещё с Машей надо разобраться.

Маша замерла, даже постаралась не дышать.

Когда за ушедшими хлопнула дверь, Тыковкин предложил:

– Думаю, тебе её надо забрать. Не кричит она там, не плачет. Значит, тараканов не испугалась. Попробуй её помуштровать, Золушкой сделать. *Надо её нам подчинить*. Да не только угрозами и работой непосильной, а, знаешь, как в народе говорят, – *таской да лаской*. То ты добрый дедушка Ворчун, то грозный старик Карачун. Пусть в грязи поживёт, к грязи привыкнет. Чтоб запачкалась вся до самого нутра. Да Ёжика ей покажи, да вели ей мимо окна его зарешёченного с водой и едой ходить, а ему не давать. Приучай её к гнусности да подлости! Как следует приучай! Вдруг у Элизы не получится, мы тогда Машку-замарашку пустим. Уж она лучше *скрадёт-тараканит*, чем какая-то там Элиза.

«Ни за что в грязи ходить не буду! Ничего у вас не получится! – думала Маша. – Меня мама к чистоте приучила. А Ёжика мне бы только увидеть! Уж мы бы придумали, как от вас убежать».

Но когда Карачун выдернул её за руку из темницы в светлую комнату конторы, она ужаснулась: какой грязнулей и замарашкой она стала всего за один час! Вся в пыли, в паутине, платице запачкано извёсткой, сыпавшейся с потолка...

Тыковкин радостно рассмеялся:

– Ну и чушка! Вот начало и положено.

Вместо ответа, вырвавшись из лап Карачуна, Маша принялась усердно отчищать одежду, стряхивая с себя паутину и пристроившихся в складках платья тараканов. Но старик решительно сгрёб её двумя руками и перекинул через плечо, придерживая третьей. От него противно пахло болотом. Она попыталась отбиваться, лягаться, колотить кулачками по спине, но старик только пронзительно хихикал. И зашагал к двери – с Машей, висевшей у него через плечо. Пройдя прихожую, вышел на крыльцо. Дождь ещё лил.

Карачун скинул девочку с плеч, поставил на ноги и приказал держаться за перила. Огляделся, подёргал себя за бородёнку.

– Эх разбушевалось! Где теперь слухачи-шпиончики и Евсейка-Советник – *один Таракан ведает!* – с удовольствием, тоненьким голоском пронзая шум дождя, протянул злой старик. – Надо полагать, *карачун им пришёл*. Хотя нет, эти не утонут – они легче воды. Вот Ирке твоей точно хана. Зря убегала. Старших надо слушать.

– Не всех! – сердито ответила Маша. – Только маму, только папу! А плохих не надо.

– А чего плохого я ей желал? – удивился Карачун. – Стала бы лягушкой да квакала в своё удовольствие. Никакой дождь не страшен. Потом её, голубушку, кто-нибудь непременно бы слопал, может быть даже, я. Но пока бы пожила, в болоте побултыхалась. Тебя вот в воду бросить – небось, сразу потонешь!

Маша в испуге крепче вцепилась в перила, но возразила:

– Я плавать немного умею...

– Х-хе! Из такой стремнины не выплывешь. Ладно, не дрожи, это я шучу. Насчёт тебя мне другое задание дадено. Пока я для тебя не злой старик Карачун, а дедушка Ворчун, *если слушаться меня будешь*. А теперь подумаем, как нам до хатки моей добраться. Один бы я и по воде пробежался... Ну да ничего, ничего. Сядешь мне

на спину. И держись. Упадёшь – пропадёшь! Тогда уж я тебя не вытащу. Потому как, когда по воде идёшь, о себе думать надо.

Он снял сапоги, разматал и стащил с ног длинные грязные портянки, сунул их в карман ватника. Сапоги связал и прицепил к поясу. Ступни у него оказались удивительно плоскими, как кухонные доски, на которых мама резала хлеб, овощи или мясо. Старик нагнулся, почти распластался, и Маша принуждена была влезть к нему на спину. Третьей рукой он подвинул её так, чтобы ему было удобнее. Девочка ухватилась за воротник его набухшей от дождя ватной куртки.

*«Маша верхом на Карачуне».
Художник Наталья Григорян*

Карачун перестал её поддерживать. Он опёрся одной рукой о воду, затем шагнул другой, потом ногой... И так, попеременно выкидывая вперёд то руку, то ногу, зашагал по воде на своих пяти конечностях, как громадный жук-плавунец.

Под дождём Машино платье сразу промокло, ноги её болтались в воде, сандалики тут же размокли, потяжелели и ещё через несколько карачуных шагов соскочили и мигом пошли на дно. Маша вскрикнула, но старик, конечно же, не остановился. Почему-то ей ужасно жалко стало своей обуви. И только теперь она до конца почувствовала, в какую беду попала. Всем здесь она чужая, все хотят причинить ей зло. Она храбро держала себя с Тыковкиным, не ныла. Но тогда надо было сопротивляться, чтобы противный Нолик не получил папину Книгу. А теперь, сидя на спине Карачуна, она горько заплакала, словно потеря сандаликов оказалась самой горькой неприятностью за этот день. Она плакала, слёзы смешивались с дождём, а она всё не могла остановиться. Карачун тем временем миновал потемневшие от влаги серые пятиэтажные дома, потом водной гладью пересёк то место, где располагалась игровая площадка для руконогих детей и подростков, и двинулся к виварию. Виварий стоял полузатопленный. «Бедный мой Ёжик Карлуша! Что с ним?» Маша сразу перестала плакать. Теперь после разговора с Тыковкиным она была уверена, что Ёжика заточили именно сюда.

Вода поднялась примерно до середины железного забора, окружавшего это здание с синими железными дверями. Карачун уверенно подошёл по воде к воротам, отомкнул и снял замок. Маша вдруг почувствовала, что Карачун стоит на чём-то твёрдом и своей третьей рукой стаскивает её со спины.

Она оказалась на глиняной крыше той самой избушки посреди болота, которую раньше видела издали, из-за забора.

– Добрались, – сказал Карачун. – Часа через два всё слышно. Тогда тебе работа найдётся. А пока обсохнуть надо и поесть

что-нибудь. Дедушка Ворчун похлёбочку сейчас сготовит. Вкусненькую! У меня здесь самый уютный домишко, со всеми припасами. Весь день по болоту-то намаешься, вечером в тепле у огонька посидеть хочется. Чего удивляешься?.. Как, дескать, в дом попадём?.. Попадём, в этом уж не сомневайся! У дедушки всюду ходы и выходы, но постороннему глазу их не видать. Волшебное слово для того имеется.

Он поднял вверх указательный палец и важно произнёс:

– Сим-сим, откройся!

И точно, в крыше, неподалёку от трубы, отворилась дверка. Но Маша не пошла к ней, даже в сторону отступила и воскликнула:

– Это же моё слово! Мы с папой так играли, когда я маленькой была! Он меня научил, если лифт долго не шёл, сказать «сим-сим», и тот сразу приходил. Как будто я колдую. А ты наше слово подслушал и утащил!

– Это ещё неизвестно, кто у кого. Прав Нолик: слишком много твой папаша про нас знает, даже слова волшебные, которыми я пользуюсь.

Он цепко ухватил Машу за руку, так что не вырваться, и повлёк за собой к лазу в свой дом, в своё *логовище*. Едва они вступили на лестницу, спускавшуюся вниз, как дверь за ними захлопнулась, стало темно. Но тут же загорелись свечи в подсвечниках, стоявших вдоль стен. И при этом дрожащем свете девочка смогла рассмотреть обиталище страшного старика.

Это была большая квадратная комната, совсем без окон, замусоренная и захламлённая до безобразия. В дальнем углу стояла широкая русская печь с лежанкой, покрытой серым тряпьем. В центре комнаты – выложенный камнем очаг. Над ним на железном крюке висел большой медный котёл, под котлом куча мокрых дров. Спустившись к очагу, старик дунул, подняв облако золы и пыли, потом дыхнул пламенем, и дрова вспыхнули. Машины босые ноги утонули сразу в грязи и отбросах, покрывавших пол. По всей комнате были разбросаны куски угля, доски, ветки с пожухлыми листьями. А на нитках с потолка свисали сушёные змеиные головы.

– А вот я за похлёбочку примусь, – бормотал Карачун, приплясывая перед огнём. – Водичка в котле запасена, а в бидончике ещё и несколько жабочек осталось с головастиками, так мы их туда, туда. И десяток слизнячков в коробочке под камушком припрятано, и их туда же, в котёл. А вот и гадючки болотные под ногами вертятся, как раз две штучки, для остроты, тоже в похлёбку пойдут. И картошечки гнилой для сытости да для смаку. Из зелени я только лебеду признаю, вот охапку с утра нарвал. И её в супчик. Славно-то всё как получится! Налупимся до сытого брюха, и я спать лягу. А ты остатки-то на пол выльешь да золой сверху присыплешь, чтоб погрязнее было. А дело сделаешь – у очага в золе прикорнуть можешь. Утром Нолик к нам зайдёт, пойдём твоего Ёжика смотреть да дразнить. Что нос-то ворошить? Что тебе не по нраву, душечка? Или похлёбка моя противна?

– Противна! – твёрдо сказала Маша. – И ты тоже.

– Ну вот! Не угодил! А ведь хотел угодить-то, – сделал изумлённый вид Карачун. – Что же, лягушачьей икрой тебя прикажешь кор-

мить? Так это редкость, самому не всегда полакомиться удаётся. Ну, хочешь, погрызи свиную голову – свинку-то Нолик сожрал. Я её для него из наитолстейшего таракана смастерил. Не хочешь – голодай тогда! Авось, сговорчивее станешь. Не случайно Нолик приказал тебя в чёрном теле да в грязи держать, если мне не подчинишься.

– А что ты так *Тыквочкина* боишься? – съязвила тогда Маша. – Ведь это ты его в тыкве вырастил, а потом из таракана в человека превратил.

– А тебе откуда известно? – охнул Карачун.

– Нам с папой и мамой *один человек* рассказал. По имени *Чур*.

– А папаша всё это в *ту Книгу* записал?

– Наверно.

– Ах ты, *Таракан его поберу!* – Карачун сцепил перед собой две руки, а третьей почесал в затылке. – Ну и что! Да, превратил! А теперь, да, боюсь!.. Допустил ошибочку!.. Хотел какого-нибудь редкостного подлеца создать, чтоб людишкам насолить да дурачку Чуру доказать, что Зло сильнее Добра. Ровесники мы с твоим Чуром, *вместе в школе Волшебства и Тайнознания учились*. Я ему на многих примерах не раз пытался показать, что Добро бессильно, что оно может только помогать и советы давать, а силой навязывать ничего не вправе. Вот и проигрывает всегда, ведь Зло активно. Добрый никогда не нападёт исподтишка, а злой по-другому не умеет – только тайком, только подло! Вот я такого и создал – без стыда и совести, да не одного, а целую семейку! Теперь ему служить приходится. Ну и что?! Ну и служу. Хочу и служу. И не хочу – всё равно служу. Нолик умеет всех себе на службу поставить. И меня в том числе. Он, может, *тайну моей гибели знает*. Знает, *где та утка скрывается, в которой яйцо, а в яйце иголка с моей смертью*. Вернее, скрывалась. Теперь её Нолик в своём сейфе держит.

– Это же у Кашея *иголка в яйце*, – вспомнила Маша.

– Кашей-то – старшенький мой братик был. Пропал голубчик. Всё красавиц воровал да с витязями сражался – такой прыткий! И золотишком баловался, в сундуках копил. А я – укромный, болотный, красавиц мне не надо. Если и попадётся случайно какая-нибудь царевна, я её в лягушку мигом – пусть в болоте бултыхается. Иной девице повезёт – найдёт своего принца, своего королевича, он её и расколдует. А иную так за ужином и скушаю или в похлёбочку пущу. И никто не узнает, никто со мной сражаться не полезет, а мне и хорошо, втихомолку-то. Да, а с Ноликом промашка вышла. Я его создал, а он меня превзошёл. В подлости ему равных нет. Ну, это понятно: власти хочет. А до власти только подлец и добирается.

Его пронзительный голосок был такой же едкий и гадкий, как и кушанье, которое он готовил. Запах карачуньего супчика вызывал на глазах слёзы. А старик, почёсываясь попеременно тремя руками, продолжал болтать, длинной клюкой помешивать своё варево, изредка на пробу отхлёбывая прямо из котла. Наконец, решив, что пища готова, дунул в очаг, гася огонь.

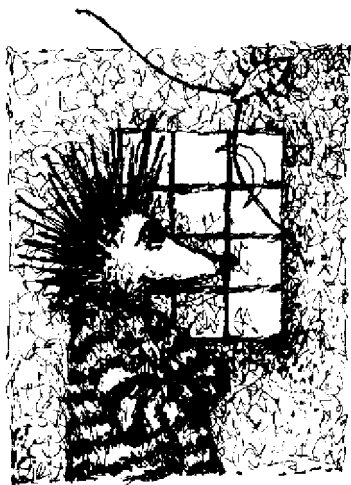
– Значит, не хочешь моей похлёбочки отведать? А жаль. Она как лекарство. Съешь – и никакая грязь тебе не страшна. Она как бы

частью тебя самой становится. Ты ещё глупая и не понимаешь, что грязь да болото – основа жизни. Болото – оно вроде бы стоячее, но одновременно изменчивое и непостоянное. Совсем как я. Ну, например, сколько я раз кому слово ни даю, сколько ни обещаю – ни разу не сдержал и не выполнил. Скажем, пригласил я как-то дурачка Чура к себе – посидеть, молодость вспомнить, поговорить о том о сём, а сам его предал, сдал прямо в лапы папахена Нолика Тыковкина, а тот его в тюрьму засадил. Я и Ёжика твоего сюда заманил, нашептал ему, что Нолик против тебя здесь козни строит, что я помогу ему их разрушить, он и прибежал. К тому же у него с Тыковкиными давние счёты. Он один раз Ноликового папахена *чуть не сдул*.

Опасаясь перебить его, чтобы не сменил старик тему и продолжил рассказ о Ёжике, Маша всё же не удержалась, спросила:

– Что значит «чуть не сдул?»

– Ну-у, это просто. Все эти оборотни руконогие гордятся, что они *как люди* стали, пыжатыя, раздуваются от важности. Но если их ежиной иголкой ткнуть, они мигом съёжятся и снова тараканами обратятся. А Тыковкины из руконогих самые важные. Вот твой Ёжик в давние времена своей иголкой едва в старшего Тыковкина не попал! Но промахнулся, к счастью. Его тогда тыковкинская команда сумела скрутить. Хотели иголки из него повывёртывать. Он, однако, из тюрьмы сбежал. Незадача вышла. А иголки ежиные нам и сейчас на всякий случай нужны. *Но не от всякого ежа они годятся. Только от принца*. Вдруг тараканам снова в щель надо будет забиться... Тогда без иголок никак! Вот я и ухитрился Ежа Карлушу под замок посадить, а следом за ним и ты прибежала своего принца искать. Вот я какой, деточка!.. Ладно, теперь на лежанку – и поспать чуток, пару-другую часиков. А ты – за дело!

«Ёжик в тюрьме».
Художник Наталья Григорян

Быстро перебирая пятью конечностями, Карачун взобрался на печь и через минуту пронзительно засвистел носом сонную мелодию. А Маша стояла и думала: «Вот я почти всё знаю и про Тыковкина, и про Ёжика, и как нас сюда заманили, а что толку! Ведь главного не знаю: как папе помочь и как Ёжика выручить... И Ирочка неизвестно где. А Элиза, наверно, как раз сейчас Книгу ворует... Но чтобы папе помочь, надо Ёжика освободить, тогда он всех руконогих назад в тараканов сдует... А как его освободить?.. Кажется, я поняла, что мне сначала надо сделать!..»

Продолжение следует.

**Ольга
ПРОКОФЬЕВА**

ЗНАКОМЫЙ «НЕЗНАКОМЕЦ» КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ВЫСТАВКИ

У каждой выставки есть своя история. История возникновения замысла, поисков и находок, предъявления уже оконченной работы публике, а потом и сама «жизнь» выставки.

В нынешнем году одному из замечательных и оригинальных дарований Серебряного века – литературному критику, переводчику, исследователю языка, в том числе

-
- Ольга Владимировна Прокофьева – старший научный сотрудник музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского.

детского, автору чудесных детских стихов и сказок Корнею Ивановичу Чуковскому исполнилось бы 135 лет. Разумеется, как музей литературный, музей Н. Г. Чернышевского не мог оставить незамеченным это событие. К тому же известно, что имя Чуковского волею судеб связано с именами Чернышевских и Пыпиных. Поэтому в юбилейном году было намечено открытие выставки, и началась привычная музейная деятельность: подготовка к выставке, которая была названа «Я для читателей знакомый незнакомец».

Возможно, такое название удивит. Однако и сам Чуковский, человек, чьё творческое наследие поражает многогранностью, не без некоторой горечи писал в 1965 году Александру Солженицыну: *«С 1914 года по сию пору я для читателей знакомый незнакомец. Автор «Мойдодыра», «От двух до пяти» и «чего-то такого про Некрасова...»*¹

Действительно, стихи и сказки «дедушки Корнея» входят в жизнь любого ребёнка очень рано, быстро запоминаются, становятся любимыми и передаются позже по наследству уже повзрослевшими детьми своим детям и внукам. Официальные данные Российской книжной палаты за 2016 год свидетельствуют, что в топе 10 самых издаваемых авторов детской литературы первое место принадлежит К. Чуковскому, общий тираж книг которого составляет 2,350 тыс. экземпляров².

Хорошо знаком всем и Чуковский-переводчик, хотя известно: читая с упоением переводную литературу, мало кто заглядывает в выходные данные книги, чтобы узнать имя переводчика. А ведь именно в переводах Корнея Ивановича русский читатель увидел многие произведения У. Уитмена, Р. Киплинга, О. Уайльда, М. Твена, О. Генри, А. К. Дойла. Это в его пересказах дети открывают для себя «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Барона Мюнхгаузена» Р. Э. Распе, «Маленького оборвыша» Дж. Гринвуда.

Гораздо меньше широкой публике ведом Чуковский-исследователь – автор работ о Н. А. Некрасове, о самых знаменитых его литературных современниках: А. Чехове, Л. Андрееве, А. Блоке, А. Ахматовой, В. Маяковском, М. Горьком.

И можно уж совсем не сомневаться, что лишь единицам будет известно о дружеских отношениях Чуковского с членами семей Чернышевских и Пыпиных. А между тем некоторые события их знакомства вполне могли бы стать страницами приключенческого романа.

«О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ ГОТОВИТ...»

...музей! – так можно смело продолжить пушкинскую строчку. И это будет истинной правдой!

Музейный экспонат – великий рассказчик! Даже один-единственный, он способен поведать занимательные, трогательные, драматические, поучительные истории, помочь распутать и понять переплетения человеческих судеб, зримо представить целую эпоху.

Музейщики знают: сложная, хлопотная, но увлекательная работа – сбор материалов для выставки – почти всегда вознаграждается открытием. Не всегда грандиозным, но непременно интересным. Что совершенно неудивительно! Ведь музейные фонды – настоящая сокровищ-

ница. Отобранные к выставке экспонаты: фотографии, письма, странички мемуаров, мемориальные вещи, – очутившись рядом, вдруг складываются, словно пазлы, в картинку, и – волшебство! – всё «обретает цвет и звук, И плоть, и страсть!» Знакомые персонажи поворачиваются незнакомой гранью своей личности, по-иному высвечиваются ранее известные факты, по-новому прочитываются строчки писем и дневниковых записей. Когда же выставка будет «рождена» и явлена зрителям, то и они смогут пережить радость первооткрывателя.

Экспонаты, подготовленные к выставке, посвящённой Чуковскому, рассказали историю взаимоотношений Корнея Ивановича и нескольких поколений семей Чернышевских и Пыпиных.

Многие фотографии, обнаруженные в фондах, сделаны Михаилом Николаевичем Чернышевским³ (кстати, превосходным фотографом, получавшим за своё мастерство награды на российских и зарубежных выставках). На фотографиях – начало XX века: 1900–1907 гг. Миловидные нарядные женщины, элегантные мужчины – Вера Александровна Пыпина⁴ с мужем Евгением Александровичем Ляцким⁵, её братья, приятельницы – в петербургской квартире, на даче в местечке Меддум⁶, где у Михаила Николаевича и Пыпиных были небольшие участки земли.

Начало знакомства Чуковского с Пыпиными, судя по дневниковым записям Корнея Ивановича, относится к 1906 году. Он, 23-летний молодой человек, редактирует довольно смело выступавший с политической сатирой журнал «Сигнал», среди авторов которого были Куприн, Фёдор Сологуб, Тэффи, Брюсов. Одновременно Чуковский работает секретарём у Ляцкого и участвует в разборе ценнейшего архива, доставшегося Вере Александровне от её отца – академика А. Н. Пыпина.

Между тем «Сигнал» на тот момент, по выражению Чуковского, дышавший на ладан и уже не увлекавший его, приносил лишь большие неприятности: за публикации в нём молодой редактор был арестован, привлечён к суду, успел посидеть в тюрьме, был выпущен под залог, однако угроза ареста и возвращения в тюрьму оставалась. Тогда-то и случилось почти детективное происшествие: «Меддумский водевиль» – как назвал его Евгений Александрович, где главным героем был Чуковский, а невольными пособниками и соучастниками стали супруги Ляцкие и Михаил Николаевич Чернышевский. В своих воспоминаниях Корней Иванович подробно и ярко описывает все события того времени⁷.

Вкратце же дело обстояло так. Когда околоточный с подмогой явился арестовать Чуковского, уже, впрочем, собравшего на этот случай вещи, тот сбежал от полицейских к супругам Ляцким. Вера Александровна сочувственно отнеслась к положению незадачливого редактора и снабдила его для похода в тюрьму модной меховой кепкой и заграничным чемоданом с наклейками, а Евгений Александрович выдал денег, заметив, что в таком виде их гость стал похож на англичанина.

Внешнее преображение и вскользь оброненная фраза зашедшего к Ляцким М. Н. Чернышевского о желанном отдыхе в чудесном Меддуме, подвигли Чуковского удрать ещё дальше от следователя со звучной фамилией Обух-Вощатынский, желавшего непре-

менно упрятать редактора «Сигнала» в тюремную камеру. А далее неожиданно для себя Чуковский отправляется в Меддум, где замечательно проводит несколько дней, выдавая себя за англичанина мистера Вильямса. Правда, спасаясь от одного Обух-Воцатынского, Чуковский попадает напрямик к его родному брату! Всё же «Меддумский водевиль» в итоге оканчивается хорошо: адвокат, защищавший Корнея Ивановича, произносит в суде блестящую речь и добивается его оправдания. Обретя свободу, Чуковский (уже не в качестве англичанина) вместе с женой снова поедет в Меддум, где увидится с Чернышевскими, Пыпиными и Ляцкими. Там же, в Меддуме, по воспоминаниям Чуковского, состоится его знакомство с вдовой Чернышевского Ольгой Сократовной. Хотя, как утверждает Нина Михайловна Чернышевская⁸, навестил он Ольгу Сократовну годом раньше, в 1905-м, в Петербурге, желая узнать об отношениях Некрасова и Николая Гавриловича.

В связи с этим стоит обратиться к некоторым документам. Хранятся в фондах музея желтоватые и хрупкие от времени странички черновика машинописного текста. Это воспоминания Н. М. Чернышевской, названные ею «Литературные друзья моего отца». Позже, претерпев некоторые изменения, часть этих мемуаров войдёт в статью «Встреча двух веков» и увидит свет в сборнике воспоминаний о Корнее Чуковском. Оба текста – и черновой, и приведённый в книге – по-своему интересны: можно проследить ход мысли автора, увидеть, что он оставил, а что убрал, что добавил и уточнил.

Хорошей иллюстрацией к разговору об отношениях, которые сложились у Чуковского с представителями нескольких поколений семьи Чернышевских, служит фотография, с которой на зрителя смотрит хорошенькая девушка в шляпке. Юной Нине Чернышевской здесь приблизительно лет девятнадцать. Она слушательница Бестужевских курсов и, по её признанию, уже хорошо знакома с творчеством Чуковского по его книгам «От Чехова до наших дней», «Лица и маски». И вдруг – нежданная удача! В 1918 году, в период работы над материалами о Некрасове, Чуковский приезжает к М. Н. Чернышевскому в петербургскую квартиру «для беседы об Авдотье Яковлевне Панаевой, книжку о которой в то время писал»⁹, а двум сёстрам, Нине и Лене, было позволено присутствовать при разговоре. Онемев от восторга, девочки слушали и слушали.

В черновом варианте¹⁰ своих воспоминаний Нина Михайловна более эмоциональна и откровенна. Она подробнее пишет о приметах того времени: о том, что в Петербурге они жили впроголодь, пили чёрный суррогатный кофе без молока, закусывая его «чёрным хлебом с «занозами», как называли солому в нём». Как раз тогда Михаил Николаевич принял судьбоносное решение о переезде в город своих предков. «В маминной комнате, – пишет Нина Михайловна, – стояли раскрытые сундуки, куда укладывались вещи для отъезда в Саратов». Она сообщает, что «Корней Иванович приступил к своему очерку «Жена Некрасова» и пришёл... побеседовать об отношениях Чернышевского и Ольги Сократовны к А. Я. Панаевой, а также об огарёвском наследстве и участии Авдотьи Яковлевны в этом деле». По её свидетельству, отец «сдержанно отнёсся к этим вопросам», поскольку

ку, строит предположение мемуаристка, *«так же, как и Николай Гаврилович, не хотел говорить о том, что набрасывало тень на Паневу»*. К тому же она даёт следующую характеристику отцу: *«С детства привыкнув молчать перед людьми о самом сокровенном, отец вырос человеком замкнутым, неразговорчивым...»*

Нельзя не упомянуть, что Некрасовым Чуковский занимался всю жизнь. За книгу «Мастерство Некрасова» в 1962 году автору была присуждена Ленинская премия, а в Оксфордском университете Корней Иванович получил Почётную степень доктора литературы за свою многолетнюю научную и просветительскую работу, прежде всего, за труды по изучению творчества поэта.

Удивительным образом судьбы Чернышевских и Пыпиных то расходятся, то вдруг снова переплетаются с судьбой Чуковского и его семьи. Так, Чуковский станет хлопотать об Н. А. Пыпине¹¹, когда того вместе с женой будут высылать из Ленинграда, как дворянина; обратится к А. М. Горькому, добьётся, что Пыпина вернут с дороги, и тот будет даже какое-то время жить в одной из комнат квартиры Чуковских. Корней Иванович многим и часто приходил на помощь: бегал по различным инстанциям, доказывал, убеждал тех, от кого могло зависеть положительное решение того или иного дела. Из его дневниковых записей за 1965 год известно, что вместе с Ниной Михайловной он составлял бумагу, как он выразился, *«о воскрешении Зоценко»*¹², чтобы послать её Суслову¹³, *«с которым Чернышевская в добрых отношениях»*. Следует заметить, что жена Зоценко была подругой Нины Михайловны по гимназии.

«У ВАС НЕСОМНЕННЫЙ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЙ ДАР...»

И снова иллюстрация к рассказу – фотография начала 1970-х гг., на которой Н. М. Чернышевская склонилась над стопками книг. Она удивительно много трудилась – довольно молодой женщиной возглавив после отца музей, успевала решать и хозяйственные вопросы, и вести исследовательскую работу. Её перу принадлежат серьёзные научные труды и художественные книги. В письме от 17 дека-

бря 1958 года К. И. Чуковский писал Нине Михайловне: «У Вас несомненный беллетристический дар, который Вы всё время держали под спудом ради научных трудов и исследований... Не зарывайте этого таланта в землю...»¹⁴.

О её литературной работе он расспрашивал, встречаясь с Чернышевской в Переделкине, а Нина Михайловна с удовольствием, доверительно делилась планом будущей книги. По просьбе Чуковского, вернувшись в Саратов, она запишет и отошлёт Корнею Ивановичу свои меддумские воспоминания.

О дружеских отношениях двух писателей поведают хранящиеся в фондах музея страницы черновиков Н. М. Чернышевской, озаглавленные «Как я стала писательницей. (К литературной биографии)». Решив написать книгу «Около Чернышевского», предполагавшую охватить большой временной промежуток и рассказать о многочисленных интересных встречах – научных и литературных, Нина Михайловна отослала письмо Корнею Ивановичу. Тот живо откликнулся небольшим, но чётким планом, которого следовало придерживаться при изложении материала, не удержавшись при этом от комплимента писательнице. Слова Чуковского так точны и образны, что их стоит привести: «...как это чудесно, что Вы владеете таким талантливым и быстрым пером. Процесс писания даётся Вам необыкновенно легко: кажется, что нужные слова сами бегут к Вам под перо. Вы не знаете «сопротивления материала»... Меня всегда восхищала флюидность Вашей речи... Вы равно владеете и научным языком, и мемуарным, и беллетристическим»¹⁵.

Музей обладает ещё одним экспонатом, который не может не привлечь внимания. Это трогательный, изящный, очень «женственный» подарок, преподнесённый Корнеем Ивановичем в августе 1963 года Нине Михайловне: тончайшие, словно паутинка, разноцветные листья работы японских мастеров. Позже их, как драгоценную реликвию, передаст в музей её дочь – Вера Самсоновна Чернышевская.

Сохранился в фондах и экслибрис «Из книг К. Чуковского», на обороте которого Нина Михайловна оставила запись: «1967. Художник Б. А. Протоклитов».

«...ОСТАЛИСЬ ЖИТЬ... СВЕТЛЫЕ МЫСЛИ О КОРНЕЕ ИВАНОВИЧЕ»

Знакомство Нины Михайловны с семьёй Чуковских поддерживалось и тогда, когда Корней Ивановича не стало. Есть в фондах несколько писем из тех, что присылали Чернышевской Лидия Корнеевна и Елена Цезаревна Чуковские в 1970–1972 гг. Маленькие листочки, чёткий, чуть размашистый почерк. В строчках писем всё: слова, интонация – свидетельства дружеского расположения. В письмах дочери и внучки Чуковского – просьба написать воспоминания о Корнее Ивановиче и уверения в важности того, что сохранила память Нины Михайловны.

Н. М. Чернышевская выполнит просьбу, и очерк, написанный ею, будет опубликован. В последнем абзаце, вспоминая напутствия Чуковского ей, писательнице, она с грустью, с какой вспоминаются лишь те, кто оставил добрую память в душе, напишет: «В Передел-

кине... у старой сосны остались жить старинные образы моих предков и светлые мысли о Корнее Ивановиче»¹⁶.

Любопытны тексты двух писем, адресованных Н. М. Чернышевской¹⁷. Одно из них датировано: 2 декабря 1972 года. В нём Е. Ц. Чуковская сообщает, что в архиве её деда хранятся два письма Чернышевской с воспоминаниями о Меддуме и встречах в Переделкине, и поскольку готовится сборник памяти Корнея Ивановича, то Нину Михайловну желали бы привлечь к сотрудничеству. На конверте письма есть надпись: «Воспоминания о К. И. Чуковском прошу вернуть из редакции «Волга». Меддумских типов прошу не печатать».

Следующее письмо имеет дату: 13 декабря 1972 года, автор тот же – Е. Чуковская. Она пишет следующее: «Глубокоуважаемая Нина Михайловна! Очень порадовалась, что Вы уже напечатали о Корнее Ивановиче. Конечно, не надо ничего брать из «Волги», но, может быть, Вы могли бы послать мне кой-что, с тем, чтоб мы тут ознакомились и рассмотрели возможность включения этих воспоминаний в сборник (журнальная публикация этому не мешает).

А «Меддумские силуэты» я не предполагала публиковать, я, к сожалению, их даже не читала».

Естественно, возникает желание узнать, состоялась ли публикация в журнале «Волга». Но это – повод для отдельного изыскания.

Так, любой музейный предмет содержит в себе таинственное побудительное начало, заставляющее производить исследования и расследования, перечитывать массу книг, писем, дневников, рыться в архивах и музейных фондах, попутно совершая бесконечные открытия, которые снова позовут в дорогу.

¹ Письмо К. И. Чуковского А. И. Солженицыну. 2 декабря 1965 года.

² Российская газета. № 91 (7257). 27 апреля 2017 года.

³ Михаил Николаевич Чернышевский, сын Н. Г. Чернышевского, первый директор музея Чернышевского.

⁴ Вера Александровна Ляцкая (Беренштам, урожд. Пыпина) – дочь академика, историка русской литературы Александра Николаевича Пыпина, двоюродного брата Н. Г. Чернышевского.

⁵ Евгений Александрович Ляцкий, историк литературы, критик.

⁶ Меддум находился в Витебской губернии под городом Двинском (Двинск – ныне Даугавпилс).

⁷ Корней Чуковский. «Сигнал». Собрание сочинений.

⁸ Нина Михайловна Чернышевская, дочь М. Н. Чернышевского, второй директор музея Чернышевского.

⁹ Воспоминания о Корнее Чуковском. Сборник. Сост. К. И. Лозовская, З. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. 1977. С. 315.

¹⁰ Воспоминания Н. М. Чернышевской. Литературные друзья и знакомые отца. Фонды музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

¹¹ Николай Александрович Пыпин, историк литературы, сын двоюродного брата Н. Г. Чернышевского, А. Н. Пыпина.

¹² Чуковский К. Дневник (1930–1969). Составитель Е. Ц. Чуковская. 1995. С. 375.

¹³ Суслов М. А. – член Политбюро ЦК КПСС.

¹⁴ Письма (корреспонденция). Фонды музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

¹⁵ Чернышевская Н. М. Как я стала писательницей (К литературной биографии). Фонды музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

¹⁶ Воспоминания о Корнее Чуковском. Сборник. Сост. К. И. Лозовская, З. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. 1977. С. 321.

¹⁷ Письма (корреспонденция). Фонды музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

**Алексей
Герасимов**

РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Я происхожу из потомственной медицинской семьи и думаю: естественно было, что я стал врачом – прослужил пятьдесят лет неврологом. В журнале «Волга–XXI век» (№ 3–4 за 2016 год) я рассказал о становлении в профессии врача, о запомнившихся на всю жизнь ошибках и сложностях медицинской работы и, конечно, о поистине великих моих учителях. Получил много добрых откликов на эту статью как от медиков, так и «от физиков и лириков». Это отзывы врачей В. Н. Лившиц и Г. С. Сахаровой, педагога Н. И. Гореловой, народной артистки России М. С. Лемешевой, биолога Ж. И. Беспаловой, физика Н. Е. Каменоградского, мастера художественного слова А. А. Киреева, журналистов Л. А. Бочковой, Т. А. Пашкиной, Т. В. Лисиной и других.

Но наряду с основной профессией через всю жизнь я пронёс увлечение искусством. Не будет преувеличением сказать, что именно радио помогло мне полюбить музыку, театральное искусство, художественное слово. В последующем, конечно, и телевидение заняло важное место в жизни.

Недавно мы отметили 90-летие Саратовского радио, а в 2017 году – ещё один юбилей: 60-летие нашего телевидения. Захотелось рассказать о той роли, которую радио и телевидение сыграли в моей жизни.

Когда началась война, мне было три с половиной года. Бабушка и я жили в Клиническом посёлке на даче (это был тогда пригород Саратова, поэтому дом наш назывался «дачей», в отличие от городской квартиры). Из тех детских военных лет запомнились зарева пожаров после бомбёжек в районе завода «Крекинг», коlob вместо хлеба, а из сладостей – тыква, которая росла у нас на огороде. Но больше всего помню висящую на стене чёрную тарелку, из которой звучали суровые военные сообщения и чару-

-
- Алексей Николаевич Герасимов родился в 1937 году в Саратове в семье потомственных медицинских работников. Заслуженный врач России. Публиковался в журнале «Волга–XXI век».

ющие звуки музыки. Мне особенно нравилось пение. С тех далёких лет полюбил я льющийся беспредельно, дивной красоты низкий голос великой Надежды Андреевны Обуховой, могучий и очень тёплый бас Максима Дормидонтовича Михайлова, сверкающий как металл в лучах солнца тенор Ивана Семёновича Козловского. А самым любимым моим певцом на всю жизнь стал «русский соловей» Сергей Яковлевич Лемешев. Именно с того времени мне знаком волшебный, чарующий голос Василия Ивановича Качалова и других великих мастеров Художественного театра.

С раннего детства радио создавало мой духовный мир, обогащало знаниями, учило понимать прекрасное, формировало вкус и правильную русскую речь. Звуковые передачи (при отсутствии видеоряда) развивали воображение, столь необходимое в искусстве «художественного рассказывания» (выражение великого чтеца А. И. Шварца), умение сделать «зримым слово». В дальнейшем у меня были удивительные учителя в самодеятельном творчестве: Н. И. Сухостав, Е. П. Каменоградский, А. Г. Василевский, В. К. Соболева, Я. А. Рубин, великая А. О. Степанова...

В шестом классе я пришёл во Саратовский Дворец пионеров к легендарной Н. И. Сухостав. Наталия Иосифовна начала заниматься со мной именно художественным словом. Работала над произведениями Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. А. Шолохова... Тогда же состоялось первое моё выступление в студии радио, которая находилась в те далёкие годы на улице Провиантской. Это была передача, составленная из произведений прекрасного саратовского поэта И. Г. Тобольского. Я читал его стихотворение «Дождик». Передача шла в прямом эфире, я от волнения в самом конце забыл одно слово, но не растерялся и ловко заменил его подходящим другим. После передачи Исай Григорьевич отметил это, но похвалил за находчивость.

Через много лет мне выпала честь участвовать в двух замечательных фильмах о моей «театральной маме»: документально-художественном «Натали» (2011 год, режиссёр Г. И. Яцкина) и документальном фильме «Сухостав» Саратовской телестудии (2016 год, режиссёр Т. Никитина, продюсер А. Лобода).

Н. И. Сухостав, А. В. Шутова, А. Г. Василевский и Алёша Герасимов в детские и студенческие годы

В 1955 году я начал учиться в Саратовском медицинском институте, сразу же стал ходить в драматический кружок, которым первые два года руководила артистка драматического театра А. В. Шутова.

ва. Она поставила в нашем студенческом театре спектакль «Студент третьего курса». Сейчас Ливия Васильевна живёт в Москве. Мы переписываемся с ней, разговариваем по телефону. Тепло отозвалась она о моей книге «Знакомцы давние мои», подарила уникальные архивные материалы, включая предлагаемую вниманию читателей дивную её фотографию 50-х годов.

Затем руководителем в драматический коллектив пришёл выдающийся мастер сцены А. Г. Василевский. Считаю его моим основным педагогом на самодеятельной сцене, всю жизнь храню в сердце благодарность и любовь за всё доброе и прекрасное, что дал мне этот замечательный человек. Андрей Германович учил нас искусству и жизни. Он поставил «Пигмалион» Б. Шоу, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова,

Сцены из показанных по телевидению спектаклей «Пигмалион» (1959 год) и «Предложение» (1960 год). В ролях: студенты-медики М. Зубарева, А. Лобанова, А. Герасимов, В. Башкиров и Ю. Гвоздев

«Каменного гостя» А. С. Пушкина, «Предложение» и «Хирургию» А. П. Чехова, «Третье слово» А. Касона и другие произведения. Наши студенческие спектакли шли на сценах театра драмы и ТЮЗа. Почти все постановки были показаны по Саратовскому телевидению.

Вот тогда, ещё в студенческие годы, стал я своим человеком на нашем телевидении, а в дальнейшем много выступал с сольными чтецкими программами. Познакомился и работал с мастерами телевидения и радио. Расскажу хотя бы о некоторых.

Большинство спектаклей А. Г. Василевского готовили к эфиру Ольга Фёдоровна Карпакова и Людмила Фёдоровна Мишина. Высокообразо-

ванные, тонкие, интеллигентные люди, относившиеся к нам – неопытным птенцам – тепло и приветливо. Как мы волновались тогда! Записи на плёнку ещё не было, спектакли шли в прямом эфире. Через много лет, когда Людмила Фёдоровна прочла мою книгу, она любезно пригласила меня в гости, сделала доброжелательный подробный разбор книги, сказав дорогие для меня слова: «Рада, Алёша, что ты знаешь много ярких, интересных слов, умеешь пользоваться ими, интересно рассказать о своих впечатлениях от увиденного и пережитого».

В середине 60-х годов я участвовал и в спектаклях Я. А. Рубина «Клоп» и «Добрый человек из Сезуана», которые тоже давались в эфир.

В 1968 году и поставленный мною самостоятельно в Доме учёных «Милый лжец» (Люся Апанасенко и я играли Стеллу и Шоу) показали по Саратовскому телевидению.

С сольными чтецкими программами я часто выступал на телевидении в 80-е годы. Литературный концерт из произведений Н. А. Некрасова, А. П. Чехова и М. Горького, а также программу «Сонеты В. Шекспира и «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина» – на телевидении готовил я с режиссёром Михаилом Абрамовичем Свердловым. С Мишей мы были знакомы со школьных лет – играли поочерёдно в ёлочном представлении сказочного медведя во Дворце пионеров у Н. И. Сухова. Целых четыре программы в 1980–1982 годах подготовил с Львом Фёдоровичем Перепёлкиным. Это были литературно-музыкальные композиции «Весна мечты моей далёкой» (А. А. Блок и Л. А. Дельмас), «Наш Пушкин» (стихи русских поэтов, посвящённые А. С. Пушкину), «Маленький герой» Ф. М. Достоевского и литературно-музыкальная программа «Певучая душа России» (С. Я. Лемешев).

Каждая из передач дорога мне. Думаю, что режиссёру Алле Максимовне Брагиной удалось интересно и естественно перенести удивительный рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой» на телеэкран (1986 год), создать необходимый видеоряд. И при этом мне было очень легко, удобно вести повествование, ничто не отвлекало меня от воплощения произведения. К тому же Алла Максимовна обратила моё внимание на некоторые чеховские тонкости, которые не были замечены мною. Например, как различно использует А. П. Чехов в рассказе серый цвет: пыльное «серое сукно» в номере гостиницы и унылый «серый забор» напротив дома Анны Сергеевны, а в то же время – прекрасные «серые глаза» Анны Сергеевны и её столь любимое Гуровым «серое платье».

В 1987 году я повторно обратился к сонетам В. Шекспира. Вспоминаю, как режиссёр программы Люда Крылова «снимала» с меня котурны, добываясь простоты и естественности исполнения, современного звучания сонетов.

Г. Бухарицын и А. Герасимов
в спектакле «Клоп»

Со сколькими дорогими, замечательными людьми познакомился я на телестудии и радио: Галина Васильевна Загумённая и Александра Васильевна Касович, Анна Ивановна Ховайко и Наталия Павловна Елшина, Татьяна Александровна Пашкина...

В 1996 году Г. В. Загумённая (многие годы она была диктором нашего радио и телевидения) подготовила телепередачу обо мне в цикле «Портреты». Галина Васильевна пришла с аппаратурой и сотрудниками студии, где она тогда работала, и сделала в зимнем саду госпиталя ветеранов войн запись.

Особо хочу рассказать о совместных творческих встречах на телевидении с Татьяной Викторовной Зориной. В 90-х годах был готов первоначальный рукописный вариант моей книги «Знакомцы давние мои». Замечательный человек, крупнейший филолог нашего города Ксения Ефимовна Павловская любезно предложила свою помощь. Она была супругой Романа Сергеевича Миротворцева (сына легендарного хирурга академика Сергея Романовича Миротворцева). Я неоднократно приходил к ней домой. Глубоко изучив мою книгу, Ксения Ефимовна написала блестящее вступительное слово к ней. Но не только. Она передала рукопись на телестудию и познакомила меня с Т. В. Зориной. Татьяна Викторовна готовила интереснейшие телепередачи о театре: циклы «Смешанный жанр», «Священные чудовища» и другие. Прочитав рукопись моей книги, Татьяна Викторовна пригласила меня для участия в своих работах. Какие это были незабываемые передачи, для которых Т. В. Зорина находила всегда неожиданную, яркую, захватывающую форму! Как интересно было работать с ней!

В 1998 году отмечалось 100-летие Московского Художественного театра. К этой дате Т. В. Зорина подготовила специальный выпуск своего цикла «Смешанный жанр». Я рассказывал о встречах с моей любимой актрисой Анжелиной Осиповной Степановой. Это было первое моё участие в телепередачах Т. В. Зориной. Естественно, я сильно волновался, но Татьяна Викторовна построила передачу в виде беседы. А затем было несколько программ «Священные чудовища». Как правило, Татьяна Викторовна приглашала для участия в них интереснейших людей, которые вспоминали ярких мастеров саратовских театров (со временем и я участвовал в таких встречах). Но Татьяна Викторовна предложила мне ещё и вести одному рассказы о любимых актёрах, назвав эти сольные мои передачи «Священные чудовища-МОНО», в отличие от основных выпусков этого цикла – «Священные чудовища-СТЕРЕО» с участием многих выступающих. Таких МОНО-передач в 1999–2000 гг. состоялось четыре: «Композитор Е. П. Камеугоградский», «В. Н. Начинкин», «А. И. Щёголев» и «Б. Н. Ливанов».

Сначала записывался мой рассказ о деятелях театра, а потом начинался сложный процесс подбора иллюстративного материала. Чего только не придумывала Татьяна Викторовна, чтобы сделать передачи яркими, живыми! Отыскивала кинокадры, редкие фотографии, находила интересные способы подачи их на телеэкране и т. д. В 2001 году мы готовили ещё одну передачу этого цикла – «К. Н. Еланская», но настали сложные для художественного вещания времена, и передачи прекратились. Прошло 15 лет, неожиданно узнал, что и эта передача сохра-

*Б.Н. Ливанов**А.О. Степанова**К.Н. Еланская**Е.П. Каменоградский**А.И. Щёголев**В.Н. Начинкин*

нилась в фондах телевидения и даже была дана в эфир в 2016 году. В душе храню самые тёплые воспоминания о совместной работе.

Как интересно бывает вновь что-то увидеть из телепередач Т.В. Зориной того времени! В 2015 году неожиданно по каналу «Россия-24» посмотрел с женой передачу о незабвенной К.Е. Павловской. Ксении Ефимовны, увы, нет с нами, а благодаря передаче она пришла в наш дом, согрела теплотой своей души. Спасибо, Татьяна Викторовна.

В 2007 году мой сын Костя подготовил альбом из двух дисков, на котором собраны вышеперечисленные телепередачи Г.В. Загумённой и Т.В. Зориной.

Всю жизнь я очень люблю радио, возможно, даже больше, чем телевидение. Но участвовать в передачах Саратовского радио я начал лишь на пороге пятидесятилетия, в 1986 году. Первые передачи готовил с редактором М.Я. Лосевой. Две передачи были чтецкими: 26 сентября 1986 года – «Певучая душа России» – о моём любимом певце С.Я. Лемешеве, и 29 июля 1987 года – «Весна мечты моей далёкой», посвящённая Александру Блоку. С этими программами я уже выступал ранее на телевидении, повторил их на радио в несколько переработанном варианте.

В цикле «Клуб выходного дня» 28 января 1989 года прозвучал рассказ о моей фонотеке и вечерах звукозаписи. Предварительно ко мне домой пришли Маргарита Яковлевна Лосева и Анатолий Иосифович Кац. Была записана совместная беседа о «сокровищах фонотеки», подобраны редкие записи. Я рассказал тогда, что в 1966 году сделал любительскую запись авторского исполнения одиннадцати произведений композитора ТЮЗа Евгения Павловича Каменоградского. А. И. Кац сказал, что это замечательно, что записи эти уникальны – их нет в фондах нашего радио.

После сказанного Анатолием Иосифовичем у меня возникла мысль сделать радиопередачу о Е. П. Каменоградском. М. Я. Лосева поддержала моё желание. Началась наша совместная работа: поиски в фондах радио фрагментов спектаклей с музыкой Е. П. Каменоградского, улучшение звучания записей моей фонотеки. С радостью выступили с воспоминаниями о композиторе Ю. П. Киселёв и Н. С. Аршинова, а З. В. Рождественская специально для этой программы записала несколько произведений Евгения Павловича. Прозвучавшая в эфире 18 ноября 1992 года передача о Е. П. Каменоградском получила добрые отзывы – звонили на радио и мне.

Эта запись, сохранившаяся в фондах радио, повторно звучала в дни празднования столетия со дня рождения композитора Е. П. Каменоградского в феврале 1997 года по саратовскому вещанию, а также «Радио-1 Москвы» (Т. А. Александрова включила её в программу «Вечеров на улице В. И. Качалова»). Кстати, в 2017 году исполняется 120 лет со дня рождения Е. П. Каменоградского. Планируется проведение вечера в консерватории совместно с театром юного зрителя.

10 февраля 1998 года я участвовал ещё в одной передаче М. Я. Лосевой цикла «Ноктюрн в прямом эфире». Тема встречи была очень дорога мне: «Медицина и искусство». Я рассказал о моём деду – профессоре-терапевте и инфекционисте Ф. Я. Китаеве, и отце – знаменитом хирурге Саратова Н. В. Герасимове; говорил о том, как в моей медицинской практике помогало мне искусство; поведал о встречах с замечательными деятелями театра, читал стихи А. С. Пушкина...

Мне посчастливилось работать ещё с двумя редакторами нашего радио – Л. А. Бочковой и Н. В. Макеевой. Память о встречах с ними храню в сердце.

Моя любимая актриса – Ангелина Осиповна Степанова. Я неоднократно видел её на сцене Московского Художественного театра, хорошо знаком с её работами на радио, на протяжении сорока лет дружил с ней, переписывался, разговаривал по телефону, бывал дома и даже учился у неё (она работала со мной над рассказом К. Г. Паустовского «Тост»). К её 90-летию на Саратовском радио я совместно с Лейлой Аббасовной Бочковой подготовил передачу, в которой прозвучали редкие записи великой актрисы и мой рассказ о встречах с ней. Эта наша передача прозвучала 25 ноября 1995 года, в один день с юбилейной программой «Радио-1 Москвы» (бывшего Всесоюзного), в которой был репортаж о праздновании девяностолетия легенды русского театра А. О. Степановой.

Этот праздник театра записала Т. А. Александрова. Я знаком с ней. Татьяна Андреевна выполнила мои просьбы (например, оты-

скала и дала в эфир очень редкую запись дуэта П. И. Чайковского «Ромео и Джульетта» в исполнении С. Я. Лемешева и И. И. Масленниковой). Т. А. Александрова даже упомянула обо мне в своей книге «Записки «радиота». Приведу фрагмент главы «Вечера на улице Качалова»: *«К 90-летию Анжелины Осиповны Степановой мне удалось записать её чествование, которое проходило в нижнем фойе (теперь оно называется портретным) МХАТа им. Чехова. После этого я сделала большую юбилейную программу для «Вечеров», посвящённую ей, куда вошли и фрагменты из приветствий, её ответная речь на этом празднике и сцены из спектаклей... Я получила множество писем от благодарных слушателей. Одним из них оказался врач из Саратова Алексей Николаевич Герасимов, большой театрал, который был многолетним поклонником Степановой и был лично с ней знаком. У нас с ним завязалась переписка, от него я получила по почте интересный материал о Саратовском ТЮЗе, его любимом театре детства и юности. Эта его передача (о Е. П. Каменоградском) шла на Саратовском радио, и я с удовольствием познакомилась с ней радиослушателей «Вечеров на улице Качалова». Потом, когда уже не было нашего радио, он приехал в Москву, и мы с ним встретились...»*

Была у меня и ещё одна подготовленная с Л. А. Бочковой программа. В 2000 году отмечалось 55-летие Победы. В фондах радио я обнаружил монтаж спектакля ТЮЗа «Настоящий человек» по повести Б. Полевого. Пришлось провести «исследовательскую работу» для уточнения даты этой старой архивной записи. Выступил со вступительным словом. Нам с Лейлой Аббасовной были приятны тёплые отзывы радиослушателей.

Шёл 1999 год – год двухсотлетнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина. Разве мог я утерпеть и не подготовить цикл лирических стихотворений моего любимого поэта? «Бегут, меняясь, наши лета» – так назвал эту программу. Редактор Надежда Викторовна Макеева подобрала поразительно подходящее музыкальное сопровождение (когда я слушал передачу, было полное впечатление, что музыка звучала во время моего исполнения). Премьера в эфире состоялась 17 февраля 1999 года в цикле «Любимые строки». Было и продолжение у этой программы, но об этом – немного позже.

В то время я писал книгу, которая, благодаря помощи О. П. Табакова, П. В. Глыбочко, В. А. и В. В. Польшинных и других добрых людей, «состоялась» в 2005 году под названием «Знакомцы давние мои». Вышла она в издательстве «Аквариус» (директор Н. А. Ущева).

Но в 1999 году были написаны лишь отдельные главы, я очень сомневался в успехе моей книжной затеи. И вновь помогло Московское радио (хотя бывшее Всесоюзное радио переживало тогда очень тяжёлое время перед своим окончательным закрытием, но продолжало создавать удивительные передачи). В то время «Театральные вечера» вела редактор Елена Гудкова, которая сделала мне необыкновенно дорогой подарок: дала возможность в «Театральной шкапулке» услышать редчайшие записи А. О. Степановой – фрагмент третьей главы «Евгения Онегина» («Татьяна, милая Татьяна...») и сцену из «Дядюшкиного сна» (исполнители О. Л. Книппер-Чехова

и А. О. Степанова). Елене Гудковой послал я мои главы воспоминаний о встречах с А. О. Степановой. Материал этот Е. Гудкова передала в «Московский журнал истории Государства Российского» («Встречи с Ангелиной Осиповной Степановой» были опубликованы в 12-м номере за 1999 год).

Елене Гудковой послал я и запись упомянутой выше пушкинской программы. В канун юбилея А. С. Пушкина, 5 июня 1999 года, по радио весь вечер звучала изумительная программа с участием выдающихся мастеров слова прошлого и современности, которые исполняли произведения Александра Сергеевича. Приятной неожиданностью оказалось и моё участие в этом вечере: Елена сделала небольшой рассказ обо мне и дала возможность услышать стихи Пушкина в моём исполнении.

Ну, а что касается книги, я хочу выразить слова благодарности Надежде Викторовне Макеевой. Она не только очень хорошо отзывалась о ней, но и пыталась помочь – провела в 2000–2004 годах целый цикл передач по книге, когда она ещё не была издана (прозвучали главы о Е. П. Каменоградском, С. Я. Лемешеве, А. О. Степановой, Б. Н. Ливанове), сделала запись моего исполнения рассказа К. Г. Паустовского «Тост» (я уже говорил, что готовила его со мной сама А. О. Степанова). А когда книга состоялась, Надежда Викторовна подготовила к эфиру репортаж о её презентации 4 декабря 2005 года в Доме работников искусств.

Как видите, в моей жизни важную роль сыграло радио – и наше родное, Саратовское, и бывшее Всесоюзное, которого – увы! – нет теперь, а ведь оно было поистине великим! Какая культура речи, совершенство содержания и формы передач, использование уникальных фондов, неповторимые личности, голоса! Мне сказали, что в книге я пропел гимн радио. Счастлив, если это удалось.

Сейчас с нами «Радио России». Должен честно признаться, что очень многое меня не устраивает в его работе: неряшливость речи с многочисленными неточностями ударений и скороговоркой, бесконечные, назойливые повторы рекламы и т. д.

Но и на «Радио России» есть у меня дорогие люди, которых знаю, от которых получал письма: Людмила Васильевна Борзяк и её дивные «Диалоги о культуре» (как я благодарен ей за передачи о Камерном музыкальном театре Б. А. Покровского) и, конечно, Виктор Витальевич Татарский и его драгоценная, уникальная, такая родная «Встреча с песней». Я даже получил письмо от Виктора Витальевича:

«Уважаемый Алексей Николаевич!

Благодарю за Вашу книгу, прочитал которую с интересом. Много знакомых имён, хороший язык... Книга отлично оформлена и издана.

Благодарю также за внимание к моей «Встрече с песней». Больших успехов Вам в творчестве и медицине, которая для Вас, как я понял, тоже – творчество.

С уважением Виктор Татарский. Ноябрь 2005 г.»

Вот такой радио- и телероман был в моей жизни.

**Светлана
КЛИМЕНКО**

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

*Рисунок А. Ф. Саликова.
Иллюстрация к книге
Н. М. Чернышевской
«Саратовский мальчик»*

ДЕТСТВО НИКОЛЕНЬКИ

Николенька родился и вырос в городе Саратове, на Волге. Река была совсем близко, в конце сада, где стояла беседка. Здесь летом было приятно бывать и взрослым, и детям. В саду росли яблоневые и грушевые деревья и ягодные кусты. Летом старшие – маменька, бабушка и тётушка – варили варенье на сахаре и на меду, сушили фрукты, а потом зимой пекли пироги с фруктовой начинкой и варили компот.

Усадьба была большой и спускалась к Волге тремя террасами. На верхней террасе стояли дом Чернышевских, два флигеля, конюшня для трёх лошадей, каретный сарай, сеник с сушильней и банька. Ещё было несколько погребов. Двух лошадей запрягали для поездок отца по служебным делам. Он был священником Сергиевской церкви.

А маменька и тётушка ездили на красивой бричке, отделанной внутри белой кожей, – за покупками. На третьей лошади возили воду, которую брали для разных хозяйственных нужд из реки. Особенно много воды требовалось во время пожаров, которые часто случались летом, так как большинство домов в городе были деревянными.

-
- Светлана Васильевна Клименко родилась в г. Яхроме Московской области. С 1965 года живёт в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Старший научный сотрудник экспозиционного отдела музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

Волга – большая и красивая река. В ней купались, ловили рыбу, плавали на лодках.

Николенька очень любил Волгу и часто любовался ею не только из беседки, но и из окна маленькой комнатки в мезонине их дома. Дом был одноэтажным, но так как стоял на склоне, то со стороны двора у него появлялся будто бы второй этаж – маленькая пристройка под самой крышей – мезонин. Это итальянское слово так и переводится: полуэтаж. Там была всего одна комнатка, зато из окна её была видна Волга. А ещё был балкон, где летом в жаркие ночи можно было даже спать, а днём сидеть там в прохладной тени ивового дерева и пить холодный квас или чай с вареньем.

На средней террасе усадебного двора стоял дом тётушки Александры Егоровны Пыпиной. У них с дяденькой Николаем Дмитриевичем было много детей, двоюродных братьев и сестёр Николеньки Чернышевского. Все дети, и свои и соседские, проживавшие во флигелях на усадьбе, играли вместе. Флигелями тогда называли маленькие домики, которые хозяйева строили рядом с большим домом, чтобы было где жить повзрослевшим сыновьям или дочерям.

В саду была площадка, свободная от деревьев и кустов, которую детвора прозвала «Малой Азией». (Дети тогда хорошо знали географию, потому что много читали. Из географической карты они и узнали про настоящую Малую Азию, а потом и окрестили так своё любимое место для игр.) Там была вырыта яма и вкопан столб, мальчишки соревновались, кто дальше прыгнет и кто быстрее влезет на столб. Играли и в козны (так называли в Саратове игру в бабки), в лапту, запускали воздушного змея и «волчок-ревун».

С детьми весело резвилась собака Орешко. По двору, между сараями, сеновалом и банькой, важно расхаживали павлины с очень красивыми разноцветными хвостами. Из пёрышек павлинов можно было составлять чудесные картинки. А ещё ими украшались детские шапочки, из них делали дамские веера.

Зимой дети прыгали в сугробы, очень большие и мягкие, строили снежные городки, играли в «снежную крепость» и, конечно, катались на санях. На дворе для этого уже не хватало места, поэтому санки катились по Бабушкину взвозу и Гимназической улице – прямо к заледеневшей Волге. Было много смеха и кутерьмы. А на Масленицу катались и взрослые – молодые девицы и парни – на санях с лошадьми. По улице целыми днями мчались сани с разодетыми девушками в меховых поддёрках. У ворот стояли нарядные купчихи, смотрели на молодёжь и грызли семечки. Каждый вечер после катаний приходилось счищать снежные ухабы, которые образовывались от полозьев саней на улице.

Весёлые и взмокшие от снега приходили дети домой к горячей печке, сушились и слушали сказки про богатырей, которые рассказывала бабушка Пелагея Ивановна. Она знала очень много историй про старину, про святых людей и про разбойников. Бабушка рассказывала и о своей молодости. Маменька и тётенька читали детям книги, шили, вязали, вышивали. Они всегда были заняты работой и учили этому же кузин Николеньки.

Одежду всем членам двух семей женщины шили сами. Тогда носили длинные платья с очень пышными юбками и широкими рукавами «в сборку», а на головах у бабушки, тётушки и маменьки были платки, повязанные на старинный лад: все волосы закрыты платком, а наверху торчат смешные «рожки» – кончики от узелков. Обычно так носили платок попадьи, но маменька Николеньки, хоть и была попадьёй, но больше любила новомодные чепцы с кружевами. Кружева тоже плели сами.

Когда Николеньке исполнилось семь лет, он начал учиться читать и писать. Занятия проводил отец Гавриил Иванович и приглашённые им учителя. Николенька писал гусиным пером, сидя за большим, обитым кожей письменным столом отца в его кабинете. Там было много книг в шкафах и на полках у стены. Любовь к чтению была общей для всех родных Николи. Их дом жил «по образованному обычаю».

Когда мальчик выучился читать, он уже сам читал книги своим младшим двоюродным братьям и сёстрам. Они любили слушать рассказы по истории – про Пугачёва и Разина, про то, как Пугачёв был в Саратове на площади у Троицкого собора и как его поймали и казнили в Москве. Это случилось во времена императрицы Екатерины II. Николя знал её по портрету, который был в доме. На большом холсте императрица была изображена в парадном красном платье с меховой опушкой. Вокруг неё стояли министры и смотрели на карту, разложенную на большом столе.

Дети слушали и рассказы из Древней истории – о том, как погиб древний город Помпеи во время извержения вулкана Везувий. В доме была даже такая картина на стене – с извержением Везувия. На ней было много багрового огня и чёрного дыма, а внизу металась в поисках спасения от стихии люди. Дети даже боялись смотреть на эту картину. А в зале висел изображённый на холсте образ Бога Саваофа, который очень нравился папеньке. Это был величественный, убелённый сединами старец, шествующий по облакам. Гаврила Иванович, когда случались пожары, всегда первым выносил из дома этот образ. Он не был похож на обычные иконы, которых было много в доме.

У маменьки в комнате в правом углу был шкафчик, на нём стояло и над ним висело много икон. На них были изображены святые, о которых можно было прочесть в большой красивой книге в сафьяновом переплёте. Бабушка иногда велела прислуге принести эту книгу и читала её детям.

По праздникам в доме священника часто бывали гости, странники и странницы, ходившие к святым местам. Они много рассказывали о том, что видели в других землях. Были в Саратове и свои настоящие подвижники – так называли людей, которые не просто соблюдали религиозные обычаи, как все, но пытались жить почти как святые, совершать религиозные подвиги, поэтому их и называли подвижниками. Одного из них Николенька знал, это был юродивый Антонушка. Он помогал всем бедным и больным и просил, чтобы им помогали другие жители Саратова.

Ещё в городе жило много купцов. Молодые купеческие сынки не всегда следовали в жизни христианским обычаям. Нередко они

устраивали кулачные бои, то есть драки «на кулаках». Тогда их разгоняла полиция. В купеческих семьях жили не так, как у Николеньки. Однажды он вместе с отцом побывал в доме купца Корнилова. Купец угощал гостей чаем, который, прежде чем заварить, долго растирал между ладонями. Его руки выглядели не очень чистыми, и Николеньке было не слишком приятно на него смотреть. Ещё страшнее ему стало, когда он услышал рассказ старших об отношениях между мужем и женой в семье Корниловых. Все спорные дела здесь решались при помощи кулаков. Когда муж был молод и силен, он бил жену и вырывал у неё серьги вместе с мочками ушей. Тогда все девушки и женщины обязательно носили серьги, поэтому жена купца вновь вдевала серёжки в уши, когда раны заживали. Муж снова их срывал в порыве гнева, и история повторялась. У женщины уже не было кончиков ушей – мочек, но серьги она всё-таки носила. Изуродованные уши и увидел Николенька, побывав в гостях в купеческом доме.

Про купца Корнилова, торговавшего хлебом, рассказывали много загадочных историй. В одной из них говорилось, что во дворе у него зарыт клад. Но сколько ни искали мальчишки тайком, ничего не нашли. Про клады и разбойников рассказывали бабушкины гости. Они говорили, что по ночам на острове посредине Волги иногда горят огни – это пируют разбойники. Но Николенька так ни разу и не видел этих огней, может быть, потому, что по ночам он крепко спал.

К бабушке приходили старушки Авдотья Яковлевна и Марья Акимовна. Они рассказывали о чертях не как о сказочных персонажах, а как о реальных слугах дьявола. Марья Акимовна считала, что уличные музыканты продали душу дьяволу и все музыкальные увлечения – это «дань сатане».

Но Николая знал, что это неправда. Его старшая кузина Любинька училась играть на фортепиано. В те времена пианино ещё не было изобретено. Инструмент, который называли «фортепиано», был небольшим и внешне напоминал столик на четырёх толстых ножках. Он был клавишным и ударным, а не щипковым, как его предшественник – клавесин. В домах, где подрастали девушки-невесты, в праздничные вечера устраивались танцы. В доме Чернышевских танцев не бывало. Учить Любиньку играть на фортепиано приходил лютеранский священник, очень почтенный человек.

А ещё в семье любили петь песни – народные романсы и религиозные гимны. Бабушка и маменька умели играть на старинном музыкальном инструменте – гусях. Гусли были струнным щипковым инструментом, их звучание напоминало клавесин и очень подходило к рассказам о богатырях. Ведь в древние времена былины исполнялись нараспев слепыми гусярами. Поэтому Николенька не мог поверить в то, что, когда на улице в толпе людей музыкант играет на скрипке или флейте, рядом с ним можно заметить маленького чертёнка. А кучер батюшки Гаврилы Ивановича говорил, что его дядю черти запарили в бане до смерти. Николенька понимал, что черти тут ни при чём, так как и кучер, и его дядя любили выпить лишнего, так что по праздникам работать кучером приходилось его жене, служившей в доме поварихой.

Слушать эти истории было хоть и страшновато, но интересно. Став взрослым, Николай вспоминал: «В обществе, среди которого я вырос... были целые кучи, груды, горы... невежества, предрассудков, суеверия... На площади Нового Собора стоял в моё детство заброшенный и разваливающимся довольно большой каменный дом, говорили, что в этом доме живут черти; слышен иногда по ночам крик, и даже летят камни из окон на запоздалого прохожего...» Запомнился Николаю и «рассказ про чертей, раздающих золото в пещере подле Саратова»: «Выходит на дорогу человек и говорит мужикам: «Не хотите ли разбогатеть?» – «Как не хотеть!» – «Так идите за мною, я вам покажу столько денег, что возьмёте, сколько захотите». Повёл их в ущелье; из ущелья ход в пещеру; пещера вроде комнаты, посреди этой комнаты котёл с золотом. У котла стоит квартальный¹, в мундире, со шляпою и при шпаге, – как следует. «Берите, сколько хотите», – говорят мужикам квартальный и проводник. А тем временем мужики оглядываются и видят: в углу стоит старик. Они спросили проводника, что ж этот старик стоит в углу, а не идёт к котлу брать деньги. «Он уж взял, – говорит проводник, – это купец NN, это его душа тут осталась в закладе». – «Как так? Значит, если взять деньги, душа остаётся тут?» – «Да». «Ну, когда так, мы не хотим», – сказали мужики и ушли. А душа-то купца NN уж стала старая и поседела и длинной бородой обросла».

Почти все дети любят страшные истории. Николенька ни чуточки их не боялся, хотя помнил их долго – всю свою жизнь. И когда он вырос и стал литератором, кое-что описал в своих книгах. Из них мы и узнали много интересного о детстве Николи.

ДОМ С МЕЗОНИНОМ²

Старые дома как люди. Они имеют биографию, насыщенную разными событиями, то радостными, то печальными. И они тоже могут умереть, если люди не продлевают их век. А ведь они хранят частицу большой истории.

Есть дома-памятники. К ним обращены особое внимание и забота людей. Один из таких памятников – дом Чернышевских в Саратове. Он имеет очень давнюю историю, которая уходит в самое начало XIX века.

20 ноября 1822 года молодой священник Гаврила Иванович Чернышевский, приехавший из Пензы и ставший мужем осиротевшей дочери священника Е. И. Голубева Евгении Егоровны, купил участок земли с ветхой постройкой. Плохонький домишко решили сломать и на его месте построить новый дом. В строительстве помогал губернатор А. Д. Панчулидзе, он прислал мастеров и солдат из Саратовского полка. Дом получился очень хорош. У него было два крыльца, два балкона и мезонин с видом на Волгу. Ах, как было радостно

¹ Квартальный – полицейский, надзирающий за порядком в одном из городских кварталов.

² Мезонин – в переводе с итальянского языка «полужэтаж», надстройка под крышей в средней части дома.

видеть реку в окошечко комнатки в мезонине! В доме было семь комнат, зала, в которой батюшка Гаврила Иванович сделал свою приёмную – ведь у него всегда было очень много посетителей. Ещё была «синяя гостиная» – самая красивая комната в доме. В ней был расписной потолок – удивительной красоты роспись сделали губернаторские художники. А ещё стены в гостиной были выкрашены в необык-

А. Ф. Саликов. Иллюстрация к книге
Н. М. Чернышевской «Саратовский мальчик».
Дом семьи Н. Г. Чернышевского

новенный, ярко-васильковый цвет, поэтому гостиную сразу прозвали «синей». Ни у кого в городе не было такой чудесной комнаты!

Окон было очень много – все в доме любили свет. Но чтобы жарким летом было прохладно, на окнах сделали ставни. Они тоже были необычные и очень красивые: решетчатые жалюзи, но только деревянные. Чтобы зимой было тепло, в доме поставили несколько печей: одну печь с лежанкой, одну русскую, несколько голландских печей, обложенных красивыми белыми изразцами.

Дом закончили строить в 1826 году, вскоре там стали жить Гаврила Иванович, его жена Евгения Егоровна, их сын Николай и бабушка Пелагея Ивановна. Иногда вместе с ними жили их родственники – внуки бабушки от её младшей дочери, Николиной тётюшки Александры Егоровны Пыпиной.

В доме было шумно, особенно когда старшие уходили по делам и дети оставались одни. Они сразу же начинали играть в «путешествие по святым местам»: брали в руки посохи и котомочки и начинали «путешествовать» из комнаты в комнату. «Путешествовать» было очень удобно, потому что все комнаты располагались одна за другой – это называлось «анфилада».³ Но когда дома оставалась бабушка, дети прекращали шуметь. Они любили собираться в комнате бабушки за круглым столом, где стоял самовар и можно было пить чай с вкусным вареньем и медовыми коврижками и слушать рассказы бабушкиных гостей. Но это – в свободное от учёбы время.

Когда Николе исполнилось семь лет, отец начал учить его разным предметам по программе духовного училища. В классах училища было слишком холодно и шумно, там бывало до ста человек в каждом классе, поэтому Николя учился дома. Гаврила Иванович усаживал его

³ Анфилада – ряд комнат, расположенных по прямой, друг за другом, соединённых дверями.

за свой большой письменный стол, обитый кожей, в кожаное кресло. На столе стоял стакан молочного стекла, в котором были очиненные гусиные перья. Мальчик много писал, он изучал не только русскую грамоту, но и другие языки: греческий, латинский, английский, французский, немецкий и даже древнееврейский, арабский и татарский. Гусиные перья исписывали быстро, поэтому на полу около стола стояла плетённая из лозы корзина с охапкой запасных перьев.

Учебные занятия проходили в отцовском кабинете. Там стояли два больших шкафа с книгами, а вдоль другой стены располагались деревянные стеллажи с полками для книг, которых у отца было очень много. Детям разрешалось брать книги с полки, а шкафы запирались на ключ. Книги были старинные, в кожаных переплётках, с металлическими застёжками – это книги церковные: библия, жития святых, учебники по богословию и церковной истории. Очень много было книг на иностранных языках. Особенно любил читать Николая многотомные издания по истории. В библиотеке отца было десять томов «Истории государства Российского» Н. Карамзина, на полках стояли книги по истории Малой России – тогда так называлась Украина. Ещё были книги по истории Древней Греции и Древнего Рима и много, много другой литературы. Отец выписывал журналы, в которых тогда печатались новые произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Николая особенно любил читать весёлые, смешные повести Гоголя – он был его любимым писателем. И вообще он очень много читал, его даже прозвали в семье «библиофагом» – это по-гречески означало «пожиратель книг», так быстро он их прочитывал.

Ему нравилось учиться, наверное, поэтому он захотел получить лучшее образование и попросил батюшку разрешить ему уехать в столицу России – город Петербург, чтобы поступить в университет. Гаврила Иванович понял, что сын стал взрослым и принял правильное решение.

Так Николай впервые покинет родной дом и вернётся сюда через пять лет. А ещё через два года покинет дом уже навсегда. Это случилось в 1853 году. И только через тридцать шесть лет Николай Гаврилович снова приедет в Саратов – после очень трудных лет заключения в Петропавловской крепости, а затем каторги и ссылки, которые он отбывал за свои революционные, республиканские взгляды. Но это уже совсем другая история.

А что же стало с его саратовским домом? Как ему жилось без хозяев? Ведь Гаврила Иванович и Евгения Егоровна умерли, и дом перешёл по наследству к их единственному сыну Николаю. Дом не пропал, этому помогли родственники и благодетели, как их называли Чернышевские, – семья тётушки и дядюшки Пыпиных. Они сохраняли не только дом, но и все вещи Чернышевских. Это было нелегко.

Однажды знойным летом 1866 года в доме Чернышевских случился пожар. И как ни старались пожарные его потушить, всё же сгорели деревянная крыша, оба крыльца, деревянные балконы, ставни, окна и двери. Но дом всё-таки устоял. Удалось спасти многие предметы обстановки, уцелели даже ученические тетрадки Николая. Они хранились в корзине на чердаке, и, когда пол чердака провалился, корзина

упала вниз, в подвал. Пыпины собрали тетрадки и сберегли их. Они спасли от пожара письменный стол Гаврилы Ивановича, за которым Николая учился писать. Но книги спасти не удалось, сохранилось лишь несколько книг из обширной библиотеки Чернышевских. Через два года после этого страшного пожара Пыпины восстановили дом. Правда, выглядел он теперь иначе, не так, как при Чернышевских. Но главное было сделано: дом был спасён. Через много лет, когда Николай Гаврилович вернулся в Саратов и поселился в другом доме около сада «Липки», он приходил в свой родной дом, в котором жили квартиранты, и гостил у них, вспоминая о своём счастливом детстве, о родителях. А когда он умер, хозяином в доме стал его сын Михаил Николаевич. Ему и суждено было возродить дом к новой жизни.

Это произошло уже после революции 1917 года. Тогда Михаил решил передать дом своих предков государству – для устройства в нём музея памяти его отца. В очень трудные годы разрухи и гражданской войны дом всё же удалось отремонтировать и даже отреставрировать. Михаил Николаевич много времени потратил на то, чтобы записать воспоминания людей, помнивших дом Чернышевских времени детства его отца. Он очень хотел вернуть дому его прежний облик. Тогда это не удалось сделать до конца. Но главное всё же было сделано: в Саратове появился музей Н. Г. Чернышевского в доме, где прошли его детские, отроческие и юношеские годы.

Более пятидесяти лет потом музей принимал посетителей. Но время не щадит старинные дома. Потребовались новая реставрация и капитальный ремонт. Исследователи, историки, музейщики и искусствоведы тщательно изучили все сохранившиеся документы по истории дома Чернышевских. Ремонтные работы продолжались несколько лет, и вот в 2001 году музей вновь открыл свои двери для посетителей.

Теперь во всех комнатах дома, ещё хранящих воспоминания о его первых хозяевах, восстановлены исторические интерьеры, то есть воссоздана обстановка, близкая к той, которая была у Чернышевских в первой половине XIX века. Это удалось сделать благодаря тому, что в начале XX века Михаил Чернышевский и его дочь Нина Михайловна записали воспоминания многих людей о семье своих предков и об их доме. Очень подробно вспоминала об интерьерах дома кузина Н. Г. Чернышевского Екатерина Николаевна Пыпина. По её рассказам впоследствии была издана книжка «Беседы о прошлом», в которой мемуаристка описала каждую комнату в доме своего старшего кузена и даже почти каждую вещь из его обстановки. Так мы узнали, как были расставлены столы, диваны и кресла, шкафы, лавки и сундуки, какого цвета были стены в каждой из комнат, где лежали ковры, где и какие висели картины. Вот почему восстановленные музейщиками интерьеры в доме Чернышевских называются историческими, то есть подлинными, мемориальными.

Английское слово *тетогу* означает «память». Дом Чернышевских, сохранённый и восстановленный в его подлинном виде, сегодня является главным памятником нашему прославленному земляку. С этим домом и его интерьерами может познакомиться каждый, потому что здесь – музей Николая Гавриловича Чернышевского.

Елизавета
МАРТЫНОВА

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ТЕАТР

Летом 2017 года в Доме-музее Н. Г. Чернышевского был реализован проект «Выставка «Что делать?» – театральный роман». Экспозиция знакомит посетителей со спектаклями, поставленными по самому известному произведению Н. Г. Чернышевского. Постановки эти в разное время были осуществлены Саратовским ТЮЗом, Саратовским театром драмы и большим драматическим театром им. Г. А. Товстоногова (Санкт-Петербург), и, судя по афишам, многие спектакли были приурочены к юбилейным датам.

История саратовских спектаклей, связанных с жизнью и творчеством Чернышевского, начинается с 1924 года, когда на сцене Саратовского государственного театра драмы был поставлен спектакль «Жизнь Чернышевского» (пьеса А. Измайлова). В экспозиции представлены фотографии сцен из спектакля «Чернышевский» (на сцене Саратовского театра драмы имени Карла Маркса), в роли Николая Гавриловича – И. А. Слонов.

Сохранился доброжелательный отзыв Константина Федина: *«Это был хороший спектакль, достойно отметивший память великого писателя-революционера...»*

С 1949 года в театре драмы шёл спектакль В. А. Смирнова-Ульяновского «Великий демократ», главную роль в котором (роль Николая Гавриловича Чернышевского) играл Г. И. Сальников, а роль Ольги Сократовны Чернышевской – В. К. Соболева.

Непосредственно же роман «Что делать?» первым инсценировал Саратовский ТЮЗ в 1953 году. Спектакль этот был посвящён 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского и тоже получил положительные отзывы. Режиссёром стал Ю. П. Киселёв, исполнителем роли Лопухова – А. Н. Щёголев.

К 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского (1978 год) была осуществлена инсценировка романа «Что делать?» Ю. П. Любимовым в театре юного зрителя и поставлена пьеса Л. Виноградова «Человек, который знал, что делать» в театре драмы. Главные роли в ней играли С. В. Сосновский и А. Я. Михайлов, ныне народные артисты России.

На выставке представлен отзыв на спектакль «Что делать?», опубликованный в газете «Коммунист». Приведу цитаты из рецензии, характеризующие как спектакль, так и время, в которое он был поставлен:

«Итак, в Саратовском театре юного зрителя – новый спектакль. Работа над ним продолжается <...> и с каждым днём в этот процесс вовлекается всё большее число зрителей. Среди них Чернышевский обретает новых читателей, друзей, о которых мечтает каждый писатель...»

«Образы главных героев, освещённые ярким огнём истины, в формировании которой они принимают самое непосредственное участие, приобретают особую убедительность и глубину. Актёры В. Беляева, В. Грибанов, Г. Цинман, В. Зайцев сумели сделать зримой основу высокого человеческого обаяния «новых людей». В них нет ничего необычного и недосягаемого. Просто их стремление к общественному благу находит отражение в их повседневной жизни, в постоянной заботе о конкретном близком человеке...» (В. Смирнова, «Люди высоких идеалов»)

Сохранился ещё один отзыв о том же спектакле в газете «Заря молодёжи» (из архива Саратовского ТЮЗа).

«В нашем городе стали традицией фестивали «Театральная весна», на которых подводятся итоги работы саратовских театров за год. Недавно закончилась «Театральная весна-78». Лучшим из драматических спектаклей жюри фестиваля признало «Что делать?» в ТЮЗе. Первой премией отмечены работы режиссёра спектакля

В.З. Федосеева, народной артистки РСФСР З.Г. Спириной и дебютировавшего в роли Автора молодого актёра ТЮЗа С.В. Сосновского. Со статьёй об этом спектакле выступает сегодня член жюри фестиваля, театральный критик Н.И. Свищева...»

Н.И. Свищева в статье «Урок гражданской активности» писала о спектакле так:

«...глубокая идейная значимость спектакля и неординарность режиссёрского решения раскрываются в полную меру <...> Здесь была запрограммирована необходимость его внутреннего роста...»

«Повышенная активность актёров воздействует на зрителя, который из пассивного наблюдателя становится как бы участником действия. Связь сцены и зала становится не просто формальным приёмом, а политической и нравственной сверхзадачей спектакля.»

Статья
«Урок гражданской активности»
в газете «Заря молодёжи»

Кроме того, на выставке помимо афиш и газетных публикаций представлены книга отзывов, письма Федотову, Сосновскому, Гусевой и др. Рядом – макет сцены ТЮЗа, выполненный художником Архангельским, и отзывы школьников, посмотревших спектакль и ответивших на вопросы учителя. Всё это – написанное от руки – впечатляет, так же, как и множество фотографий сцен из спектакля, создающих иллюзию его просмотра: динамичные сцены, прекрасное качество. Естественно, если спектакль шёл в ТЮЗе, то предназначен он был прежде всего для детей, для школьников и своим видеорядом помогал понять произведение Чернышевского.

В наши дни (с 2014 года) в БДТ в Санкт-Петербурге идёт спектакль по мотивам романа «Что делать?», поставленный режиссёром Андреем Могушим. Этот спектакль завоевал приз зрительских симпатий на XXV Международном театральном фестивале «Балтийский дом» (в 2015 году).

Эффектно выглядят афиша БДТ «Что делать?», цветные фото, очень живые, динамичные и современные.

Интересно само оформление, композиция выставки. Посетитель выставки ощущает себя как в театре, тем более что всё продумано до мелочей: имеется даже театральная вешалка с театральными шляпами. При помощи минимума необходимых средств преобразовано всё пространство. Зал представляет собой уменьшенную копию театра: сцена, зрительские места, синий бархатный занавес, закулисье. Даже рояль, всегда стоявший в выставочном зале, вписался в выставку: на стене возле него висят эскизы декораций и костюмов к спектаклю «Новые люди», выполненные художником Н. А. Архангельским. Так вот на этих декорациях в числе прочего фигурирует и рояль.

В «закулисье» находятся не менее интересные вещи: театральные костюмы, зонты, шляпные коробки, гримёрный стол с необходимыми принадлежностями. Всё это и создаёт необходимую «театральную» атмосферу, которая сразу же окружает посетителя этой выставки.

В экспозиции также представлена коллекция фотографий, пригласительных билетов, вещей семьи Чернышевских и Пыпиных, личные вещи актёров, сыгравших в спектаклях: шкатулка семьи Чернышевских, театральная сумочка В. Феокистовой, веера Ольги Сократовны Чернышевской и Нины Михайловны Чернышевской, сумочки сестёр Е. и П. Пыпиных, перчатки, броши, лорнеты и прочие театральные принадлежности.

Вот в такой вполне театральной обстановке в ноябре 2017 года и был проведён круглый стол, посвящённый воплощению романа Чер-

Афиша спектакля «Что делать?» (БДТ)

Фрагменты экспозиции

нышевского на сцене. Так получилось, что разговор шёл не только о спектаклях и о выставке, но и о творчестве Чернышевского в целом, об отношении к прошлому и настоящему русского театра, о пьесах, произведших впечатление на участников круглого стола.

О театре, о Чернышевском, о любимых пьесах говорили сотрудники музея – Елена Николаевна Ризаева и Лариса Александровна Попова, заслуженный художник России Наталья Александровна Чечнева, работавшая художником Саратовского театра юного зрителя в 1959–1960 гг., доцент кафедры истории русской литературы и фольклора Валерия Викторовна Биткинова, писатели Михаил Семёнович Муллин и Иван Васильевич Шульпин, заслуженная артистка России Инга Дмитриевна Мысовская, артист ТЮЗа им. Ю.П. Киселёва Владимир Иванович Конев, замдиректора ТЮЗа Руслан Ростямович Рахманкулов и др.

И у каждого из них были свой Чернышевский (от восхищения до неприятия), свои воспоминания о пьесах, увиденных давно и недавно, и, конечно же, свой театр.

Владимир Иванович Конев и Елена Николаевна Ризаева на открытии выставки «Что делать?» – театральный роман»

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ТАТЬЯНЫ ПЕЛЕХ

*Татьяна Пелех
со своими произведениями*

Расписные бутылки

*Выставка
Татьяны Пелех
в Доме-музее
Павла Кузнецова*

«Сказочные птицы»

«Летний натюрморт»

«Цветочная фантазия»

«Богатырь на лошади»

«На берегу реки»

«Цветочная композиция»

«Фантазия»

«Райские птицы»

«Розовый куст»

«В саду»

«Полёт бабочек»

«Рыбки»

«Жар-птицы»

«Остров в океане»

«Сказочное дерево»

Елизавета
МАРТЫНОВА

Полёт фантазии

О творчестве Татьяны Пелех

Татьяна Олеговна Пелех – замечательный художник, эколог, общественник. Заниматься живописью она начала всего несколько лет назад, но уже достигла значительных результатов: стала участником более двух десятков выставок, в том числе проходивших в Саратовском областном правительстве, в музее Павла Кузнецова, в областной научной библиотеке. Её творчество отмечено в Книге рекордов России.

Свой творческий путь Татьяна Пелех начала с раскрашивания маленьких открыток. Постепенно она перешла на холст, теперь же рисунки приобрели трёхмерный вид – художница стала расписывать стеклянные бутылки.

Татьяна Пелех работает в стиле примитивизма, а это направление в искусстве, как известно, использует стилизованно упрощённые формы, делающие похожим картину на рисунок ребёнка. Работы Татьяны Пелех, в принципе, вписываются в этот стиль, но при этом они оригинальны, индивидуальны, её творческий почерк узнаваем. Акцент в её работах сделан на цвете, а не на рисунке, и цвета яркие и чистые. Картины не статичны, в них во всех ощущаются движение, особая гармоничная пластика – картина самодостаточна, в композиции зачастую используются элементы симметрии. Особая черта – золотая и серебряная обводка контуров предметов, которая добавляет картине праздничности.

Татьяна Пелех изображает сказочных зверей и птиц, деревья и цветы, и совсем редко – людей. Это обособленный, замкнутый мир, но при этом светлый и ярко эмоциональный. Эти эмоции безошибочно чувствуют зрители, будь они профессиональными художниками или просто любителями живописи.

Во всех работах Татьяны Олеговны ощущается нечто фантазийное; безграничный полёт фантазии и диктует художнице причудливые сюжеты. Но, пожалуй, в полной мере эта «безграничность» про-

Татьяна Пелех

явилась в новых произведениях – стеклянных бутылках, расписанных акриловыми красками.

В 2015 году художница поставила перед собой цель: расписать тысячу стеклянных бутылок, проведя таким образом экологическую акцию. «Я в этом плане пионер. Никто до меня ещё такой рекорд не регистрировал. И я намерена довести дело до конца», – говорит Татьяна Олеговна.

Что удивительно: ни одна из этих бутылок не похожа на другую, каждая из них оригинальна – на них оживают те же волшебные цветы, виноградные лозы, птицы и рыбы, сказочные замки, что и на холстах художницы.

Из бытового мусора Татьяна Пелех создаёт полезные и красивые вещи, которые затем представляет на выставках. Она надеется, что со временем расписыванием стеклянных бутылок займутся и другие художники и, таким образом, это станет «народным промыслом».

Михаил
ЦАРТ

Чудеса в жёлтой сумке

Божунга, Л. Жёлтая сумка/Лижиа Божунга; пер. Ирина Новикова;
ил. Елена Гнедкова. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — 144 с.

В 2016 году впервые на русском языке вышла замечательная книга бразильской писательницы Лижиа Божунга «Жёлтая сумка». Лижиа Божунга — одна из всего трёх детских писателей в мире, получивших сразу две главные литературные премии по детской литературе: Международную литературную премию имени Ганса Христиана Андерсена и Премию памяти Астрид Линдгрэн. Жюри Премии памяти Астрид Линдгрэн высказалось о произведении Лижиа Божунга так: *«Самобытность писательницы проявляется в умении смешивать игру, лирическое начало и абсурдный юмор с социальной критикой, любовью к свободе и решительной защитой ранимого ребёнка».*

Но даже если читатель не знает о престижных наградах автора, он с первых строк начинает восхищаться этой книгой, написанной легко и увлекательно. Героиня его, двенадцатилетняя девочка Раquel, рассказывает историю своей жизни, но это не просто повесть, а повесть-сказка, насыщенная фантастическими подробностями.

Как и должно быть в сказке, у Раquel есть три мечты, три желания. Во-первых, она хочет скорее повзрослеть: взрослой и независимой быть гораздо лучше, чем маленькой. Во-вторых, она думает, что мальчишкам в этом мире живётся проще, чем девочкам, и Раquel сожалеет, почему она не родилась мальчишкой.

И, пожалуй, самое главное желание: героиня сказки мечтает стать писателем. Она обожает сочинять, и кое-что у неё получается: она пишет письма вымышленным персонажам, рассказывает о своей семье, просит совета о том, как жить дальше, сочиняет даже маленький роман о петухе. Но семья Раquel поднимает её на смех: её родственники — люди, живущие исключительно в вещном, бытовом мире, ничего не желают знать о мире выдуманном. Взрослые не воспринимают её всерьёз, не уделяют ей достаточно внимания. Для них она — четвёртый ребёнок в семье,

которого трудно прокормить и который доставляет множество хлопот своим независимым и странным характером.

И тогда Раquel решает спрятать свои желания в жёлтую сумку, обыкновенную и в то же время волшебную сумку с семью чудесными карманами. Девочка раскладывает по карманам свои заветные желания и любимые вещи, закрывает сумку на замок, с которым заключает тайный договор: не раскрывать ни для кого, кроме хозяйки.

Почему сумка — жёлтая? Жёлтый для ребёнка — цвет надежды. Лейтмотивом в книгах Божунга также выступает море — её излюбленное место действия. Море символизирует открытость и безграничность пространства, по сравнению с замкнутостью пространства сумки.

И всё бы хорошо, но вот «запертые» желания разрастаются до угрожающих размеров, а спрятанные вещи начинают рассказывать о себе невообразимые истории. В сумке появляется говорящий петух — оживший персонаж «маленького романа». И тогда события начинают развиваться просто непредсказуемо, происходят самые невероятные вещи — до тех пор, пока девочка не научится управлять своими желаниями и не избавится от лишних и ненужных из них.

В «магической реальности» сказки Лижиа Божунга очень сложно провести грань между действительностью и сказочным миром; начавшись вполне реалистично, повествование приобретает всё более фантастические очертания. При всей лёгкости языка сказка эта не так проста, как кажется вначале, ведь в притчевой форме автор рассказывает о серьёзных проблемах: о сложностях детства в условиях неравноправия (сказка была написана в 1976 году, во время военной диктатуры в Бразилии) и, конечно, о вечной проблеме человеческого одиночества.

Потому книгу с удовольствием читают как взрослые, так и дети, ведь проблемы одиночества и свободы важны для любого возраста.

Александр КИРСАНОВ

5 марта 2018 года исполняется 90 лет со дня рождения Дмитрия Сергеевича Худякова – легендарного телеведущего передачи Саратовского телевидения «Не за тридевять земель, которая длится вот уже пятьдесят восьмой год. Нигде в мире нет такой «долгоиграющей» телепередачи!

Многие поколения школьников земли саратовской приобщились к истории малой родины, посылая Худякову на телестудию свои находки – окаменелости, предметы старины, фотоснимки достопримечательностей своих сёл и городов; задавали вопросы о тех загадках природы в окрестностях Саратова, которые встречались им в их путешествиях. Разговор краеведа с ребятами прерывался лишь на дни летних каникул. Да и то не со всеми: много лет подряд Дмитрий Сергеевич Худяков использовал свой отпуск, чтобы отправиться с детьми уже не в виртуальное, посредством телеэкрана, а в самое что ни на есть всамделишное путешествие по родному краю.

Повезло попасть в одну из таких экспедиций летом 1975 года и школьнику Саше Кирсанову. Сегодня Александр Васильевич Кирсанов предложил журналу опубликовать его дневник с той экспедиции в Хвалынский район, отметив тем самым девяностолетие бесценного телеведущего замечательной передачи «Не за тридевять земель».

Владимир Вардугин

ДНЕВНИК

18 июня 1975 года

В восемь часов пришли к Дмитрию Сергеевичу Худякову. Там мы встретили Женьку и Павлика. Худяков дал нам пятьдесят рублей и отправил нас – Витальку, Серого и меня – за провизией. Павлу и Женьке он тоже дал денег, и они поехали на речной вокзал за билетами на «Метеор» до Алексеевки. А мы втроём пошли шастать по магазинам. Покупатели в магазинах так смотрели на нас, будто хотели нас съесть. Один старик взглянул на нас и пробормотал: «Туристы?!»

Мы сделали по два захода уже. На третий раз мы купили два килограмма масла, и Виталька понёс его к Дмитрию

Сергеевичу домой, а мы с Серым пошли дальше... В общем, накупили всякой всячины. Договорились встретиться 19 июня, и в два часа поехали домой. Дома собрали рюкзаки. Завтра едем...

19 июня

В пятнадцать минут восьмого я зашёл к Витальке, там уже был Серый. Женька нам сказал восемнадцатого, что они с отцом поедут на речной вокзал и возьмут нас с собой по пути. Виталька всё торопился, говорил, что не успеет на машину, а Серый всё возился с рюкзаком. Наконец пошли. Виталькины опасения оправдались. Не успели мы подойти к остановке, как около неё притормозил «Москвич» и оттуда вышел Женька и позвал нас. Мы, довольные, побежали к машине. Сели втроем на заднее сиденье и поехали.

Приехали на речной вокзал и встретили там Павла. Все вещи свои мы сдали в камеру хранения и пошли гулять. Время подходило к одиннадцати, а Дмитрия Сергеевича всё не было («Метеор» отходил пятнадцать минут двенадцатого). Мы начинали нервничать, как вдруг показались знакомые фигуры.

Итак, нас восемь человек: Дмитрий Сергеевич, Николай Михайлович (археолог), Санька, брат археолога, Павлик, Женька, Серый, Виталька и я. У нас – море рюкзаков, но это не беда. Мы погрузились на «Метеор» и стали ждать отплытия. Наконец, отдали концы, и «Метеор» с ходу взял большую скорость.

Мы всё оглядели, всё везде пролазили с Серым и начали гонять туда-сюда. Потом нам наскучило это занятие, и мы вооружились фотоаппаратами. Потом подъехали к Вольску и остановились минут на пятнадцать. Мы с Серым вышли на пристань (Виталька в «Метеоре» резался в шахматы), напился холодной воды, размялись и пошли обратно. Один речник, который был на «Метеоре», попросил Серого залезть в каюту через окошко (они захлопнули дверь, а ключ остался в каюте) и открыть дверь. Серый быстро проделал всю эту операцию.

Проехали ещё минут тридцать пять и въехали в Балаковские шлюзы. Мы все высыпали на палубу и стали смотреть. Я хотел уже сфотографировать шлюзы, но Худяков сказал, что их запрещено фотографировать. Наконец, отплыли и из Балакова. Проплыли минут десять, и Волга стала необычайно широкой. Дмитрий Сергеевич сказал нам, что мы плывём по Саратовскому водохранилищу, или морю. Волга была тихая, спокойная и ровная, как зеркало. Был погожий солнечный летний день. Все рюкзаки мы перетаскивали к выходу.

Время было примерно половина четвёртого, когда мы пришвартовались к пристани у Алексеевки. Стали переносить рюкзаки на берег,

и тут Женька уронил свою сумку в воду. Но, к счастью, ничего не промокло, сумка была хорошо закрыта.

На берегу начали собирать байдарку «Салют», двухместную. Дмитрий Сергеевич стал фотографировать сборку байдарки. Мы с Серым тоже не дураки – кинулись за своими фотоаппаратами. Собрали байдарку, погрузили в неё все рюкзаки, и Дмитрий Сергеевич поплыл вниз по Волге на полтора километра. А мы всемером пошли по берегу.

Сначала шли по деревне. Вся мелкая шпана смотрела нам вслед. Незаметно прошли эти полтора километра. Встретили Худякова, нашли отличное место для стоянки. Небольшой обрыв метра четыре.

На этом обрыве маленькая, но очень ровная поляна. На поляне было с дюжину деревьев, а дальше сразу начинался лес. Под обрывом плескалась Волга. Солнце отбрасывало длинные тени от деревьев. Место для стоянки было выбрано словно по заказу.

Мы поставили палатки, положили в них рюкзаки. Виталька, Серый и я в одной палатке, Женька с Павлом – в другой, Дмитрий Сергеевич, Николай Михайлович и Санька – в третьей. Женька с Павлом стали готовить ужин, а мы с Виталькой попросили у Худякова байдарку и поехали кататься. Накатавшись, причалили к берегу, и в байдарку сели Серый с Санькой...

Павлик с Женькой тем временем готовили щи с колбасой. Когда все собрались, стали ужинать. Поужинали, маленько отдохнули и часов в одиннадцать вечера пошли купаться всем лагерем. Вода была тёплая. Искупались и пошли спать. Серый

сразу уснул, а мы с Виталькой ещё долго не спали. Минут через тридцать погода испортилась. Подул сильный ветер, и мы с Виталькой тщательно застегнули вход в палатку. Потом уснули и мы.

20 июня

Часов в семь утра я ещё спал: под утро, как известно, самый сон. Немного согрелся под одеялом, как вдруг слышу крик какого-то сумасшедшего: «Ребята! Туристы!» Затем следует какой-то неразборчивый смех, и всё повторяется снова. «Какому дурню не спится?» – думаю я и хочу опять заснуть, как вдруг опять этот крик и хохот.

Я поднимаюсь и вижу: у входа в палатку сидит Виталька и продолжает орать. «Поспать не даёшь!» – говорю я ему и выхожу из палатки. Дует сильный, но тёплый ветер. Сначала показалось, что холодно, но потом привык. На Волге ходят волны, как на море. Большие, грязно-серого цвета. Напротив нашего берега встала на якорь баржа. Мы посмотрели на неё в бинокль и прочитали название: «Амгунь».

Умылись, с трудом развели костёр. Готовить завтрак взялись мы с Серым. Стали варить макароны. Тут на меня набросились Виталька с Серым. Серый говорил, чтобы я помогал ему готовить, а Виталька звал меня переставлять палатку. Дмитрий Сергеевич разом решил наш спор, и мы с Виталькой стали переставлять палатку.

После завтрака Худяков сказал нам, что в километре отсюда, выше по течению Волги, есть овраг, который называется «Аришкин дол». Павлик, Женька, Виталька, Серый и я, взяв молотки, зубила и маленькие рюкзаки, пошли туда. По дороге нашли только куски гипса и мелкие аммониты. Дмитрий Сергеевич сказал, что там можно найти кости мамонта, но мы ничего не нашли.

Вернулись и стали купаться. Течение в Волге стало сильнее обычного из-за ветра, и нас всё время сносило вниз. Потом купаться надоело, и мы вылезли на берег. От нечего делать мы с Серым залезли в палатку. Всем хотелось пить, но воды не было. Байдарку спускать на воду было опасно, её могло волной бросить на камень, а если кто-то и поехал бы за водой, то она могла бы и перевернуться. Дмитрий Сергеевич ушёл в Алексеевку кого-то встречать. Серый от скуки стал уничтожать мух в палатке, но вскоре ему наскучило это занятие, и он уснул. Я сижу в палатке, веду запись. Серый дрыхнет, как говорится, без задних ног. Как-то незаметно я тоже уснул...

Проснулся оттого, что кто-то дёргал меня за ногу. Я выглянул из палатки и увидел Витальку. «Вставайте, – сказал он нам (Серый всё ещё спал), – Дмитрий Сергеевич пришёл».

Из Алексеевки пришли Дмитрий Сергеевич и Валентина Васильевна, она, кажется, геолог. Они поплыли на байдарке за водой, а потом мы стали готовить обед.

Я стал будить Серого. Он открыл глаза, как-то глупо посмотрел на меня и снова собрался спать. «Вставай!» – сказал я и встряхнул его. «Отвяжись!» – ответил он. Но минуты через три он тоже вышел из палатки. После обеда стали собираться в дорогу. Худяков с Валентиной Васильевной отплыли вниз по Волге, а мы тронулись в путь. Мы прошли километров 10–11 и с горы увидели Меровку. Она стояла в низине. Но не было видно ни одного человека. Мы спустились в деревню, и нам всё стало ясно. Деревня была заброшена. Стояли крепкие деревянные дома, изредка бревенчатые и... пустые. Усталые, мы зашли в деревенский сад. Я понял, что деревню покинули недав-

но. На яблонях висели яблоки, на вишнях – спелые ягоды, росли кусты малины и смородины. Мы подкрепились плодами и двинулись дальше.

Мы шли по берегу и внимательно смотрели себе под ноги. Мы с Серым ушли вперёд. Прямо около воды валялось много очень интересные

камней. Все они были из окаменелой глины. Серый нашёл очень интересный камень, он был совершенно круглый, как монета. Он состоял из тёмно-коричневых и светло-коричневых полос. Серый мельком показал мне его и кинул в воду. Эх, ну и оболтус! Я его там чуть не побил. Ни себе ни людям! Мы с ним выбрались в лес (по берегу невозможно было идти – сплошные коряги). Лес был какой-то серый, сумрачный, какой-то неживой. («Жуткие места», – вспоминал потом Женька). И тут мы услышали, что нас зовёт Дмитрий Сергеевич: «Ребята, идите сюда!» С нас сразу вся усталость слетела. Мы подбежали к Дмитрию Сергеевичу, закинули в байдарку рюкзаки, сели в байдарку и поплыли навстречу остальным. Мы крикнули им, что осталось ещё немного пройти. Я сказал Серому, чтобы он грёб, а я буду табанить. Но он страшно возмутился: как это – он да будет грести? Он на эту дикость не пойдёт! Я его там чуть веслом не огрел.

С горем пополам добрались до берега, и я отвязался от этого упряма. Пришли остальные. Мы разбили палатки и начали готовить ужин. Когда поужинали, провизию стали подвешивать на деревья. Дмитрий Сергеевич сказал, что он видел крыс. Наконец залезли в палатки. Нас теперь в палатке четверо: Павлик, Серый, Виталька и я. Лежим тихо, и вдруг на палатку прямо над головой Серого упало что-то тяжёлое. В это место сразу посыпался град ударов молотком. А тут ещё Павлик лежит, как говорится, масла в огонь подливает: говорит, что крысы отгрызают уши и носы. Мы плотнее прижались друг к другу. Серый быстро заснул – ему хоть слоны бешеные бегать будут. Наконец уснули.

21 июня

Ночью я проснулся. Холодно. Виталька спит себе. Вдруг внизу по стенке палатки с моей стороны словно прошла цепная реакция – кто-то пробежал. Я швырнул молоток в этого непрошеного «паникёра» и опять уснул. Наконец часов в семь мы проснулись. Я слышал, как из соседней палатки вышел Дмитрий Сергеевич и направился к нашей палатке и стал расстёгивать вход в нашу палатку. Павел спросонья не разобрался, кто там «ломится», и треснул ему по пальцам молотком. Когда Дмитрий Сергеевич узнал, чего мы боялись, он

рассмеялся. Он сказал, что это была не крыса, а соня-белка, серого цвета и без кисточек на ушах.

Потом мы собрали палатки и стали готовить завтрак. После завтрака Виталька и Серый пошли в Меровку за фруктами для компота. Набрали там немного вишни и смородины и отправились обратно. Мы шли по колено в воде, и Серый (он нёс котелок с вишней) зацепился за корягу и загремел в воду. Когда он вынул котелок из воды, там было всего четыре вишенки. При виде этого зрелища мы расхохотались. Но вишню со дна собрали и пошли дальше. Пришли в лагерь, пообедали (ягод на компот не хватило), искупались и стали собираться в путь. Собрались и опять тронулись.

Отойдя от стоянки метров на сто, я нашёл на берегу ржавый нож. Рукоять его была обмотана сыромятиной, но эта сыромятина была такая гнилая, что рвалась как бумага. Видимо, этот нож был очень старый.

Прошли километров десять и на горизонте увидели крестики. «Это что? Кладбище, что ли?» – спросил я у Витальки. «Нам до этого кладбища только и дойти осталось», – ответил он с иронией. Но пройдя ещё с полкилометра, мы встретили Дмитрия Сергеевича. Сразу от Волги вверх уходила тропинка в гору, на этой горе была ровная большая поляна со множеством деревьев. На этой поляне все и расположились. Мы с Серым стали готовить ужин, а Виталька, Павлик и Женька ушли искать остальных. Мы с Серым сготовили ужин, поели и отправились на карьер, а первая тройка пришла успешно.

Солнце село. Мы с Серым собрались идти на стоянку. На левом берегу Волги, далеко вниз, светились огни Балакова. Мы с Серым решили сократить путь и спуститься вниз. Спрыгнули с небольшого обрывчика, метра полтора, и оказались в так называемой ловушке. Небольшая покатая площадка, с трёх сторон окружённая обрывом, а с четвёртой обрыв уходил вниз.

Наконец кое-как выбрались оттуда и вернулись на стоянку. В лагере уже все спали. Мы с Серым залезли в палатку. В проходе оказалась маленькая щель, и через неё на лицо Павлика падал свет луны. «Чего вы на меня луну наставили?» – спросил он. Но вскоре все мы в палатке уснули.

ПОСТСКРИПТУМ

В дневнике не хватает двух страничек: недоглядел, внучка изорвала...

Прошло сорок два года с тех пор, как Дмитрий Сергеевич открывал нам тайны родного края. Года три мы с Виталькой Васильченко, моим одноклассником (учились в школе № 85 Заводского района), отыскивали акульки зубы и другие окаменелости на Мочиновском карьере, потом послали свои находки на телестудию для передачи «Не за тридевять земель». И были несказанно удивлены, когда Худяков прислал нам письмо и пригласил к себе домой. Было это в 1974 году. А на следующий год мы приняли участие в экспедициях в Тёпловку, в Алексеевку, в 1976 году – в Банновку.

Как сложилась судьба героев дневника? Николай Михайлович Малов стал профессиональным археологом, возглавлял Саратовский областной музей краеведения, сейчас преподаёт в классическом университете. Сергей Пантелеев выбрал строительную специальность, отстраивает наш Саратов. Трагически сложилась судьба Павла Хохлова: увлёкшись альпинизмом, погиб в восемнадцатилетнем возрасте в Жигулях... Его друг и одноклассник Женька – Евгений Михайлович Первушов – ныне преподаёт в Саратовском государственном университете, он геолог. Дальше всех забросила судьба Витальку: Виталий Николаевич Васильченко, выпускник политехнического института, в нулевых уехал в Ирландию, ныне работает инженером в госпитале города Дублин. Ваш покорный слуга тоже зачастую уезжает далеко от Саратова – работаю машинистом дизельных электростанций на объектах «Газпрома». Полагаю, что мои товарищи по путешествиям «по берегам морей, которых никто никогда не видел» (так называется одна из книг Худякова), как и я, рады тому, что по-прежнему Дмитрий Сергеевич ведёт свою знаменитую телепередачу, вдохновляя всё новые и новые поколения саратовских школьников изучать наш замечательный край.

На снимках:
лагерь экспедиции
Худякова
близ Банновки,
лето 1976 года.

*Сотрудник Дома-музея Н.Г. Чернышевского
Елена Николаевна Ризаева
и заместитель директора Саратовского ТЮЗа
Руслан Ростямович Рахманкулов
на выставке «Что делать?» – театральный роман»*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художники – Татьяна Пелех, Наталья Шиндина,
Наталья Григорян, Максим Светланов, Александр Саликов.

Подписано в печать 18 декабря 2017 года.

Дата выхода в свет 31 декабря 2017 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 081812/17

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2017.

© «Волга–XXI век», 2017.

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ТАТЬЯНЫ ПЕЛЕХ

«Пейзаж с птицами»

«Цветы»

Татяна Пелех. «Чудо-курица»

9 771993 947719

8 1217

ISSN 1993-9477